

Детина
ктуне в
Духомко
полюство
вельми в
на пелла
во вепулаи
рмих оуа
дасуа, в
'гмз рми
* * * * *
* * * * *
шенис (в
льного вид
муит в
Детина
ктуне в
Духомко
полюство
вельми в
на пелла
во вепулаи
рмих оуа
дасуа, в
'гмз рми
шенис
льного вид

А. М. Куликова

**Российское
востоковедение
XIX века
в лицах**

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Архив
оссийского Востоковедения

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Studies
Saint-Petersburg Branch

A. M. Kulikova

**Nineteenth centenary
Oriental Studies in Russia:
Persons**

St. Petersburg
2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

А. М. Куликова

**Российское
востоковедение
XIX века в лицах**

Санкт-Петербург
2001

УДК 991
ББК Т1(5)5

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН*

А. М. Куликова. Российское востоковедение XIX века в лицах. —
СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. — 192 с. — (Архив
российского востоковедения)

В книге история российского востоковедения XIX века представлена в виде пятнадцати очерков жизни и деятельности людей, причастных к изучению Востока.

В заключительной главе автор впервые поставил и осветил некоторые общие проблемы востоковедной науки. Решение этих теоретических вопросов стало возможным в результате сравнительного анализа большого количества фактических данных, как приведенных в работе, так и оставшихся за ее пределами.

Книга основана на архивных источниках и малоизвестных опубликованных материалах.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

Исключительное право на распространение настоящей книги на территории Российской Федерации и за ее пределами принадлежит издательству «Петербургское Востоковедение».

ISBN 5-85803-195-1

© «Петербургское Востоковедение», 2001
© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН, 2001

Зарегистрированная торговая марка

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОСТОКОВЕДОВ XIX века	
Автобиография первого российского индолога Г. С. Лебедева (1749—1817)	13
Три этюда к картине деятельности академика К. М. Френа (1782—1851)	17
Языковед И. А. Гульянов (1786—1841/1842) и его научно-литературные связи	32
Нико Чубинашвили (1788—1846) — грузиновед, драгоман, собиратель источников.	50
Ф. Б. Шармуа (1793—1868) — основоположник университетской иранистики в Санкт-Петербурге.	58
Первый русский арабист в Санкт-Петербурге М. Г. Волков (1800—1846)	68
И. В. Ботьянов (1802—1868) — востоковед и переводчик при вице-адмиралах А. С. Грейге и М. П. Лазареве	77
И. А. Б. Дорн (1805—1881) и востоковедное образование в России.	84
Р. Ленц (1808—1836) — основоположник университетской санскритологии в России	98
Востоковед А. Н. Гусев (1810—1835)	106
Востоковед П. Я. Петров (1814—1875) в его переписке с современниками.	113
Воспитанники Дерптского императорского университета С. Назарян (1814—1879) и К. Патканян (1833—1889) в истории русского востоковедения	130
Академик В. П. Васильев (1818—1900) и его несостоявшаяся роль преподавателя-тибетолога	138
Научные связи академика-литературоведа А. Н. Веселовского (1838—1906) с востоковедами (по эпистолярным материалам)	142
Д. Н. Кудрявский (1867—1920) — языковед-индолог, преподаватель трех российских университетов.	160
Заключительная глава. Некоторые проблемы истории востоковедения Российской империи	167
Список сокращений	182
Указатель имен	184

Предисловие

Предлагаемая читателям книга является закономерным продолжением моих многолетних научных исследований. Эти исследования реализовались в публикации по истории востоковедения, которые укладываются в рамки нескольких основных тем: возникновение востоковедной науки в России¹, востоковедное образование², структура и содержание государственного российского востоковедения (по законодательным материалам)³, эпистолярное наследие исследователей Востока⁴ и их биографии⁵.

Разработка каждой публикации — монографии, статьи, очерка, сообщения — наряду со сведениями самого разного характера давала новые данные о лицах, причастных к предмету изучения. Круг этих лиц расширялся, накапливались источники о них, совершенствовался опыт их поиска. Таким образом, постепенно вызревала идея работы, специально посвященной непосредственным создателям востоковедной науки — людям, чья деятельность составляет основу научного процесса.

При установлении хронологических рамок были учтены следующие моменты. XVIII в. был периодом зарождения и становления российского востоковедения. XIX в. с первых шагов заявил о себе коренными преобразованиями в этой науке, являвшимися частью реформ государственной жизни. Основными из этих нововведений были официальное восстановление академического востоковедения (1803 г.) и организация высшего востоковедного образования (1804 г.). Результатом этих мер было превращение востоковедной науки в России в самостоятельную отрасль знания. В течение XIX столетия востоковедение в России было на подъеме, который приостановился с войной, начавшейся в 1914 г., и закончился с падением Российской империи в 1917 г. Востоковеды, сложившиеся как специалисты в начале XX в. (до 1914 г.), не реализовали себя в этом качестве в силу изменившихся исторических условий. Учитывая названные обстоятельства, были определены следующие тема и рамки работы: «Российское востоковедение XIX века в лицах».

Главная задача настоящего исследования состоит в освещении истории востоковедной науки России XIX в., представленной в виде деятельности ряда ее представителей. К тому же анализ творчества

конкретных людей позволяет определить общие черты и тенденции развития этой научной отрасли. Вместе с тем хотелось, чтобы эта книга уменьшила число забытых имен, «устаревших» трудов, потерянных событий. Возможно, что она, привлекая внимание к этой тематике, будет толчком к более глубокому изучению деятельности лиц, в ней упомянутых.

Работа построена по следующему принципу. С одной стороны, в ней присутствуют пятнадцать научно-биографических очерков, каждый из которых содержит исследование либо жизни и творчества в целом, либо отдельных сторон деятельности — определенного человека, оставившего след в российском востоковедении. С другой стороны, ее заключительная глава посвящена некоторым общим проблемам — таким, как периодизация, предмет изучения, структура, цели, характерные черты и особенности востоковедения России. Эти столь несхожие на первый взгляд части работы дополняют и уравновешивают друг друга, помогая полнее понять место отдельных фактов в общей цепи событий.

Биографические очерки посвящены как широко известным личностям, так и скромным труженикам науки, почти забытым в настоящее время. При отборе учитывались лишь два критерия: введение в научный оборот первоисточников и датирование начала профессиональных занятий героя очерка XIX в. (Поэтому годы рождений некоторых лиц приходится на конец XVIII в., а окончание деятельности в некоторых случаях захватывает начальные годы XX в.) Расположены очерки по хронологическому принципу — для того, чтобы создавалась картина развития научного процесса и преемственности востоковедов.

Источниковедческая база работы включает прежде всего источники, собранные в следующих шестнадцати архивах Российской Федерации и бывшего СССР: Архив внешней политики Российской империи (Москва), Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, Воронежский областной архив, Городской архив (Тарту), Институт рукописей Академии наук Грузии (Тбилиси), Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург), Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург), Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург), Рукописный отдел Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Центральный государственный исторический архив Москвы, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. По видовым признакам архивные материалы раз-

деляются на несколько групп: рукописи трудов, подготовительный материал к ним, личная переписка, официальные бумаги.

Наибольшее количество опубликованных документов почерпнуто из названной выше работы, основанной на российских законодательных актах⁶. К источникам примыкает круг публикаций в периодике XIX в.: это некрологи, воспоминания, отзывы, документы по деятельности учреждений и лиц. Вся известная литература по рассматриваемой теме привлечена — только после сравнительного анализа и уточнения всех имен, дат и фактов. Особое внимание к поиску научных трудов каждого ученого — как опубликованных, так и оставшихся в рукописях — позволяет утверждать, что часть их предана полному забвению, а часть — до сих пор активно используется современными исследователями.

Как сказано выше, в числе моих более ранних работ были «персоналии»⁷. Собранный при их подготовке материал и сами публикации, разбросанные по страницам периодических изданий, часто труднодоступных для читателей, использованы при создании этой книги.

Любой очерк, как составная часть входящий в данную обобщающую работу, вместе с тем как исследование сохраняет определенную самостоятельность. Учитывая это, в каждом из них имена и фамилии, годы жизни, названия учреждений и другие подобные сведения приводятся полностью. Точно так же использованные источники и литература даны в примечаниях к конкретному очерку: при первом упоминании — полный вариант названия, повторно — сокращенный вариант названия. Названия, учтенные в списке сокращений, оформлены иначе: фамилия автора (без инициалов) не выделена курсивом; название везде приведено в сокращенном виде — соответственно этому списку. Все заглавия моих работ, встречающихся в примечаниях к предисловию, приведены полностью. Названия учреждений даны в вариантах периода завершения рукописи работы.

В цитатах, а также в некоторых текстах, содержащих изложение авторских материалов (названия трудов и научных тем, учебные программы и планы, информация из документов и писем и т. д.) сохраняются орфография и терминология авторов XIX в.⁸

Книга рассчитана на востоковедов, историков и других читателей, проявляющих интерес к прошлому российской науки.

Декабрь 1997 г.

Примечания

¹ Куликова А. М. Начало изучения японского языка в России // НАА. М., 1979. № 1. С. 134—145; *Она же*. Неизвестные указы Петра I // НАА. М., 1985. № 4. С. 73—77; *Она же*. Первые калмыцкие (монгольские) рукописи в России // ППиПИКНВ. XX годичная научная сессия ЛОИВАН. Ч. I. М., 1986. С. 56—58; *Она же*. Зарождение японоведения в России в XVIII в. // НАА. М., 1990. № 4. С. 101—112; *Она же*. Востоковедение в России в XVIII сто-

летию // История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 38—75 и др.

² Куликова А. М. Зарождение университетского востоковедения в России // Общественные науки в Узбекистане. № 6. Ташкент, 1969. С. 27—34; *Она же*. Проекты востоковедного образования в России (XVIII—I половина XIX вв.) // НАА. М., 1970. № 4. С. 133—139; *Она же*. Новые материалы к истории тибетологического образования в России // ППиПИКНВ. IX годовичная научная сессия ЛОИВАН. М., 1973. С. 151—153; *Она же*. «План коллежского советника Янковича де Мириево о заведении училища восточных языков» // ППиПИКНВ. XIV годовичная научная сессия ЛОИВАН. Ч. I. М., 1979. С. 33—38; *Она же*. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982; *Она же*. Новый документ об обучении русских китайскому и маньчжурскому языкам при российских миссиях в Пекине // ППиПИКНВ. XVIII годовичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). 1983—1985. Ч. I. М., 1985. С. 48—53; *Она же*. Первое свидетельство о преподавании восточных языков в Новгородской гимназии в середине XIX века // ППиПИКНВ. XX годовичная научная сессия ЛОИВАН. Ч. I. М., 1986. С. 58—60 и др.

³ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVIII в.—1917 г.). СПб., 1994. В данную работу вошли все более ранние публикации по этой теме.

⁴ Куликова А. М. Первое путешествие И. П. Минаева на Восток в его переписке с А. Н. Веселовским // ППиПИКНВ. XII годовичная научная сессия ЛОИВАН (краткие сообщения). Ч. I. М., 1977. С. 118—124; *Она же*. Письмо Ж. Ф. Шампольона М. А. Мильярины // Вестник древней истории. М., 1982. № 4. С. 78—86; *Она же*. Переписка Х. Д. Френа как источник по истории востоковедения // ППиПИКНВ. XIX годовичная научная сессия ЛОИВАН. Ч. I. М., 1986. С. 98—102 и др.

⁵ Куликова А. М. Новый документ о первом японце в России // ППиПИКНВ. VIII годовичная научная сессия ЛОИВАН. Л., 1972. С. 32—34; *Она же*. Б. А. Дорн и университетское востоковедение в России // НАА. М., 1975. № 2. С. 220—228; *Она же*. Новый документ о Сагите Хальфине // ППиПИКНВ. XIII годовичная научная сессия ЛОИВАН. М., 1977. С. 190—193; *Она же*. Р. Х. Ленц в истории отечественной индологии // Вопросы истории Тартуского университета. 1979. № 8 (Материалы Комиссии истории ТГУ). С. 157—167; *Она же*. К биографии Н. Д. Чубинова // Кавказ и Византия: Сб. № 2. Ереван, 1980. С. 228—241; *Она же*. Воспитанники Дерптского университета С. И. Назарян и К. П. Патканов в истории отечественного востоковедения // Вопросы истории Тартуского университета. 1981. № 10. С. 127—136; *Она же*. И. А. Гулянов и его научно-литературные связи // Гуманистические традиции отечественного востоковедения: Сб. М., 1984. С. 145—169; *Она же*. О научном наследии Ф. Ф. Шармуа // ППиПИКНВ. XVIII годовичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). 1983—1985. Ч. I. М., 1985. С. 42—48; *Она же*. Востоковед А. Н. Гусев (1810—1835) // ППиПИКНВ. XXI годовичная научная сессия ЛОИВАН. Ч. II. М., 1987. С. 109—113; *Она же*. И. В. Ботьянов — дипломат и востоковед // ППиПИКНВ. XXIV годовичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). 1989. Ч. I. М., 1991. С. 39—46 и др.

⁶ См. примеч. 3.

⁷ Ср. примеч. 5.

⁸ Примеры сохранения в тексте книги авторских вариантов: ориенталистика (востоковедение), Азия («мусульманский Восток»), азиатские (восточные) языки, санскритский язык (санскрит), индийские (индийские) языки, Тифлис (Тбилиси), Персия (Иран), исправляющий (исполняющий) должность, жалование (жалованье), книгопродавец (продавец книг) и др.

**ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОСТОКОВЕДОВ
XIX века**

АВТОБИОГРАФИЯ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ИНДОЛОГА Г. С. ЛЕБЕДЕВА (1749—1817)

Имя Герасима Степановича Лебедева на слуху у всех поколений российских исследователей Индии. Он совершил длительную поездку в эту далекую страну не только как путешественник и любитель экзотики, но был первым из русских, поставившим себе цель познакомиться с ее языками и другими «науками».

Приоритет в научном изучении Индии объясняет постоянный интерес историков к его личности¹. Приводимый далее архивный источник добавляет некоторые факты к его биографии и уточняет неверные сведения, встречающиеся в литературе. Любопытен он прежде всего потому, что представляет собой «список Герасима Лебедева», а точнее — его автобиографию, написанную им лично и датированную 3 декабря 1803 г. Документ хранится в коллекции «формулярных списков» в Архиве внешней политики Российской империи в Москве².

В автобиографии прежде всего говорится о происхождении и дате рождения Г. С. Лебедева. Он происходил «из древней благородной священнической фамилии Лебедевых», и в 1803 г. ему было 54 года, то есть он родился в 1749 г. Следовательно, можно поставить точку в спорах по этим двум важным моментам его биографии.

Далее Г. С. Лебедев сообщает о событии, которое стало решающим в его судьбе: «В 1775 г. отправился я в чужие края на собственном иждивении для познания наук и языков странствовал в Австрии, Голландии и Англии до 1782 г... На собственном коште в 1782 г. был в Париже»³. По поводу даты его выезда за границу в литературе существует разногласие мнений. Например, есть такие варианты: он покинул Россию в 1777 г. с посольством А. К. Разумовского⁴; он в 1775 г. прибыл в Мадрас⁵. По поводу посольства одни авторы считают, что Андрей Кириллович Разумовский (1752—1836) выехал из России в 1775 г. во главе посольства в Неаполь⁶, другие — сообщают, что он был назначен послом с 1 января 1777 г.⁷

Эта путаница в фактах и датах разъясняется в приведенном выше отрывке из «списка» Г. С. Лебедева, где названа точная дата его отъезда из России — 1775 г. Она подтверждается им еще три-

жды: в записи его рассказа, сделанной в феврале 1798 г. в своем дневнике мореплавателем Юрием Федоровичем Лисянским (1773—1837)⁸; в предисловии к работе Г. С. Лебедева, изданной в 1805 г. (подробнее о ней сказано далее); в письме его от 30 декабря 1816 г. на имя министра иностранных дел (1816—1856 гг.) Карла Роберта (Карла Васильевича) Нессельроде (1780—1862)⁹. Что касается посольства А. К. Разумовского в Неаполь, то оно отправилось в Европу в 1775 г., до Вены с ним доехал «на собственном иждивении» Г. С. Лебедев, далее оно проследовало в Италию, а его глава официально вступил в должность с 1 января 1777 г.

Из автобиографии Г. С. Лебедева впервые стал известен маршрут его поездок в 1775—1782 гг.: он побывал в Австрии, Голландии, Англии и Франции. Определена здесь и цель этих путешествий: «познание наук и языков».

К 1782 г. постоянное стремление Г. С. Лебедева совершенствовать свое образование оформилось в идею «касательно поездки в восточную Индию, для приобретения сведений как в языках, так и в науках той страны»¹⁰. Этот план «удостоился подкрепления» великого князя и будущего императора (1796—1801 гг.) Павла I (1754—1801), путешествовавшего по Европе, которому Г. С. Лебедев был представлен в Париже.

В то время попасть в Индию легче всего было через Англию, куда вторично и отправился Г. С. Лебедев. Из Лондона в 1785 г. он отбыл морским путем в Мадрас. Свое прибытие в Индии он описывает следующим образом: вначале прибыл в Мадрас, «где провел два года в познании языков употребляемых там»; в 1787 г. переселился в «Калькоту... в коем городе живши 12 лет занимался познанием древнейшего шомскритского языка и восточных диалектов с намерением доставить по возвращении в отечество сведения брамгенской словесности, до селе мало известной... В 1800 г. из Индии возвратился в Лондон»¹¹.

О деятельности Г. С. Лебедева в Индии в литературе приводятся подробные сведения, но при освещении этих событий имеются расхождения в двух датах, связанных с его отъездом из Калькутты и его возвращением в Англию. В «списке» сказано, что Г. С. Лебедев прожил в Калькутте 12 лет, а в 1800 г. приехал в Лондон. Между тем в некоторых работах окончанием его пребывания в Индии считается 1797 г., а приезд в Англию относится к 1799 г.¹²

Далее в автобиографии сказано, что, находясь в Лондоне, Г. С. Лебедев «чрез полномочного посланника Его сиятельства графа Семена Романовича Воронцова получил от царя высочайшее повеление возвратиться в свое отечество»¹³. С. Р. Воронцов (1744—1832) названную должность занимал дважды: при Павле I — с 1784-го по 1800 г. и при Александре I — с марта 1801-го по 1806 г. Следовательно, он мог передать «повеление» Павла I (до 1800 г.) или

Александра I (после марта 1801 г.). Решение этого вопроса требует дополнительных данных. Если это был указ Павла I, то выполнен он не был. Г. С. Лебедев выехал в Россию после смерти Павла I, но не ранее 20 мая 1801 г. Именно этой датой помечено предисловие Г. С. Лебедева к его работе, опубликованной в Лондоне в том же году. Речь идет о грамматике «чистых и смешанных восточно-индийских диалектов, собранных и систематизированных в Калькутте согласно брамгенской системе санскритского языка»¹⁴. Отъезд его на родину произошел, как говорилось, не ранее мая, но не позднее октября 1801 г.: 24 октября он уже находился в Санкт-Петербурге, так как в этот день подал прошение об издании своих трудов за счет казны. С учетом приведенных фактов возвращение его в Россию следует отнести на конец лета—начало осени 1801 г.¹⁵

«В 1802 г. января 1 дня», как сказано в автобиографии, Г. С. Лебедев «удостоился быть определен Государственной коллегии иностранных дел в Азиатский департамент с чином коллежского асессора»¹⁶. Именной указ о «причислении российского путешественника» к названному ведомству «в уважение приобретенных им сведений в восточных индийских письменах» последовал 4 февраля 1802 г., и жалование ему «из почтовых сумм определили» с 1 января 1802 г.¹⁷

Через два года, 3 декабря 1803 г., был составлен рассматриваемый «список» — вероятно, первый «послужной список» Г. С. Лебедева. В графе о семейном положении указано, что он холост. В формуляре от 1811 г. отмечено, что он женат. Следовательно, он обзавелся семьей не ранее начала 1804 г.

В графе о «собственности» указано, что Г. С. Лебедев «имеет в С.-Петербурге в Рождественской части в четвертом квартале под № 398 собственной дом деревянной»¹⁸. В нем он создавал типографию для издания текстов на бенгальском языке и надеялся, что «брамгенской словесности... разные предметы будут в непродолжительном времени преданы тиснению»¹⁹. Его надежды осуществились: в 1805 г. типография действовала, и в ней была напечатана работа самого Г. С. Лебедева «о священных обрядах и народных обычаях» Восточной Индии²⁰.

Два названных выше опубликованных труда Г. С. Лебедева вошли в литературу по востоковедению и закрепили за их автором место первого российского исследователя Индии. Рукописи остальных его работ не издавались ни при жизни, ни после смерти ученого, последовавшей 15 июля 1817 г.

Примечания

¹ Сведения о жизни и деятельности Г. С. Лебедева содержатся в следующих работах: *Баранников А. П.* О культурных отношениях между Россией и Индией // Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка.

М., 1946. Т. 5. Вып. 6. С. 461—465; *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749—1817) // ОИРВ. 1956. Сб. 2. С. 36—73; *Гамаюнов Л. С.* Из истории изучения Индии в России: (К вопросу о деятельности Г. С. Лебедева) // ОИРВ. 1956. Сб. 2. С. 74—117; *Овчинников Р. В.* Из истории русской индологии: (Новые данные к биографии Г. С. Лебедева) // Вестник истории мировой культуры. № 4. М., 1960. С. 74—83; *История отечественного востоковедения до середины XIX века.* М., 1990. С. 318—326 и др.

² АВПРИ, ф. 159 «Дела личного состава и хозяйственные документы», оп. 464, ед. хр. 1962, л. 1—2, автограф Г. С. Лебедева. Первую публикацию «списка» см.: *Куликова А. М.* Автобиография первого русского индианиста Г. С. Лебедева: (К 230-летию со дня рождения) // ППиПИКНВ. XV годовичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). Декабрь 1979. М., 1981. Ч. I (1). С. 26—30.

³ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 1962, л. 1.

⁴ *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист... С. 39; *История отечественного востоковедения...* С. 319 и др.

⁵ *Баранников А. П.* О культурных отношениях... С. 461.

⁶ Путешествие Герасима Лебедева в Индию // Воспоминания, издаваемые С. А. Руссовым. СПб., 1832. Кн. 7. С. 66; РБС. 1914. Т. Л. С. 104—105.

⁷ РБС. 1910. Т. П—Р. С. 443—444.

⁸ *Штейнберг Е. Л.* Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского. М., 1948. С. 163.

⁹ АВ, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10.

¹⁰ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 1962, л. 1.

¹¹ Там же, л. 2.

¹² *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист... С. 41—53. Возможно, Г. С. Лебедев на самом деле включал в 12 лет время нахождения не только в Калькутте (10 лет), но и в Мадрасе (два года).

¹³ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 1962, л. 2.

¹⁴ Grammar of the pure and mixed East Indian dialects, with dialogues affixed spoken in all the eastern countries, Methodically aranged at Calcutta, according to the Brahmenian System, of the Shamscrit language. Comprehending literal explanations of the compound words, and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc. Calculated for the Use of Europeans. With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the Mixed dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans: together with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches... By Herasim Lebedeff. London, 1801.

¹⁵ АВ, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10.

¹⁶ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 1962, л. 2.

¹⁷ АВ, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1, фотокопия; *Куликова.* [Законодательные акты]. С. 320. № 1.

¹⁸ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 1962, л. 2.

¹⁹ Там же, л. 2.

²⁰ *Лебедев Г. С.* Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов священных обрядов их и народных обычаев. СПб., 1805.

ТРИ ЭТЮДА К КАРТИНЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА К. М. ФРЕНА (1782—1851)

Жизнь и творческая деятельность Крестьяна Мартина (Христиана Даниловича) Френа (1782—1851) связана с тремя городами Германии и двумя — России.

В Геттингене, Тюбингене и Ростоке он слушал университетские курсы, в Ростоке получил докторскую степень и профессорскую должность.

В 1807 г. в возрасте 25 лет К. М. Френ переселился в Россию. С 10 июля 1807 г. до начала августа 1817 г. он состоял в штате Казанского императорского университета в должности ординарного профессора восточной словесности¹.

Вторая половина жизни К. М. Френа была связана с Санкт-Петербургом. Здесь он провел 34 года. Это был период его работы в Императорской академии наук: с 24 сентября 1817 г. он был «высочайше» утвержден ординарным академиком², а с 11 ноября 1818 г. стал «хранителем» (директором) созданного в составе Академии Азиатского музея — хранилища материалов по Востоку³.

Приводимые далее три очерка о К. М. Френе относятся к академическому этапу его жизни.

1. Эпистолярное наследие К. М. Френа как исторический источник

Документы, связанные с именем К. М. Френа, хранятся в разных хранилищах России и, вероятно, Европы. Основная же часть его рукописей и бумаг после его кончины 16 августа 1851 г. поступила в Архив Императорской академии наук и образовала личный фонд ученого⁴.

Особое место в этом рукописном наследии занимают эпистолярные материалы⁵. Выдающийся ученый, талантливый организатор, собиратель книг и рукописей, наставник многих молодых востоковедов, член 18 иностранных обществ и академий — К. М. Френ активно участвовал в развитии целого ряда наук в России и Европе. В процессе своей разносторонней деятельности он вступал в

² Зак. 1336

контакты с огромным количеством лиц. Эти связи отразились в его переписке, которая поражает прежде всего своим объемом. Она охватывает период 1803—1851 гг. и в целом должна насчитывать не менее четырех тысяч писем.

Весьма обширна географическая картина этой переписки. Российские корреспонденты К. М. Френа жили в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Тифлисе, Баку, Одессе, Харькове, Иркутске, Саратове, Симбирске, Вятке, Новгороде, Риге, Дерпте, Вильно, Варшаве. Заграничная корреспонденция К. М. Френа направлялась в Берлин, Росток, Дрезден, Лейпциг, Мюнхен, Гамбург, Кенигсберг, Бонн, Лондон, Оксфорд, Париж, Вену, Берн, Копенгаген, Цюрих, Гаагу, Стокгольм, Иену, Геттинген, Бреславль, Неаполь, Милан и другие города Европы.

Среди 400 известных нам корреспондентов К. М. Френа — университетские профессора-историки С. П. Шевырев, Ф. Крузе, И. Лелевель, Ф. Вилькен; слависты А. А. Писарев (президент Общества российской словесности), П. И. Кеппен, В. М. Перевощиков, И. Е. Срезневский, К. К. Фойгт; русские литераторы А. С. Грибоедов, Д. И. Языков, А. И. Тургенев; нумизматы Б. Кёне, М. П. Баратаев, Б. Бионделли, а также географы, этнографы, археологи, представители естественных и технических наук, библиотечные работники, книгопродавцы, дипломаты и другие чиновники.

С ним переписывались европейские востоковеды А. И. С. де Саси, Ж. П. А. Ремюза, Ф. Бопп, О. Г. Тиксен, И. Г. Л. Козегартен, Г. Гезениус, А. Сен-Мартен, Л. Дюбё, К. Нейман, Г. Фрейтаг, П. Болен, Ф. Розен и почти все российские востоковеды — его современники. Среди последних — академики М. Ф. К. Броссе, И. А. Б. Дорн, Ф. Б. Шармуа, И. Я. Шмидт, преподаватели университетов И. Ю. Сенковский, А. В. Болдырев, И. Н. Березин, М. А. Казем-бек, И. Б. Петрашевский, Р. Ленц, В. В. Григорьев, Н. Л. Бероев, С. Назарян, И. Хальфин, И. Готвальд, Ф. Эрдман, П. С. Кондаков, Я. О. Ярцов, С. Г. Р. Генци, а также специалисты по изучению Востока П. С. Савельев, Н. В. Ханыков, П. Шиллинг-Канштадт.

Наибольший интерес представляет переписка К. М. Френа с теми востоковедами, с которыми его связывали длительные дружеские или постоянные деловые отношения. Например, более 20 лет он переписывался с И. А. Б. Дорном, Ф. Б. Шармуа, И. Ю. Сенковским, более 15 лет — с М. А. Казем-беком, М. Ф. К. Броссе. В письмах этих ученых и преподавателей и ответах К. М. Френа сохранилась информация, позволяющая проследить зарождение творческих контактов, поиски направления исследований и процесс создания работ названных лиц.

Переписка с Иоганесом Альбрехтом Бернгардом (Борисом Андреевичем) Дорном (1805—1881), преемником К. М. Френа на посту директора Азиатского музея (с 1842 г.), — самая большая по объе-

му и тематически наиболее разнообразная. Это обмен идеями, оценками, мнениями, рассуждениями по широкому кругу вопросов двух ученых-единомышленников, двух специалистов по истории и литературе стран Востока, двух организаторов науки⁶.

Переписка К. М. Френа со знатоком и преподавателем-методистом персидского языка, блестящим переводчиком восточных источников Франсуа Бернаром (Францем Францевичем) Шармуа (1793—1868) делится на два периода: время пребывания последнего в России (1817—1835 гг.) и время после его отъезда во Францию (1835—1868 гг.), когда их эпистолярные связи почти прекратились. В письме К. М. Френу от 8 сентября 1845 г. он называл Россию «вторым своим отечеством» и благодарил ее ученых за память о его вкладе в российскую науку⁷.

В 1830-е гг. К. М. Френ заинтересовался грузинской нумизматикой и по инициативе и с помощью Ф. Б. Шармуа начал переписку с едва ли не единственным в Европе специалистом по Кавказу Мари Фелисите Ксавие Броссе (1802—1880). Последний стал посылать К. М. Френу описания и копии знаков и надписей на грузинских монетах, помогал в сборе и исследовании нумизматического материала. К. М. Френ, в свою очередь, снабжал французского кавказоведа сведениями о грузинских рукописях в собрании Азиатского музея, отправлял ему копии армянских эпиграфических памятников. Из переписки видно, что именно он организовал в 1837 г. переезд М. Ф. К. Броссе в Россию, выдвинув заочно его кандидатуру в адъюнкты Императорской академии наук⁸.

Письма ираниста и тюрколога Мирзы Мухаммеда Али (Александра Касимовича) Казем-бека (1802—1870) были для К. М. Френа связующей нитью с Казанью, в которой проходила его преподавательская деятельность в 1807—1817 гг. Преподаватель Казанского императорского университета М. А. Казем-бек писал К. М. Френу о темах и источниках, над которыми он работал, о трудах своих коллег-востоковедов И. Н. Березина и И. М. Ковалевского, об обучении студентов восточным дисциплинам и прочих университетских новостях⁹.

Знакомство К. М. Френа с выдающимся арабистом и первым преподавателем турецкого языка в Санкт-Петербургском императорском университете Иосифом Юлианом (Осипом Ивановичем) Сенковским (1800—1858) началось в 1822 г., когда последний в возрасте 22 лет готовился занять профессорскую должность, а первый в связи с этим должен был проэкзаменовать его. В официальном письме экзаменатор дал молодому ученому высокую оценку¹⁰. Переписка этих людей продолжалась 24 года (1823—1847 гг.). Письма И. Ю. Сенковского — обстоятельные сообщения по интересовавшим К. М. Френа научным вопросам, своеобразные статьи, аккуратно оформленные, снабженные перечнями литературы, хронологическими таблицами и другими вспомогательными мате-

риалами. Главная их тема — история и география Турции, а также арабские, турецкие и персидские источники¹¹.

Красной нитью проходит в переписке К. М. Френа тема Азиатского музея: выявление, сбор, систематизация, описание и хранение источников по Востоку. По этим вопросам он направлял письма членам российских миссий, работникам таможен, частным лицам. О коллекциях и отдельных памятниках ему писали историк Востока В. В. Григорьев из Одессы, санскритологи Р. Ленц и П. Я. Петров из Берлина и Парижа, студент Российской миссии в Константинополе И. Б. Петрашевский, специалист по восточной археологии П. С. Савельев, коллекционер П. Шиллинг-Канштадт, мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, археолог-историк А. Н. Оленин и другие. О нумизматических находках ему сообщали тюрколог И. Н. Березин, московский профессор И. М. Снегирев, тюрколог из Саратова Г. С. Саблуков, чиновник МНП Е. П. Ковалевский и другие¹². Ценную помощь в приобретении для Музея книг, рукописей и монет ему неоднократно оказывал преподаватель-тюрколог из Казани Ибрагим Хальфин (1778—1829)¹³.

Особо следует выделить раздел переписки К. М. Френа, который образовался из его официальных писем. Сюда можно отнести докладные записки, ходатайства, отзывы, ответы на запросы, инструкции и т. д. Эти материалы разбросаны по самым разным местам и требуют специального изучения. Приведем лишь несколько примеров.

В 1809 г. К. М. Френ, в то время глава университетской арабоперсидской кафедры в Казани, отправил письмо попечителю (1803—1812 гг.) местного учебного округа С. Я. Румовскому — по поводу проекта создания общероссийского центра востоковедения, в котором писал: «Вам известно, что ни один из русских университетов столь не удобен для осуществления этого плана, как Казанский... Только из любви к науке и учащимся я решился напомнить Вам о Вашем же плане, который во многих странах Европы уже осуществлен»¹⁴.

В 1829 г. К. М. Френ в ответе на официальный запрос поддержал проект И. Ю. Сенковского об учреждении центра востоковедения — на сей раз в Санкт-Петербурге¹⁵. Оба его мнения затерялись в недрах бюрократической переписки.

Для начинающих востоковедов К. М. Френ неоднократно составлял «наставления», которые либо вручал им лично, либо посылал в места их командировок. Эти «наставления» содержали планы занятий и рекомендации их будущим педагогам. Например, К. М. Френ участвовал в подготовке первых отечественных санскритологов Роберта Ленца (1808—1836) и Павла Яковлевича Петрова (1814—1875). Названные стажеры, как и другие, посылали своему наставнику письма-отчеты о своей работе¹⁶.

Разностороннюю информацию, получаемую от своих корреспондентов, К. М. Френ использовал как материал для своей научной и организационной работы: он систематизировал сведения по определенным темам, учитывал мнения и предлагаемые меры по конкретным вопросам, составлял сводные списки книг и источников, которые требовались для Азиатского музея.

Переписка К. М. Френа сохраняет свое значение и в настоящее время, поскольку по своему содержанию она представляет собой уникальный источник по истории науки и культуры России и Европы первой половины XIX в. Систематическое изучение этих материалов позволит обрисовать многогранную деятельность крупнейшего отечественного востоковеда на широчайшем фоне фактов и событий, сохранившихся на тысячах страниц его эпистолярного наследия.

2. Список «Малайских родословий» с автографом академика К. М. Френа

Рукопись в списке XVIII в., о которой далее идет речь, хранится в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук¹⁷. По внешнему виду — это две рукописные книги; каждая — размером 27×21 см в переплете из плотного картона, оклеенного мраморной бумагой; корешки кожаные с золотым тиснением. В первом томе 106 листов, во втором — 86. Бумага европейская с филигранью, литературная часть имеет надпись: «J. Honig Zoonen IN & Z». Дата изготовления бумаги — 1794 г. (водяной знак). Текст рукописи на малайском языке (арабской графикой) написан черной тушью, отдельные арабские и китайские слова и предложения выделены красной тушью. Бумага и текст прекрасно сохранились. На последней странице первого тома переписчик оставил дату — 1213 г. х., что соответствует 1798 г.

В начале первого тома (лист 106 карандашной пагинации) обращает на себя внимание запись на немецком языке (готическим письмом), сделанная мелким трудночитаемым почерком. Сравнительный анализ позволил определить, что это автограф К. М. Френа, сделанный им вскоре после вступления в 1818 г. в должность директора Азиатского музея Императорской академии наук. Далее приводится содержание записи (готический текст приведен латинским письмом):

«Geschichte der Malaien von den frühesten Zeiten bis zur Eroberung Malaias durch die Portugiesen. In Malaischer Sprache. Durch eine besondere Vergünstigung des Obechisials erhielt der Commodore Cruzenstern, bei seiner Anwesenheit in Malaiia im 7.1798 die Erlaubnis, das MS dieser Geschichte auf das man einen sehr hohen Werth setzte,

copieren zu lassen. Er sandte diese Copie der Akademie der Wissenschaften zu St. Peterburg».

Copie des de Malacca van de jaire te Jaide uit zijn fortuyn Malacca den
de Fortuynen. in Malacca's Tempel.

Sur un de mes papiers, dont le chef de file est de Malacca
de Malacca, qui a été découvert à Malacca le 7. 1798, de
Malacca? de Malacca? de Malacca? et de Malacca? de Malacca?
de Malacca? de Malacca? de Malacca? de Malacca? de Malacca?
de Malacca? de Malacca? de Malacca? de Malacca? de Malacca?

Автограф К. М. Френа на странице списка «Истории малайцев»

К. М. Френ свидетельствует, что данные рукописные книги содержат «Историю малайцев с древнейших времен до завоевания Малайи португальцами»¹⁸ и являются копией с малайской рукописи, сделанной местным переписчиком после полученного разрешения «официальных лиц»¹⁹ по заказу «коммодора Крузенштерна»²⁰ во время его пребывания в Малайе в 1798 г. В заключение К. М. Френ сообщает, что Крузенштерн послал копию рукописной «Истории малайцев», которой «придавалось очень большое значение, в Академию наук в Санкт-Петербург».

Подробное изучение круга литературы, связанной с академическим собранием книг и рукописей, позволило выявить еще три упоминания об «Истории малайцев».

Первое по времени упоминание, наиболее приближенное к самому событию, мы находим в протоколе заседания Конференции Императорской академии наук от 13 октября 1802 г.: «Коллежский советник и кавалер Шуберт подарил библиотеке историческую рукопись, содержащую легендарную индийскую хронику, начиная с Александра Великого, на малайском языке, написанную арабской графикой по приказу Alla-Eddin'a, правителя d'Atchien. Этот дар был принят с признательностью и будет помещен дарителем в академическую библиотеку»²¹.

Второе упоминание совпадает по дате с записью К. М. Френа на листе рукописи: в 1819 г. он, перечисляя «...многие до восточных языков касающиеся бумаги и рукописи...», имевшиеся уже к моменту основания Азиатского музея, называет среди них «Историю малайцев на малайском языке (Крузенштерном приведенную и подаренную)»²².

Третье упоминание датируется 1846 г.: преемник К. М. Френа на посту директора Азиатского музея Иоганес Альбрехт Бернгард (Борис Андреевич) Дорн (1805—1881) в своем труде по истории Музея касается интересующего нас списка рукописи: во-первых, в материалах III музейного отделения числится «История малайцев с древнейших времен до завоевания Маллаки португальцами, на малайском языке, 2 тома. Адмирал Крузенштерн велел списать ее в Маллаке в 1798 г. и привез оттуда с собою»; во втором случае автор сообщает, что академик Шуберт в 1802 г. «принес в дар Академии наук малайскую рукопись исторического содержания»²³.

При сравнении приведенных данных бросается в глаза их противоречивость в вопросе о том, как «История малайцев» попала в Россию. Согласно френовской записи, «коммодор Крузенштерн» послал ее «в Академию наук в Санкт-Петербург», что маловероятно при отсутствии регулярного морского сообщения между Юго-Восточной Азией и Россией; тем более, что рукописи «придавалось большое значение» и переправить ее нужно было надежным способом. И. А. Б. Дорн (и сам К. М. Френ — в другом сообщении, от 1819 г.) утверждает, что «адмирал Крузенштерн» привез рукопись «с собою».

Иван Федорович Крузенштерн (1770—1846) в 1797—1798 гг. совершил плавание к берегам Индии и в 1799 г. вернулся в Россию. Несомненно, что малайская рукопись именно от него попала к Шуберту²⁴. Академик (с 1789 г.) Фридрих Теодор (Федор Иванович) Шуберт (Шоберт) (1758—1825) в эти годы был хранителем Кунсткамеры, и знаменитый мореплаватель ранее не раз через него передавал в Академию свои путевые заметки, рукописи трудов и другие материалы. В 1803 г. именно по предложению Ф. Т. Шуберта И. Ф. Крузенштерн был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук.

Остается выяснить вопрос о том, находился ли И. Ф. Крузенштерн в 1798 г. в районе полуострова Малакка и, следовательно, мог ли он заказать там копию с указанной «Истории малайцев».

Из литературы известно, что И. Ф. Крузенштерн во время плавания к берегам Индии задался мыслью посетить Китай. Воспользовавшись ремонтом фрегата, он списался с него в Пуло-Пенанге и отправился вначале на Малакку²⁵, где «перенес тяжкую болезнь, которая была облегчена ему теплым участием его друзей; поддерживаемый теми же друзьями в своих предположениях, он отправился на небольшом судне в Кантон»²⁶. Пребывание свое в Кантоне он относит к 1798 и 1799 гг.²⁷ Более точно датировать это событие помогает «Дневник И. Ф. Крузенштерна»: судя по тому, как помечена первая запись, автор ее 19 ноября 1798 г. был уже в Кантоне²⁸.

Сравнение приведенных сведений о пребывании И. Ф. Крузенштерна в Ост-Индии и Китае приводит нас к выводу, что он

А. Катуарский Д. 23. Сент. 1802.

Господину директору
Государственной палаты

Господи, да будет Ваша воля, ежели Вам угодно будет
знать, что я уже давно известен Вам, да и я уже давно
известен Вам. Из этого письма видно, что я не могу
никому из Вас написать, что я не могу из Вас

Ваше письмо из Голландии, которое мне еще недавно
Ваше письмо, что я в Москве был. В Петербург и в
Ваше письмо, которое я Вам пишу, а я уже давно
известен Вам, и я не могу из Вас написать, что я
не могу из Вас написать, что я не могу из Вас
писать, что я не могу из Вас написать, что я не могу
из Вас написать, что я не могу из Вас написать, что я
не могу из Вас написать, что я не могу из Вас написать,

Ваше письмо, которое я Вам пишу, а я уже давно

Письмо академика Ф. Т. Шуберта И. Ф. Крузенштерну
от 23 сентября 1802 г. — об «Истории малайцев»

прибыл на Малакку в середине 1798 г. и именно здесь раздобыл
названную «Историю малайцев», поскольку в этом месте его за-
держала болезнь, и тем самым у него было время на то, чтобы за-
казать список с рукописи и дожидаться выполнения заказа. Это
совпадает с содержанием френовской записи, которая и стала
первым толчком к исследованию событий, фактов, перемещений,
связанных с судьбой «Малайских родословий».

3. История о восточных книгах и рукописях, тайно увезенных Г. Ю. Клапротом из России (по «академическим ведомостям», составленным К. М. Френом)

Среди множества дел Департамента народного просвещения
(1803—1917 гг.), фонд которого находится в Российском государ-

ственном историческом архиве, сохранился документ необычного содержания. Речь идет о «Ведомости книгам, рукописям и ландкартам, взятым на дом из академической библиотеки в Петербурге Клапротом, часть которых он тайно вывез из России»²⁹. Невольно возникает сомнение: неужели Клапрот, приехавший из Европы в Россию в 1805 г. для научных занятий и как иностранец обласканный по российскому обычаю всеми, начиная с императора и кончая чиновниками от науки, мог совершить столь неблагоприятный поступок; как мог он, ученый, принимавший участие в составлении известного проекта С. С. Уварова по развитию отечественного востоковедения (1810 г.), похитить материалы, доверенные ему академиком К. М. Френом, бывшим в то время в должности заведующего Азиатским музеем? Ответы на эти вопросы дает исследование приведенного выше и других архивных документов.

Генрих Юлиус Клапрот (1783—1835), немец по происхождению, в 1804 г., еще до его приезда в Россию, был заочно избран Конференцией Императорской академии наук в Санкт-Петербурге «адъюнктом по части новейших восточных языков и литературы». Доклад министра народного просвещения (1801—1810 гг.) Петра Васильевича Завадовского (1738—1812) по этому вопросу был утвержден Александром I 22 апреля 1805 г.³⁰ В докладе подчеркивалось, что речь идет о «сыне славного берлинского академика»³¹. Всего через два года, 8 апреля 1807 г., Г. Ю. Клапрот был «высочайше» утвержден в следующем академическом звании — экстраординарного академика³².

По научным интересам Г. Ю. Клапрот был прежде всего синологом, хотя как языковед-историк он в той или иной степени обращался к лингвистическим данным целого ряда восточных языков. В частности, в союзе с лингвистом и российским дипломатическим чиновником Иваном Александровичем Гуляновым (1786—1841) он выступал с критикой методики прочтения египетских иероглифов, предложенной Жаном Франсуа Шампольоном (1790—1832)³³. Вопросы истории, географии, этнографии Востока также привлекали его внимание.

Пребывание Г. Ю. Клапрота в России в научном отношении было очень плодотворным. За академический счет он совершил поездки в Сибирь (1805—1806 гг.)³⁴ и на Кавказ (1807—1808 гг.), где собрал разнообразный материал по изучению малознакомых тогда в Европе народов названных регионов³⁵. Любопытно, что во время пребывания в Иркутске он обучался японскому языку в местной школе, преподавателями которой были японцы, попавшие в Сибирь в результате кораблекрушения.

К 1810 г. Г. Ю. Клапрот подготовил «Китайский словарь» и другие работы из области китаеведения и маньчжуроведения, издание которых тормозило отсутствие необходимой технической базы. В связи с этим встал вопрос о его поездке в Берлин, где должны

были «изготовить... на дереве по собственным его рисункам нужные китайские и маньчжурские слова в числе около 9000»³⁶. 27 ноября 1810 г. Александр I утвердил эту командировку сроком на шесть месяцев.

В последних числах декабря того же года Г. Ю. Клапрот получил академическое «жалование за полгода вперед», 750 рублей «на вырезку слов» и выехал из России³⁷. Прошел назначенный срок, прошел еще почти год — известий от Г. Ю. Клапрота не было. 19 апреля 1812 г. министр народного просвещения (1810—1816 гг.) Алексей Кириллович Разумовский (1748—1822) отдал приказ о возвращении Г. Ю. Клапрота из затянувшейся командировки и распорядился подготовить на его имя паспорт.

В ответ на этот приказ Г. Ю. Клапрот прислал из Берлина полное оскорблений в адрес Императорской академии наук письмо, датированное 25 июня 1812 г. Он отказывался вернуться в Россию, требовал своего увольнения из академического штата. Сверх того, растратив казенные деньги, не выполнив задания и заявив о невозвращении, он в ультимативной форме предлагал выплатить ему «академическое содержание» по 1 июля 1812 г.³⁸

Несмотря на летние каникулы, реакция была скорой: 12 августа 1812 г. собралась Конференция и приняла постановление об исключении Г. Ю. Клапрота «с бесславию из Академии наук»³⁹. Однако еще пять лет он числился академиком, поскольку лишь 19 апреля 1817 г. Александр I утвердил это редкое в своем роде решение. В высочайшем указе Правительствующему сенату говорилось: «Числившагося до ныне при Академии наук экстраординарным академиком Клапрота, находящегося с 1810 г. за границей и невозвращающегося оттуда, повелеваем, вследствие единогласного положения Конференции сей Академии, по предосудительным поступкам его, на основании § 63 академического регламента, лишив означенного звания, исключить из сословия Академии»⁴⁰. В заключение повелевалось указ опубликовать в академических «Ведомостях» и «упомянуть о нем в истории Академии наук». Не зная о приведенном императорском указе, Г. Ю. Клапрот еще успел в письме от 30 июля 1817 г. из Парижа заявить о своем праве в качестве российского академика на «наследственное дворянство»⁴¹. Но «академического членства» в это время у него уже не было.

На этом — едва ли не единственном за весь период существования Императорской академии наук в Санкт-Петербурге — факте лишения академика его звания данная история не закончилась. Дело в том, что Г. Ю. Клапрот, уезжая из Санкт-Петербурга и не предполагая сюда вернуться, увез с собой не только собранные им здесь материалы, но также книги и рукописи, бывшие государственной собственностью России.

Первыми забили тревогу сотрудники Министерства иностранных дел. Еще 24 августа 1816 г. в то время статс-секретарь по восточным делам Иоаннис (Иван Антонович) Каподистрия (1776—1831) направил официальный запрос о судьбе «двух китайских рукописных лексиконов», принадлежащих библиотеке их ведомства и переданных в Министерство народного просвещения. Речь шла о следующих рукописях: 1. Китайско-латинско-французский лексикон. «Сочинение» миссионера [Пораника]; посвящено послу России в Китае Владиславичу⁴². Объем 845 с. 2. Китайский словарь, «без перевода». Объем — два тома, 24 тетради⁴³.

Отношение по этому вопросу министр народного просвещения А. К. Разумовский подписал 4 сентября 1816 г. В нем сообщалось, что названные материалы были переданы Г. Ю. Клапроту «для составления китайско-русского словаря и каталога китайских сочинений Академии наук» и что он в 1810 г. увез их в Берлин⁴⁴.

Переписка двух министерств по «делу Клапрота» продолжалась и далее. Новый министр народного просвещения (1816—1824 гг.) Александр Николаевич Голицын (1773—1844) получил от упомянутого И. Каподистрия уточненные данные об увезенных Г. Ю. Клапротом сочинениях: помимо приведенных выше двух лексиконов, были похищены «семь китайских и маньчжурских рукописей с русским переводом в трех томах»⁴⁵. Благодаря хлопотам Российской миссии в Берлине семь рукописей Г. Ю. Клапрот вернул. По поводу же лексиконов он заявил, что их «никогда не получал».

Осенью 1822 г. «поверенный в делах России во Флоренции» прислал донесение о том, что Г. Ю. Клапрот «заложил там за небольшие долги китайские свои книги, рукописи и другие бумаги». Их перечень прилагался к донесению и включал маньчжурские грамматику и «диалоги», китайско-латинский лексикон, тибетский алфавит, сочинения по литературе, истории, медицине Китая и другие материалы⁴⁶. Экземпляры этого списка были направлены в названные министерства — для выяснения вопроса, «не упоминаются ли в нем работы», принадлежавшие ранее российским хранилищам.

Когда получили сообщение о попытке Г. Ю. Клапрота обратиться в деньги восточные материалы⁴⁷, министр А. Н. Голицын связался с Академией и поручил ординарному академику К. М. Френу, занимавшему должность заведующего Азиатским музеем, лично заняться этой проблемой⁴⁸.

К. М. Френ изучил каталоги и реестры академического собрания, формуляры Г. Ю. Клапрота и другие официальные документы. Поскольку приходилось иметь дело с китайскими текстами, он привлек к работе «барона Шиллинга» — китаиста Пауля (Павла Львовича) Шиллинга-Канштадта (1785—1837). В результате проведенной проверки К. М. Френ составил на немецком языке две ведомости. На русский язык они были переведены президентом

Академии (1818—1855 гг.) Сергеем Семеновичем Уваровым (1786—1855). Эти переводы и приводятся далее⁴⁹ с сохранением авторского написания имен и названий.

Первая ведомость включала названия «книг, рукописей и ландкарт, взятых из библиотеки с.-петербургской Императорской академии наук г. Клапротом и им паки в оную недоставленным, на получение коих однако же имеются в Академии данные им собственноручные росписки». Эта ведомость имела три раздела: 1) рукописи; 2) китайские книги и ландкарты; 3) книги и ландкарты (не по Китаю).

В первом разделе были названы две рукописи: «Словарь манжурский с китайским и российским» (I том. Шифр «старого китайского каталога» — № 202. Выдан 25 января 1810 г.) и «*Bayeri. Geographia Manqrica et Mungalica*» (I том. Шифр «общаго каталога рукописей» — № 37. Выдана 14 января 1807 г.)⁵⁰.

Во втором разделе приводились заглавия пяти книг по истории и географии Китая: Атлас Китая (32 л. Шифр «старого китайского каталога» — № 142. Выдан 8 мая 1805 г.); «Старый китайский словарь» (I том. Шифр «старого китайского каталога» — № 198. Выдан 14 января 1807 г.); *Uán-nian-chou*. Хронология китайских императоров (2 тетради. Шифр «старого китайского каталога» — № 158. Выдана 25 мая 1809 г.); *Tai-thsing-i-thoung-tshi*. Всеобщая китайская география (XXIV том. Шифр «старого каталога» — № 133, шифр «нового каталога» — № 121. Выдана 10 августа 1810 г.); «Китайская история пяти разных династий» (5 томов. Шифр «старого китайского каталога» — № 127. Выдана в 1809—1810 гг.).

Третий раздел включал три сочинения, названия которых прочесть не удалось (шифры по каталогу «авторов-историков» — № 34, 168, 206. Выданы в 1807—1809 гг.) и Атлас Российской империи по новейшему разделению на губернии и области («сочинено при Главном училищном правлении». 1807 г. Шифр по «каталогу российской истории» — № 13. Выдан 7 декабря 1809 г.).

Всего в первой ведомости числились две архивные единицы и 14 книг, которые, согласно документам, подписанным Г. Ю. Клапротом, остались у него.

Вторая ведомость содержала названия «китайских и других сочинений, о коих явствует, что г. Клапрот взял их из библиотеки с.-петербургской Императорской академии наук, но кои в оной ныне не находятся, несмотря на то, что они на росписках г. Клапротом вымараны, или им показаны на бумаге от 23 декабря 1810 г. в отдаче».

В этой ведомости не было разделов, потому что все представленные здесь сочинения являлись рукописями. Шесть из них входили в «старый китайский каталог», которому соответствовали их шифры:

1. «Hai-phian». Китайский словарь (1 том. № 184).
2. «Tchouan-tseu-uei». Словарь «старинный» китайский (Тетради 3 и 4. № 190).
3. «Ou-Jang-gouan-yen». Китайский «словопроизносительный» словарь. (№ 199).
4. «King-ping-mey». «Манжурский перевод романа» (4 тома. № 109).
5. «Li-dai-gun-vin-dsian» (8 томов. № 120).
6. «Li-schi-gun-dsian» (4 тома. № 121).

Еще две рукописи, которые были названы во второй ведомости, представляют собой произведения широко известных на Востоке авторов:

1. «Shah-nameh Firdussii». (4 тома. Шифр «краткого каталога персидских рукописей» — № 1)⁵¹.
2. «Абул-Гази-Багадур-Хана Родословная книга монголо-татарско-турецкая, переведенная с подлинника 1436 г.» (шифр «старого каталога рукописей» — № 58)⁵².

В отличие от первой — вторая ведомость не являлась прямым доказательством того, что эти восемь рукописей были увезены за границу. Однако на день проверки они отсутствовали в хранилище, а в формулярах их названия были либо вычеркнуты рукой Г. Ю. Клапрота, либо сопровождалась его же пометкой об их возвращении.

19 октября 1822 г. ведомости были отправлены в Министерство народного просвещения. Президент С. С. Уваров в сопроводительном письме дал резкую оценку поступку Г. Ю. Клапрота, который, по его словам, «самым наглым образом разграбил библиотеку Академии наук»⁵³.

Обе ведомости, в которых в общей сложности перечислены 24 единицы хранения из академического собрания, в настоящее время представляют интерес не только в историческом отношении, но и, возможно, в практическом плане. При их сравнении с современными каталогами Рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук востоковеды могут попытаться выяснить, какие из приведенных книг и рукописей вернулись в Россию, а какие числятся пропавшими без вести. Не исключено, что часть их попала в другие востоковедные собрания.

Оценивая деятельность Г. Ю. Клапрота в России, до сих пор в литературе часто ссылались на мнение известного востоковеда XIX в. П. С. Савельева, считавшего, что «его [Клапрота. — А. К.] пребывание в России... принесло больше пользы ему самому, чем исследованию Востока»⁵⁴. Приведенные факты позволяют говорить, в первую очередь, не о пользе, а об огромном уроне, нанесенном им отечественному востоковедению.

Будущие разыскания в архивах и библиотеках, может быть, дадут сведения о конце этой грустной истории, главными героями которой оказались восточные книги и рукописи.

Примечания

- ¹ Куликова. [Законодательные акты]. С. 218. № 171, 173.
- ² Там же. С. 102. № 22.
- ³ Там же. С. 108. № 71.
- ⁴ В настоящее время шифр фонда К. М. Френа — ПФАРАН, ф. 778.
- ⁵ Впервые обзор переписки К. М. Френа был приведен в сообщении: Куликова А. М. Переписка Х. Д. Френа как источник по истории востоковедения // ППиПИКНВ. XIX годичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). Ч. I. М., 1986. С. 98—102.
- ⁶ ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 119, 85 писем И. А. Б. Дорна за 1826—1848 гг. на немецком языке.
- ⁷ Там же, ед. хр. 351, 32 письма Ф. Б. Шармуа за 1823—1846 гг. на французском и немецком языках.
- ⁸ Там же, ед. хр. 44, 27 писем М. Ф. К. Броссе за 1833—1848 гг. на французском языке.
- ⁹ Там же, ед. хр. 130, 33 письма М. А. Казем-бека за 1831—1846 гг. на английском языке.
- ¹⁰ РГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 255, л. 39—42.
- ¹¹ ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 283, 25 писем И. Ю. Сенковского за 1823—1847 гг. на французском языке.
- ¹² Там же, ед. хр. 21, 227; РНБ(СПб) ОР, ф. 356, оп. 1, ед. хр. 358; РОИРЛИ, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 53; ЦГИА Москвы, ф. 459, оп. 2, ед. хр. 25.
- ¹³ ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 339.
- ¹⁴ Загоскин Н. П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904. Т. I. Казань, 1902. С. 222—225.
- ¹⁵ РГИА, ф. 737, оп. 1, ед. хр. 49950, л. 11 об., 26—30, 38—48.
- ¹⁶ ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 37, 175, 240.
- ¹⁷ АВ, р. 1, оп. 5, ед. хр. 8 и 9. Ср.: Куликова А. М. История одной малайской рукописи // ППиПИКНВ. VI годичная научная сессия ЛОИВАН (краткие сообщения и автоаннотации). М., 1970. С. 51—53; Она же. История крузенштерновского списка «Малайских родословий» // Малайско-индонезийские исследования: (Памяти акад. А. А. Губера): Сб. М., 1977. С. 162—167.
- ¹⁸ Португальцы проникли в Малайю в начале XVI в., после того, как португальский мореплаватель Васко да Гама (1469—1524) открыл в конце XV в. морской путь в Ост-Индию.
- ¹⁹ В записи К. М. Френа — «Obechisials», что является колониальным искажением португальского слова «ofichisials».
- ²⁰ Коммодор (англ.) — командир соединения кораблей (эскадры), не имеющий звания адмирала. Это звание И. Ф. Крузенштерн получил лишь в 1841 г.
- ²¹ Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук. Т. 4. 1786—1803. СПб., 1911. С. 1027. § 309. Алла-Уддин Рияят — правитель Аче в XVI в.
- ²² СПб (прибавление). 1819. № 93. С. 15.
- ²³ Dorn B. Das Asiatische Museum. St.-Pb., 1846. S. 11, 114.
- ²⁴ ПФАРАН, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1—2, письмо Ф. Т. Шуберта И. Ф. Крузенштерну от 23 сентября 1802 г.

- ²⁵ *Невский В. В.* Первое путешествие россиян вокруг света. [М.], 1951. С. 26.
- ²⁶ Адмирал Иван Федорович Крузенштерн (Биографический очерк) // Морской сборник. СПб., 1869. Т. 102. № 6. С. 10.
- ²⁷ *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». М., 1950. С. 9.
- ²⁸ РГАВМФ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 266, л. 1.
- ²⁹ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18.
- ³⁰ РГИА, ф. 744, оп. 1, ед. хр. 3, л. 14; ПФАРАН, ф. 4, оп. 2-1805, ед. хр. 2, л. 18—19; Куликова. [Законодательные акты]. С. 102. № 17.
- ³¹ Отец Г. Ю. Клапрота Мартин Генрих Клапрот был ученым-химиком.
- ³² РГИА, ф. 744, оп. 1, ед. хр. 4, л. 7. Дата избрания Конференцией — 11 марта 1807 г.
- ³³ См. раздел настоящей работы «Языковед И. А. Гульянов (1786—1841/1842) и его научно-литературные связи».
- ³⁴ ПФАРАН, ф. 4, оп. 2-1805, ед. хр. 526, л. 76-76 об., 109—109 об.; Куликова. [Законодательные акты]. С. 102. № 18; С. 113. № 123.
- ³⁵ Часть этих материалов в настоящее время хранится в ПФАРАН (ф. 783, Г. Ю. Клапрота, оп. 1, ед. хр. 4 и 5) и в РНБ(СПб) ОР, (ф. 7, Ф. П. Аделунга, оп. 1, ед. хр. 74).
- ³⁶ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18, л. 20; Куликова. [Законодательные акты]. С. 121. № 210.
- ³⁷ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18, л. 27, 47—48.
- ³⁸ Там же, л. 42—43.
- ³⁹ ПФАРАН, ф. 1, оп. 2-1813, ед. хр. 5, л. 3—3 об., § 69; Куликова. [Законодательные акты]. С. 102. № 20.
- ⁴⁰ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18, л. 62, 69; Куликова. [Законодательные акты]. С. 102. № 21.
- ⁴¹ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18, л. 78—81.
- ⁴² Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1670—1738) — граф, дипломат.
- ⁴³ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18, л. 49.
- ⁴⁴ Там же, л. 51—52.
- ⁴⁵ Там же, л. 99—99 об.
- ⁴⁶ Там же, л. 105—105 об.
- ⁴⁷ Там же, л. 103—103 об., отношение П. Г. Дивова № 6257 от 6 октября 1822 г. на имя А. Н. Голицына.
- ⁴⁸ ПФАРАН, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 98.
- ⁴⁹ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18, л. 110—113 об.; ПФАРАН, ф. 778, оп. 1, ед. хр. 41, л. 639—646.
- ⁵⁰ Готлиб Теофил Зигфрид Байер (1694—1738) — историк и филолог; в России — с 1725 г.
- ⁵¹ Фирдоуси Абулькасим (ок. 940—1020 или 1030) — персидский поэт, автор поэмы «Шах-наме».
- ⁵² Абу-л-Гази Бехадур-хан (1603—1663) — правитель Хорезма, историк, автор «Родословного древа тюрков».
- ⁵³ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 18, л. 119—120.
- ⁵⁴ *Савельев П. С.* Восточные литературы и русские ориенталисты // Русский вестник. М., 1856. Т. 3. С. 129—130.

Языковед И. А. Гулянов (1786—1841/1842) И ЕГО НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Египтолог, дерзнувший полемизировать с Ж. Ф. Шампольоном, автор трудов, не признанных специалистами и тем не менее обративших на себя внимание ряда деятелей науки и культуры, ученый, целиком отдавший жизнь исследовательским занятиям и преданный забвению слишком скоро, друг П. Я. Чаадаева, Т. Н. Грановского, М. П. Погодина, наконец, человек, которому А. С. Пушкин посвятил стихотворение, — таков портрет Ивана Александровича Гулянова (1786—1841), почти неизвестного современным историкам.

Настоящий очерк написан на основании изучения следующих материалов: 1) архивные источники и прежде всего личный фонд И. А. Гулянова¹; 2) труды последнего, большая часть которых в данное время не введена в научный оборот, а также сведения о них в литературе, переписке разных лиц, каталогах и других справочных изданиях; 3) обширный круг работ, воспоминаний, опубликованных документов, принадлежащих современникам И. А. Гулянова; 4) несколько статей египтологов XX в. с характеристиками научного метода И. А. Гулянова.

Вопрос о происхождении И. А. Гулянова содержит много загадок и недомолвок. Среди его бумаг сохранился любопытный «аттестат», составленный 12 мая 1805 г. в Москве — за подписью и печатью князя А. Маврокордато. Князь свидетельствовал, что Иван Гулянов принадлежит к дворянскому сословию Молдавии и связан родственными узами с его собственной семьей и что, перейдя под покровительство России, он привез с собою этого «сироту», о котором более некому было позаботиться².

Александр Иванович Маврокордато (1754—1819) с января 1785 г. по декабрь 1786 г. занимал пост господаря Молдавии. Его женой была дочь валашского князя Зафира Караджа (Караджи)³. Имя Гулянова и особенно его отчество, свидетельства ряда лиц, его переписка с родными — все это позволяет утверждать, что названные супруги были его родителями. По неизвестным причинам отец официально не признавал его своим сыном и дал ему фамилию своей матери Марии Гулианос⁴. В России А. И. Маврокорда-

то вторично женился на графине Александре Львовне Санти и имел от этого брака двух дочерей⁵. Наиболее тесные связи в течение всей жизни И. А. Гульянов поддерживал с сестрой Екатериной Александровной Маврокордато, которая жила «в собственном доме на Лубянке». Здесь он всегда останавливался, посещая Москву. В этом доме бывали его друзья, хранились его книги, рукописи. Сестра выполняла поручения брата, в письмах сообщала ему московские новости⁶.

Принятый в литературе год рождения И. А. Гульянова — 1789 г. — вызывает большие сомнения. Если он, как утверждал А. И. Маврокордато, родился в Молдавии, то это могло произойти не позднее 1786 г. Именно эта дата рождения приведена в его послужном списке от 1819 г.⁷ Ее-то и следует считать наиболее вероятной.

Не получив систематического образования, И. А. Гульянов «по врожденной любознательности» приобрел «множество сведений касательно древностей и филологии»⁸. Он в разной степени владел французским (на нем написана большая часть его трудов), английским, немецким, греческим, латинским, славянскими языками. В своих исследованиях он использовал древнееврейские, китайские, коптские, «индийские» и другие восточные тексты. Основными темами его научных занятий были египтология, общее и сравнительное языкознание.

Что касается официальной службы, то с 31 июля 1805 г. до 1827 г. он числился в штате Министерства (Коллегии) иностранных дел: с августа 1805 г. по август 1808 г. — в качестве студента при Российской миссии в Константинополе; в последующие годы — в должностях помощника экспедиции консульских дел, переводчика при миссиях, сотрудника Московского главного архива, сверхштатного сотрудника посольства в Гааге. Выполняя разные поручения, он в эти годы побывал также в Аахене, Дрездене, Париже, в городах Италии, на островах Мальте и Сицилии. С 1827 г. и до своей кончины в 1841 г. он был чиновником особых поручений при министре народного просвещения⁹.

Занимая названные должности, И. А. Гульянов в действительности целиком посвятил себя науке, и в этом стремлении его поддерживали многие знаменитые современники. Поэтому изложение дальнейших событий его жизни будет тесно переплетаться со сведениями о круге его знакомств.

На первых порах помощь и поддержку И. А. Гульянову оказали член-корреспондент (1809 г.) Императорской академии наук по разряду истории и древностей Фридрих (Федор Павлович) Аделунг (1768—1843)¹⁰, коллега по дипломатической службе Иоанн (Иван Антонович) Каподистрия (1776—1831), президент Императорской российской академии (1783—1841 гг.) Александр Семенович Шишков (1754—1841). По предложению последнего И. А. Гуль-

янов 21 мая 1821 г. был избран действительным членом названной Академии: поводом к этому послужили «отличные упражнения его в исследовании начал и правил как российского, так и других языков; приобретенные им немалые знания и оказанные в том благоуспешные опыты прямо к академическим знаниям и упражнениям относящиеся»¹¹.

Первое выступление И. А. Гулянова в качестве академика состоялось 18 июня 1821 г. и было посвящено общим правилам создания и развития языков. Текст этой «речи» сразу же был опубликован: в 1821 г. — в Санкт-Петербурге, в 1822 г. — в Париже¹². Французские ученые отметили смелость самой идеи и осведомленность автора в вопросах грамматик разных языков¹³. Данную тему И. А. Гулянов продолжил в ряде работ, сохранившихся в рукописях в его фонде: «Краткое начертание законов образования слова», «О различных письменах», «О разуме языков и о связи понятий», «Взгляд на древние азбуки и на первородные звуки языков», наброски «по сравнительной лингвистике» арабского, сирийского, древнееврейского, армянского, латинского, греческого, немецкого языков и наречий народов Африки, Восточной Индии, Полинезии, Южной Америки, «изрядное количество словарей» и т. д.¹⁴

Изучая материалы по сравнительной лингвистике, ученый стремился определить «единую систему алфавитов»: вскрыть законы образования слов, истоки, общие для возникновения любого языка. Итоги этих исследований были изложены в книге, которая вышла из печати в Париже в начале 1824 г.¹⁵

Не раз И. А. Гулянов привлекал внимание европейской науки к необходимости изучения славянских языков. «Пространство России, — писал он, — объемлет три Европы, а просвещенная Европа, простирая гордые свои взоры за тридевять земель в тридесятые царства, презирает словесность народа ей прикосновенного»¹⁶. Приветствуя идею создания Сравнительного словаря всех славянских наречий, он вместе с тем доказывал, что его следует «обогатить дополнением речений, в народе употребляемых, ибо словарь не достоин сего имени, если оный заключает те только речения, кои известны по книгам и употребительны в столице. Словарь должен быть зеркалом языка народа, а не общества, которое в отношении к народу то же, что капля в море»¹⁷. В рамках этой темы он написал статьи: «Взгляд на слово русское» и «О всеобщем словоизучении в приложении к славянорусскому наречию»¹⁸.

Непосредственным продолжением лингвистических занятий стало обращение ученого к данным археологии, палеографии, археологии¹⁹. Многословие, налет мистики затрудняют восприятие его теоретических рассуждений. Между тем среди его современников наряду с противниками были и те, кто разделял его науч-

ные взгляды. Накопленный же им огромный материал по перечисленным проблемам использовался и последующими поколениями ученых.

С весны 1822 г. по июнь 1827 г. И. А. Гулянов жил в Париже и был посредником в налаживании связей российских языковедов с французскими коллегами. Он передал в Академию надписей и изящной словесности издания Императорской российской академии²⁰, неоднократно приобретал для последней «полезные книги»²¹, а также образцы литер, матриц, шрифтов и «книжных украшений»²².

В это время деятельностью И. А. Гулянова заинтересовался немецкий ученый-энциклопедист Александр Гумбольдт (1769—1859), который в 1827 г. через российского посланника в Вене Карла (Андреевича) Поццо ди Борго (1764—1842) хлопотал о продолжении его научных занятий в европейских странах²³. Впоследствии А. Гумбольдт и И. А. Гулянов состояли в переписке. Из нее сохранились шесть писем за 1831—1840 гг. Два письма А. Гумбольдта²⁴ от 13 декабря 1832 г. и от 13 июня 1840 г. содержат положительные отзывы о трудах И. А. Гулянова: первый посвящен «замечаниям о Дендерском Зодиаке»²⁵; а второй носит название «Археология Египта»²⁶. Четыре ответных письма последнего за 1832—1840 гг. посвящены его исследованиям²⁷.

Возможно, с учетом мнения А. Гумбольдта И. А. Гулянову осенью 1827 г. была предоставлена командировка в Дрезден, где он в течение двух лет занимался вопросами общего языкознания, археологии и рядом языков: славянскими²⁸, «египетским», китайским²⁹ и другими. В Германии он поддерживал связи с европейскими славяноведами. Например, сохранилось письмо к нему от 9 февраля 1828 г. библиотекаря пражского Народного музея Вацлава (Врошлага) Ганки (1791—1861), который собирал и изучал славянские источники и поддерживал «драгоценнейшую дружбу» с российскими учеными, интересовался их работами, предлагал свою помощь³⁰.

В конце 1829 г. И. А. Гулянов приехал в Россию, намереваясь продлить командировку и вернуться в Дрезден, где он оставил свои материалы и библиотеку. Дело о поездке застопорилось, и он более двух лет прожил в Москве, не получая жалованья и беспокоясь о судьбе своих книг и рукописей, находящихся в Германии³¹.

В московский период своей жизни И. А. Гулянов имел интереснейший круг знакомств. Многие выдающиеся общественно-политические и культурные деятели России были в числе его друзей, поддерживали его научную деятельность, которая в это время сосредоточилась в области изучения Египта. В архивах и литературе остались сведения о его деловых и дружеских связях с

П. Я. Чаадаевым, М. П. Погодиным, Н. И. Надеждиным, Н. И. Гре-
чем и другими.

Je suis tout honteux des mauvaises questions
de vous faire la demande que je vais vous faire
touchant l'état de vos affaires, mais ne soyez
pas fâché. Je me rappelle, dans votre demande
d'une à trois cent francs, pour le terme de trois
semaines. Vous savez que l'on m'avait promis
de me prêter de l'argent, hein, en me sur la
pointe, et à l'heure qu'il est je suis dans
la plus agréable situation du monde, je n'ai
évidemment pas le sol. Je n'ai pas besoin de
rien dire que je ne voudrais pour rien au monde
que vous vous ^{opriez} dérangiez pour l'amour de moi
et que ce n'est que dans le cas où vous pourriez
me rendre le service sans que cela vous in-
commode en rien que je pourrais l'accepter.

Je me suis fait plaisir, et de moment
pour je me réjouirais si vous m'en
demandez des nouvelles de vos aventures li-
vraies. - tout à vous. - Chadaev.

240

Je vous salue.

P.S. Si vous êtes dans le cas de me prêter de l'argent
en question, veuillez m'en faire part par
un billet.

Письмо П. Я. Чаадаева И. А. Гульянову

Писатель и философ Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856) в
1823—1826 гг. совершил поездку по странам Западной Европы, во
время которой, вероятно, и познакомился с И. А. Гульяновым,
находившимся в Париже. В последующие годы они переписыва-
лись. Сохранились два письма П. Я. Чаадаева к И. А. Гульянову³².
Они не датированы. Содержание касается только бытовых под-
робностей, но общий тон свидетельствует о взаимном доверии

этих людей. Об И. А. Гульянове, «с уважением упомянутом в толстом томе... (и) потрясшем пирамиды в их основаниях», о «приятельстве» с ним пишет П. Я. Чаадаев первому поэту России и своему ближайшему другу Александру Сергеевичу Пушкину (1799—1837) в марте—апреле 1829 г.³³

8 июля 1830 г. И. А. Гульянов стал сотрудником «Московского вестника». Издатель этого журнала, историк и публицист Михаил Петрович Погодин (1800—1875) «чрезвычайно заинтересовался» гульяновской теорией о «происхождении языка». Он «подстрекал» ученого «к окончанию прекрасных трудов» и заказал ему статью «О сродстве языка славянского с языком Хама». Их тесное сотрудничество прервалось с отъездом И. А. Гульянова в 1832 г. в Дрезден³⁴.

С писателем и журналистом Николаем Ивановичем Гречем (1787—1867) И. А. Гульянова связывали давние дружеские отношения. Их переписка наполнена сведениями о подготовке, редактировании и издании трудов по египтологии, об обмене литературой, о новостях науки, об общих знакомых³⁵. И. А. Гульянов посылал Н. И. Гречу свои работы, обращался к нему с деловыми просьбами, передал в его распоряжение материалы по «составлению русской азбуки»³⁶.

В Москве И. А. Гульянов познакомился с литературным критиком и редактором «Телескопа» Николаем Ивановичем Надеждиным (1804—1856). Причиной их встречи и последующей переписки³⁷ было стремление первого сотрудничать в названном журнале. В сентябре 1831 г. он обратился в редакцию с просьбой напечатать отрывок из готовящегося им исследования о происхождении языков. В том же году он издал работу «Замечания о Дендерском зодиаке», являющуюся откликом на одну из статей «Телескопа»³⁸. Уехав за границу, И. А. Гульянов продолжал посылать Н. И. Надеждину сообщения о новинках зарубежной литературы.

Среди московских знакомых и корреспондентов И. А. Гульянова мы встречаем и других деятелей, оставивших заметный след в русской словесности. Это поэты Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805—1827) и Федор Иванович Тютчев (1803—1873), писатели Дмитрий Николаевич Свербеев (1799—1874), Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), Петр Васильевич Киреевский (1808—1856), Иван Васильевич Киреевский (1806—1856), Николай Александрович Мельгунов (1804—1867). С некоторыми из них И. А. Гульянов встречался ранее за границей, с другими сошелся во время пребывания в Москве. Он живо интересовался новыми изданиями, был гостем модных собраний и кружков. Писательница и хозяйка литературно-художественного салона княгиня Зинаида Александровна Волконская (1789 или 1792—1862) в 1829 г. опубликовала «Сновидение», которое было написано в форме письма к И. А. Гульянову и в котором приводилось ироническое

толкование происхождения египетских иероглифов³⁹. Эти связи способствовали тому, что среди его бумаг «отложилось много любопытного» из того, что «принадлежит русской литературе»⁴⁰.

Особо следует отметить событие, которое навсегда связало его имя с историей изучения жизни и творчества А. С. Пушкина и которому мы обязаны рождением одного из лучших пушкинских стихотворений. Узнав о помолвке поэта с Натальей Николаевной Гончаровой (1812—1863) в мае 1830 г., И. А. Гулянов 15 июня откликнулся на это анонимными стихами. По одним сведениям, он отправил послание А. С. Пушкину, который был растроган «словом доброжелательства человека, ему совершенно постороннего»⁴¹; по другим — он его «без имени напечатал где-то»⁴². Автограф стихотворения неизвестен. Содержание его частично приведено первым пушкинским биографом Павлом Васильевичем Анненковым (1812 или 1813—1887), который отмечал, что в авторе «многие отгадывают ученого нашего египтолога г. И. А. Гулянова» и что его стихи, где «благородная мысль и жаркое сочувствие к таланту поэта заменяют всякое другое достоинство», являют пример того, как «поэт наш своим прикосновением возвышал до себя, до собственного гения чужую мысль»⁴³.

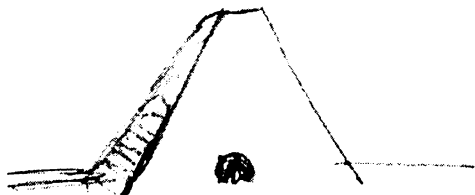
Приведенные данные дополняются свидетельствами из архивного фонда И. А. Гулянова. Здесь сохранился корректурный лист какого-то журнала с текстом стихотворения и следующим примечанием редакции: «Невольное изливание чувствований одного из знаменитейших русских ученых». Примечание было зачеркнуто автором и в заглавии вместо «Ода Пушкину» оставлено одно слово «Пушкину»⁴⁴. Первоначальный вариант текста⁴⁵, судя по корректуре, был автором или редактором значительно сокращен.

И. А. Гулянов искренне восхищался талантом А. С. Пушкина, которого он называл певцом «высоким, знаменитым, волшебным», выражал сожаление, что новые заботы отвлекут его «от Олимпа, где цвел его гений», и желал ему «на лоне дружбы отдохнуть». В благодарность за добрые пожелания А. С. Пушкин написал «Ответ анониму». Это замечательное произведение было написано 26 сентября 1830 г. в селе Болдино⁴⁶. На экземпляре этого стихотворения, переписанного рукой И. А. Гулянова⁴⁷, последним помечено: «Стихи сии напечатаны в первый раз в „Северных цветах“ 1831 г.⁴⁸, в потом в 3-ей части стихотворений Александра Пушкина 1832 г.⁴⁹».

Среди московских знакомых И. А. Гулянова было немало лиц из пушкинского окружения. Поэтому не вызывает удивления и его знакомство с А. С. Пушкиным. Об интересе поэта к деятельности ученого свидетельствует любопытный документ. И. А. Гулянов бережно сохранил рисунок А. С. Пушкина, на котором изображена пирамида, и оставил пояснительную надпись: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время беседы, которая со-

стоялась этим утром о моих работах вообще и о написании иероглифов в частности. Москва, 13/25 декабря 1831 г.»⁵⁰. Из литературы известно, что эта встреча была не единственной⁵¹.

Les pyram

Deser

1833

Traité par le Poète Alexandre Soukhkine dans un
entretiens que j'ai eu avec lui ce matin sur ses travaux
en général et sur les caractères hiéroglyphiques en
particulier. Moscou le 13 Décembre 1831.
26

Рисунок египетской пирамиды, сделанный А. С. Пушкиным,
и подпись к рисунку И. А. Гульянова

Интерес А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, М. П. Погодина и других представителей образованного российского общества к исследованиям И. А. Гульянова по египтологии не случаен. 1820—1830-е гг. — период усиленного изучения исторического прошлого долины Нила. Этому способствовали введение в научный оборот древнеегипетских текстов, собранных участниками похода (1798—1801 гг.) во главе с генералом Наполеоном Бонапартом (1769—1821) в Египет, и особенно издание в 1822 г. работы Ж. Ф. Шампольона «О египетском иероглифическом алфавите».

Жан Франсуа Шампольон (1790—1832) — французский египтолог, создатель системы дешифровки египетских иероглифов, ныне признанной широким кругом специалистов. Вначале же ему приходилось отстаивать свое открытие среди целой бури споров и опровержений.

Одним из его оппонентов был И. А. Гулянов: с неизменной настойчивостью он критиковал его работы, пытаясь создать собственный метод расшифровки иероглифов⁵². Рукописи трудов, эпистолярные и другие материалы его фонда рисуют картину полемики с Ж. Ф. Шампольоном, сообщают факты и имена людей, оказавшихся причастными к истории данной проблемы. Интерес И. А. Гулянова к Египту, к археологическим раскопкам в этом регионе, к тайне иероглифов зародился в юности. В 1804 г., когда ему еще не было и 20 лет, он первым из египтологов опубликовал свой вариант прочтения иероглифической надписи знаменитого розеттского камня⁵³. Начало его спора с французским египтологом относится к первой половине 1820-х гг. 22 февраля 1822 г. поэт и историк Сергей Петрович Румянцев (1755—1838) сообщал в письме писателю и историку Николаю Михайловичу Карамзину (1766—1826) «любопытные сведения» об И. А. Гулянове, «который препирается с Шампольоном о египетских иероглифах»⁵⁴. 4 декабря 1824 г. некий С. Кирсаков упоминал в письме о «схватке этих двух ученых»⁵⁵.

Первая работа И. А. Гулянова, посвященная критике теории Ж. Ф. Шампольона, вышла в Париже в 1826 г. В России откликом на нее была рецензия Петра Андреевича Вяземского (1792—1878). Как журналист и литературный критик, он обратил внимание читателей на эту публикацию. По его словам, ее автор, с одной стороны, отметил «внутреннее достоинство», «гармонию выводов» и «бессомненный талант» французского египтолога, с другой стороны, он «несомненно уличил» противника «во многих противоречиях и ложных догадках». В заключение рецензент писал: «Не позволяем себе быть решителями в этой тяжбе, тем более что не имеем перед глазами всех фактов; но без сомнения, каждому русскому приятно будет знать, что наш земляк подает голос в деле, занимающем ныне ученую Европу, и видеть, что он не без некоторых прав входит в состязание с столь знаменитым соперником, как Шампольон»⁵⁶.

Во французской печати также появился отзыв на указанную работу И. А. Гулянова, подписанный инициалами А. М. и несомненно принадлежавший перу самого Ж. Ф. Шампольона⁵⁷. Он подверг критике не только российского ученого, но и одного из первых английских исследователей иероглифических надписей Томаса Юнга (1773—1829). Ж. Ф. Шампольон также упоминал о составлении им египетских грамматики и словаря, об изучении ис-

точников и «посредством этого возрождении во всеобщей истории целого народа»⁵⁸.

В последующие годы против Ж. Ф. Шампольона сложился своеобразный союз — И. А. Гулянова с немецким востоковедом Генрихом Юлием Клапротом (1783—1835). Познакомившись около 1827 г., они переписывались почти 10 лет⁵⁹. Большинство писем посвящено научным вопросам: это сведения об их трудах, об обмене ими, об откликах на них в печати, о пересылке литературы и т. д. Постоянное внимание в этой переписке уделялось событиям, связанным с Ж. Ф. Шампольоном: таким, как появление его новых публикаций, отзывы на них, его пребывание в Египте, полемика с рядом ученых по поводу расшифровки египетских текстов.

В 1827 г. И. А. Гулянов впервые сообщил Г. Ю. Клапроту о своих «занятиях иероглифами»⁶⁰. Последний вскоре опубликовал работу по тому же вопросу — «Письмо... адресованное Гулянову», методом которого, как отмечалось здесь, он пользовался в своих исследованиях⁶¹.

10/22 апреля 1828 г. И. А. Гулянов писал Г. Ю. Клапроту, что сомнения в отдельных, причем одних и тех же, деталях системы Ж. Ф. Шампольона высказывали Блакас и Тургенев⁶². Имя первого среди критиков известного египтолога несколько неожиданно, поскольку меценат герцог Блакас д'Ольп (1770—1839) покровительствовал ему. Второй оппонент — археограф и литератор Александр Иванович Тургенев (1784—1845) много раз ездил за границу для занятий в архивах и библиотеках. В фонде И. А. Гулянова хранятся пять его писем с сообщениями о поездках по Европе в 1829—1833 гг.⁶³

В полемике принимал участие французский востоковед Антоний Исаак Сильвестр де Саси (1758—1838), который в разные периоды по-разному относился к методике чтения египетских надписей, применяемой его соотечественником⁶⁴. Например, в 1828 г. А. И. С. де Саси опубликовал статью, где говорилось, что по этой методике «нельзя прочесть ни одного иероглифа». Об этой статье речь шла в письме И. А. Гулянова Г. Ю. Клапроту от 21 июня/3 июля 1828 г.⁶⁵ (Следует учесть, что отдельные примеры не дают полного представления об отношениях двух французских ученых.)

Переписка с Г. Ю. Клапротом наиболее наполнена сведениями о Ж. Ф. Шампольоне, но имя последнего встречается в письмах, которыми И. А. Гулянов обменивался с другими лицами. 9 сентября 1823 г. он отвечал на вопрос директора (с 1811 г.) Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге археолога и историка Алексея Николаевича Оленина (1763—1843) о возможности приобретения «письма Шампольона о звучных иероглифах»⁶⁶. В 1828 г. И. А. Гулянов писал упоминавшемуся Н. И. Гречу из Дрездена, что, пока Ж. Ф. Шампольон «путешествует в Египте для

созерцания и толкования памятников земли фараонской», он проводит время «в тщательном разбирании лжеобразных иероглифов» и в составлении «пространной книги» по этой теме⁶⁷.

Выше упоминалось «Письмо к издателю „Телескопа“»⁶⁸, в котором продолжалась «схватка» двух ученых по вопросам египтологии — на «поприще, покрытом тьмой и исполненном преткновений»: Ж. Ф. Шампольон обвинял И. А. Гулянова в отсутствии понятия «даже о первых началах коптской или египетской грамматики», а последний порицал научного противника за то, что он «не разобрал еще ни одной строчки, историческое предание заключающей. Успел же он прочесть несколько имен и разобрать несколько чисел»⁶⁹.

Обоюдная критика, сдобренная солидной долей предубеждения и неприязни, отнимала много сил и времени у враждующих сторон. Между тем есть свидетельства, что отношения двух исследователей могли сложиться иначе, если бы были использованы возможные точки их соприкосновения. Выше говорилось, что И. А. Гулянов не отвергал стройности системы Ж. Ф. Шампольона. Последний, в свою очередь, прислушивался к критическим замечаниям противника и учитывал их в своих работах⁷⁰. Еще весной 1827 г., когда И. А. Гулянов приехал из Дрездена в Париж, к нему обратился географ Адриан Бальби (1782—1848), который просил у него копию одной из его работ для передачи «братьям Шампольонам»⁷¹. При этом он отмечал, что «братья ничего не имеют» против И. А. Гулянова и «будут рады видеть» его⁷². Последний в ответ на это приглашение в письме на имя А. Бальби выразил сожаление, что необходимый отъезд «лишает его оказанной чести»⁷³. Действительно ли И. А. Гулянов не мог встретиться с Ж. Ф. Шампольоном или сознательно уклонился от этого — мы не знаем. Но сама возможность их свидания и стремление к этому французского египтолога говорят об его интересе к российскому оппоненту.

В начале 1832 г. Ж. Ф. Шампольон скончался. Почти сразу же в «Телескопе» появились две публикации. Одна из них содержала анонимные «воспоминания» о Ж. Ф. Шампольоне, в которых приводились его биография, предыстория его научного открытия, сведения о его полемике с рядом ученых, описание коллекции, собранной им во время поездки в Египет в 1824—1826 гг.⁷⁴ Другая публикация подводила итог 20-летним исследованиям И. А. Гулянова: в это время он продолжал заниматься филологией, палеографией, криптографией, собирал материалы по древнеславянскому, китайскому, тибетскому, «индийскому, египетскому, эллинскому» и другим языкам⁷⁵. Может быть, редактор журнала Н. И. Надеждин попытался поставить точку в затянувшемся споре.

Можно по-разному относиться к попыткам И. А. Гулянова внести свой вклад в египтологию. Ясно одно: если «изыскания»

Ж. Ф. Шампольона «возбудили живейшее внимание просвещенной Европы»⁷⁶, то в России любопытство к этому предмету добавочно усиливалось деятельностью И. А. Гулянова, оказавшегося в центре событий. В той или иной степени интерес к Египту и его изучению проявляли названные выше П. Я. Чадаев, М. П. Погодин, Н. И. Надеждин, Н. И. Греч, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, А. Н. Оленин, а также профессора Санкт-Петербургского императорского университета Иосиф Юлиан (Осип Иванович) Сенковский (1800—1858) и Александр Васильевич Никитенко (1805—1877), историк Сибири Григорий Иванович Спасский (1783—1864), писатель, библиофил и переводчик Авраам Сергеевич Норов (1795—1869), декабрист Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863). Почти все они по роду своих занятий не соприкасались с египтологией. Не имея возможности разобраться в существе спора И. А. Гулянова с Ж. Ф. Шампольоном, они гордились участием российского ученого в разработке столь важной темы, которая вышла за рамки специального научного вопроса. Именно в это время правительством России были приобретены некоторые египетские памятники (саркофаги, сфинксы) и рукописи.

В такой обстановке положительно, несмотря на затруднения и задержки, решилось дело о выделении И. А. Гулянову «содержания» по Министерству народного просвещения для продолжения занятий. В июне 1832 г. он уехал «в чужие края»: до 1839 г. жил в Дрездене, а два последних года — во Франкфурте-на-Майне. Как и раньше, его занимали две научные темы: общее языкознание и «сочинения относительно иероглифов и археологии Египта»⁷⁷.

Исследованиями И. А. Гулянова в рамках первой темы глубоко заинтересовался историк Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855). Они познакомились в Дрездене в апреле 1838 г. и сразу прониклись взаимным уважением и симпатией. Они встречались ежедневно, вместе осматривали город, бывали в театрах и музеях. Обычно осторожный и подозрительный, И. А. Гулянов полностью доверился новому знакомому, охотно показывал ему свои бумаги и работы, позволял читать их, делать выписки, брать домой. Много часов провели они в беседах. Впечатления об ученом, его исследованиях и идеях отразились в письмах Т. Н. Грановского друзьям: востоковеду Василию Васильевичу Григорьеву (1816—1881), литератору и журналисту Януарию Михайловичу Неверову (1810—1893), философу и поэту Николаю Владимировичу Станкевичу (1813—1840). Т. Н. Грановского поражал объем знаний И. А. Гулянова. Его рассуждения об образовании языков Т. Н. Грановский находил ясными и убедительными, считая, что «здравый смысл на стороне автора» и что «издание всеобщей грамматики принесло бы большую пользу науке». Отмечая «мистические выходки» в его работах, он предсказывал, что «над многими его идеями станут

смеяться... но между ними есть такие, которые не во всякую голову влезут»⁷⁸.

Что касается египтологии, то в этот период И. А. Гульянов готовил «труд о символах египтян и смысле их священного языка». Эта неоконченная работа стала итогом его египтологической деятельности. В 1839 г. в Лейпциге вышли в свет три тома этого исследования — под названием «Археология Египта»⁷⁹. В качестве вознаграждения за это издание автор в январе 1840 г. получил от российского правительства 2860 рублей⁸⁰. В последние годы жизни И. А. Гульянова положительные отзывы о нем как о египтологе оставили французские востоковеды: секретарь Азиатского общества Жан Пьер Абель Ремюза (1788—1832), академик-санскритолог Евгений Бюрнуф (1801—1852), академик Эжен Франсуа Жомар (1777—1862), историк и археолог Дезире Рауль-Рошетт (1790—1854).

Особо следует отметить публикацию члена французской Академии надписей и изящной словесности Жюль Берже де Ксивре (1801—1863), которая по форме была рецензией на «Археологию Египта», но по содержанию выходила за рамки обычного отзыва. Ее автор хвалил стиль названной работы, отмечал ясность изложения материала, отсутствие «тех оракульских слов, которые, своею темнотою закрывая пустоту, заставляют добрых людей находить глубину премудрости там, где одно только бессильное шарлатанство»; касаясь полемики Ж. Ф. Шампольона и И. А. Гульянова, рецензент признавал, что первый «не всегда искренне сознавался в своих погрешностях» и отвергал в замечаниях российского коллеги даже «дельные и умные» объяснения, которые подтверждались фактами; в заключение автор отзыва призывал И. А. Гульянова забыть «раздраженную старинную перебранку» и предлагал свои услуги в качестве корректора⁸¹.

В литературе и переписке этого времени отмечались «отменное просвещение», «удивления достойные сведения», «неутомимое трудолюбие» и «редкие душевные качества» И. А. Гульянова. Глубокое уважение к его трудам выражали знаток древностей Дмитрий Николаевич Толстой (1806—1884), российские дипломаты: посланник во Франкфурте-на-Майне Петр Яковлевич Убри (1774—1847), посланник в Берлине Петр Казимирович Мейендорф (1796—1863), посланник в Вене Дмитрий Павлович Татищев (1767—1845).

Тяжелая болезнь И. А. Гульянова, начавшаяся в 1837 г., прогрессировала. Из-за «бедственного здоровья» он в ноябре 1841 г. переселился в Ниццу, где и скончался 23 декабря 1841 г./4 января 1842 г.

После смерти имя И. А. Гульянова почти исчезло из истории науки. В 1843 г. в журнале «Маяк» была опубликована статья о нем (некролог), где, в частности, высказывалось беспокойство о судьбе его научного наследия и надежда на то, что «приобретена

будет эта драгоценность и для чести русского имени издадут все труды славного русского ученого»⁸². В 1849 г. появилась публикация, посвященная «памяти первого русского египтолога». Автором ее был востоковед Павел Степанович Савельев (1814—1859), который попытался осветить споры вокруг расшифровки египетских иероглифов. Один из выводов его сводился к тому, что «оппонент по убеждению» И. А. Гулянов «был долгое время полезен Шампольону своею систематическою полемикою»⁸³. В 1881 г. «несколько слов» о И. А. Гулянове написал П. А. Вяземский, также беспокоившийся о судьбе бумаг его: «Нет сомнения, что в них много любопытного. Он был и трудолюбив, и находился в близких отношениях со многими современными известностями и знаменитостями»⁸⁴.

В XX в. труды И. А. Гулянова были полностью забыты. У египтологов до сих пор нет о нем единого мнения⁸⁵. Ни одна из характеристик не подтверждена фактическими материалами, поскольку никто специально не занимался этой темой. Наиболее конкретное, хотя и краткое, изложение взглядов И. А. Гулянова как египтолога принадлежит историку-востоковеду Борису Александровичу Тураеву (1868—1920), который отмечал, что этот ученый первым попытался разобрать иероглифическую часть «знаменитой розеттской надписи», «опираясь на коптский язык», что он «признавал символический характер письма, но не отвергал и фонетического значения. После того, как великий Шампольон, преодолев все сомнения и пройдя через ряд многих продолжительных колебаний, окончательно установил свою систему, Гулянов и его ученый единомышленник, академик Клапрот, оказались его упорными противниками. Взаимная продолжительная полемика, несмотря на свою кажущуюся непримиримость, не прошла, однако, бесследно для обеих сторон... Его (И. А. Гулянова. — А. К.) научные интересы были разносторонни и касались разнообразных отраслей языкознания... его работы пользовались уважением в ученом мире»⁸⁶.

Рукописное наследие И. А. Гулянова, ценность которого признавалась его современниками, долгое время считалось погибшим. Между тем незадолго до своей кончины, 27 июля 1840 г., он заключил своеобразный договор с поручиком и будущим генерал-фельдмаршалом Александром Ивановичем Барятинским (1815—1879) о передаче последнему в случае смерти всех своих рукописей и книг⁸⁷. Библиотека его, «обширная и хорошо составленная», содержала три тысячи трудов по лингвистике и литературам ряда народов, а также книги по философии, истории, праву, политическим наукам, естествознанию, медицине, искусству на славянских, западноевропейских и восточных языках периода 1517—1841 гг.⁸⁸ Среди них были весьма редкие издания, рукописные и художественные произведения⁸⁹. Судьба библиотеки в настоящее время

неизвестна. Что касается его бумаг, то они впоследствии были собраны среди материалов князей Барятинских и выделены в личный фонд И. А. Гулянова в составе Отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве⁹⁰. В фонде находится обширный фактический материал по темам, которых касался И. А. Гулянов. Здесь же хранится огромная по объему и разнообразная по содержанию его переписка со многими государственными и общественными деятелями, учеными, журналистами, литераторами, поэтами и другими лицами. Эти эпистолярные материалы хранят факты, события, имена, связанные с историей общественно-политической, научной и литературной жизни России и Европы первой половины XIX в. Страницы писем и других документов этого фонда дают сведения о путях развития ряда научных проблем. В первую же очередь они рассказывают нам о трагедии ученого, целиком посвятившего себя исследованию вопросов, окончательное решение которых оказалось ему не под силу, но чье честное стремление достичь истины заслуживает уважения и памяти потомков.

Примечания

¹ ОПИГИМ, ф. 390. Первый вариант этого очерка см.: *Куликова А. М.* И. А. Гулянов и его научно-литературные связи // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения: Сб. М., 1984. С. 145—169.

² ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 579.

³ *Legrand E. Généalogie des Maurokordato.* Paris, 1900. С. 20—21.

⁴ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2—3.

⁵ РОИРЛИ, ф. 187, оп. 1, ед. хр. 16, л. 1; Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 7. СПб., 1882. С. 396; Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1899. С. 584; *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание села Всехсвятского Московской губернии и уезда. 1398—1898. М., 1898. С. 31.

⁶ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 33, л. 2, 46; Там же, ед. хр. 34, л. 183; Там же, ед. хр. 35, л. 11 об., 148—151, 153; Там же, ед. хр. 42, л. 124—127; ПФАРАН, ф. 85, оп. 3, ед. хр. 31.

⁷ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4—4 об.

⁸ Отчеты Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности за первое десятилетие с его учреждения, составленные по определению Отделения академиком П. А. Плетневым. СПб., 1852. С. 46.

⁹ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 1, л. 95.

¹⁰ ПФАРАН, ф. 89, оп. 2, ед. хр. 38, л. 1.

¹¹ О некоторых постановлениях и происшествиях в Российской академии // Известия Российской академии. Кн. 10. СПб., 1822. С. 4.

¹² Речь о образовании и существе языков, читанная в Академии российской... И. А. Гуляновым 18 июня 1821 г. СПб., 1821. Рукопись этой работы см.: ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 8, 193 л.

- ¹³ Об ученых трудах г. Гулянова // Русский зритель. М., 1828. № 3—4. С. 282.
- ¹⁴ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 2, л. 32 об.; Там же, ед. хр. 6, 9, 11, 13, 14, 19—28 и др.
- ¹⁵ Речь идет о работе И. А. Гулянова «Etude de l'homme dans la manifestation des ses facultes». Paris, 1824. См. также ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 2, л. 32.
- ¹⁶ РОИРЛИ, ф. 636, оп. 2, ед. хр. 7, л. 2.
- ¹⁷ Там же, л. 4—4 об.
- ¹⁸ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 17, 18.
- ¹⁹ Там же, ед. хр. 10, 44, 45.
- ²⁰ ПФАРАН, ф. 8, оп. 5, ед. хр. 14, л. 4 об.
- ²¹ Там же, л. 4 об.; РНБ(СПб) ОР, ф. 542, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 2.
- ²² ПФАРАН, ф. 8, оп. 5, ед. хр. 14, л. 1; Известия Российской академии. Кн. XI. СПб., 1823. С. 5.
- ²³ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 42, л. 137—140, копия письма А. Гумбольдта.
- ²⁴ Там же, ед. хр. 39, л. 223—225 об.
- ²⁵ См.: Гулянова замечания о Дендерском зодиаке в письме к издателю «Телескопа». М., 1831.
- ²⁶ См. работу И. А. Гулянова «Archéologie Egyptienne» (Lpz., 1839).
- ²⁷ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 34, л. 69—74.
- ²⁸ Обращение И. А. Гулянова к темам по славяноведению поддерживал его коллега в этой области священник Константин Экономос (1780—1857), занимавшийся вопросами «сродства» греческого и славянских языков.
- ²⁹ Например, см. статью И. А. Гулянова «О языке и словописании китайцев» — ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 5.
- ³⁰ Там же, ед. хр. 35, л. 35—36.
- ³¹ Там же, ед. хр. 2, л. 55.
- ³² Там же, ед. хр. 41, л. 240—241.
- ³³ Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Т. 1. М., 1913. С. 73. Т. 2. М., 1914. С. 106; Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. (1837—1937). Т. 14. [М.-Л.], 1941. С. 44.
- ³⁴ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890. С. 38, 126; Русский архив. М., 1882. Кн. 6. С. 152, 167, 178.
- ³⁵ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 33, л. 2—3 об.; Там же, ед. хр. 35, л. 40—41; РОИРЛИ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 64, л. 1—2 об.
- ³⁶ См.: Русская азбука, изданная Николаем Гречем // Библиотека для чтения. СПб., 1847. Т. 80. С. 32.
- ³⁷ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 33, л. 9—10, 22—24; Там же, ед. хр. 36, л. 1—2.
- ³⁸ Подробнее об этой статье сказано далее.
- ³⁹ См.: Галатея. М., 1829. № 22. С. 21—31.
- ⁴⁰ Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1. СПб., 1878. С. 217.
- ⁴¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. С. 37.
- ⁴² Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1. С. 217; Русский архив. М., 1882. Кн. 6. С. 155.
- ⁴³ Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Кн. 3. СПб., 1873. С. 239—240.
- ⁴⁴ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 46, л. 102.
- ⁴⁵ Первый по времени вариант стихотворения И. А. Гулянова был опубликован после его смерти М. П. Погодиным. См.: Москвитянин. М., 1842. Ч. 2. № 3. С. 151—152.

- 46 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Ч. 2. М., 1949. С. 841.
- 47 ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 46, л. 92.
- 48 Северные цветы на 1831 год. СПб., 1830. С. 28—29 (раздел «Поэзия»).
- 49 Стихотворения Александра Пушкина. Ч. 3. СПб., 1832. С. 58—59. См. также: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1. М., 1948. С. 229.
- 50 Этот рисунок до 1966 г. хранился в личном фонде И. А. Гульянова в ОПИГИМ, а затем был передан в РОИРЛИ (ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1738, л. 1). См. также: Теребенина Р. Е. Новые поступления в Пушкинский рукописный фонд // Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968. С. 14—19.
- 51 Теребенина Р. Е. Новые поступления... С. 14—15.
- 52 Hartleben H. Champolion. Sein Leben und Werk. Т. 1. Berlin, 1906. S. 461—462, 490, 494; Т. 2. S. 88, 94, 113, 133, 135, 148.
- 53 Th. Ausonioli [Gouliano]. Analyse de l'inscription hiéroglyphique du monument de Rosette. Dresden, 1804. Второе издание этой работы вышло из печати во Флоренции.
- 54 Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича // Русская старина. СПб., 1874. Т. XI. С. 60.
- 55 ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 35, л. 76.
- 56 Д. [П. А. Вяземский]. Известие о книге «Opuscules archéographiques». М., 1826. С. 5, 10—12. См. также: Московский телеграф. М., 1826. Ч. 8. С. 44—52.
- 57 А. М. Opuscules archéographiques, par M. Th. Ausonioli. Paris, 1826. Т. 5. P. 164—170. Русский перевод этого отзыва см.: А. М. Замечания Шамполлиона (так! — А. К.) на сочинение г[осподина] Гульянова «Opuscules archéographiques» // Московский телеграф. М., 1827. Ч. 13. Отд. 1. С. 198—308.
- 58 А. М. Замечания Шамполлиона... С. 305—306, 308.
- 59 ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 34, л. 75—99; Там же, ед. хр. 39, л. 252—284 (всего 21 письмо Г. Ю. Клапрота). ПФАРАН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32 (14 писем И. А. Гульянова).
- 60 ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 2, л. 29. Речь идет о работе И. А. Гульянова «Essai sur les hiéroglyphes d'Horapollon et quelques mots sur la Cabale». Paris, 1827. Рукопись этой работы см.: ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 7.
- 61 Lettre sur la découverte des hiéroglyphes archéologiques, adressée à... Gouliano. Paris, 1827.
- 62 ПФАРАН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32, л. 2 об.—3.
- 63 ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 41, л. 263—270.
- 64 20 июля 1815 г. А. И. С. де Саси в письме Т. Юнгу советовал «не слишком доверять своих открытий г. Шампольону. Может статься, что он потом будет претендовать на приоритет. Он пытается в нескольких местах своего труда уверить, что он прочел много слов в Розеттской надписи. Я очень боюсь, как бы тут не было шарлатанства». Цитируется по: Кагаров Е. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1914. С. 15.
- 65 ПФАРАН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32, л. 5.
- 66 РНБ (СПб) ОР, ф. 542, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 1—1 об.
- 67 РОИРЛИ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 64, л. 2.
- 68 Гульянов И. А. Замечания о Дендерском зодиаке. Письмо к издателю «Телескопа» // Телескоп. М., 1831. Ч. 4. С. 145—171. Отдельное издание этой работы — см. примеч. 25. Немецкий ее перевод: «Bemerkungen über den Tki-erkreis von Denderah, ein Sendschreiben an den Herausgeber der Zeitschrift «Telescop», von I. A. Gouliano. Aus dem Russischen übersetzt von C. Goldbach». Dresden, 1832. Отзывы о переводе см.: ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 33, л. 59 об.; Там же, ед. хр. 35, л. 81—81 об.; Там же, ед. хр. 39, л. 225—226.
- 69 Гульянова замечания о Дендерском зодиаке... С. 11.
- 70 Там же. С. 11.

⁷¹ Жак Жозеф Шампольон-Фижак (1778—1867) принимал посильное участие в исследованиях младшего брата.

⁷² ПФАРАН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32, л. 10 об.

⁷³ В письме А. Бальби, написанном в том же 1827 г., И. А. Гулянов признавал при «несогласии в некоторых частях...» открытия и таланты Шампольона» (копия этого письма была прислана мне французским собирателем материалов по египтологии Марком Лангом).

⁷⁴ Воспоминания о Шампольоне-младшем // Телескоп. М., 1832. Ч. 7. С. 604—616.

⁷⁵ Труды г. Гулянова // Телескоп. М., 1832. Ч. 9. С. 267—270.

⁷⁶ Г. С. [Г. И. Спасский]. О древней египетской гробнице // Азиатский вестник. СПб., 1827. Кн. 2. С. 117.

⁷⁷ РГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 6, 48—48 об. и др.

⁷⁸ Подробнее об отношении Т. Н. Грановского к деятельности И. А. Гулянова см.: Т. Н. Грановский и его переписка. Т. I. М., 1897. С. 73, 326—329; Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета. Воспоминания Я. М. Неверова. 1834—1856 // Русская старина. СПб., 1880. Ч. 27. С. 757; Анненков П. В. Николай Владимирович Станкевич и его переписка. М., 1857. С. 242—243 и др.

⁷⁹ РГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 23, 29; Русский архив. М., 1873. Кн. 4. С. 480.

⁸⁰ РГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 38—40, 66.

⁸¹ Отзыв Ж. Б. де Ксивре в переводе П. Коншина см.: Маяк. СПб., 1840. Ч. XI. С. 132—140.

⁸² Иван Александрович Гулянов. Некролог // Маяк. СПб., 1843. Ч. 9. С. 54.

⁸³ Савельев П. С. Иероглифы // Северное обозрение. СПб., 1849. № 5. С. 461—487.

⁸⁴ Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1. С. 217; Русский архив. М., 1882. Кн. 6. С. 154.

⁸⁵ Шмидт А. В. Развитие египтологии в России // Наука и ее работники. 1922. № 3—4. С. 15; Козьмина-Бороздина Т. Развитие египтологии в России // Новый Восток. М., 1923. Кн. 3. С. 344—347; Тураев Б. А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. Л., 1927. С. 3—4; Мачинский А. В. Переписка Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1934. № 4. С. 73; Лившиц И. Г. Дешифровка египетских иероглифов // Шампольон Ж. Ф. О египетском иероглифическом алфавите. [Л.], 1950. С. 229—230; Кацнельсон И. С. Материалы для истории египтологии в России // ОИРВ. 1956. Сб. 2. С. 222—224.

⁸⁶ Тураев Б. А. Русская наука о Древнем Востоке... С. 3—4. (Б. А. Тураев ошибочно называет Гулянова Павлом (!) Александровичем.)

⁸⁷ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 1, л. 132—133, 137; Романовский Д. И. Генерал-фельдмаршал кн. Александр Иванович Бяратинский и Кавказская война. 1815—1879 // Русский вестник. СПб., 1881. Т. 30. С. 266.

⁸⁸ ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 48, 49, каталог библиотеки И. А. Гулянова. См. также: *Brugsch H. Reise der k. preussischen gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861. Lpz., 1862. S. 36.*

⁸⁹ В личном фонде И. А. Гулянова сохранился альбом рисунков тушью и акварелью под названием «Индусская мифология в миниатюрах» — ОПИГИМ, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 53.

⁹⁰ ОПИГИМ, ф. 390 И. А. Гулянова.

Нико Чубинашвили (1788—1846) — ГРУЗИНОВЕД, ДРАГОМАН, СОБИРАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

В истории науки редко случается, чтобы труды, по каким-либо причинам не изданные при жизни автора, были опубликованы более чем через сто лет после его смерти. Это происходит только тогда, когда тематика исследований сохраняет свою значимость, а их методика не противоречит современным требованиям. Так произошло с работами Н. Чубинашвили. Его «Словарь грузинского языка с русским переводом» впервые дошел до читателей в 1961 г.; через 10 лет были опубликованы два тома «Русско-грузинского словаря»¹. В 1980 г. вышла из печати первая работа, специально посвященная автору этих словарей: А. М. Куликова. К биографии Н. Д. Чубинова (1788—1846)². Фактический материал, приведенный в этой публикации, использован и при составлении данного очерка. В целом собранные сведения о жизни и деятельности Н. Чубинашвили можно разделить на три вида: 1) его «формулярные списки» за разные годы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (Москва)³; 2) труды его и литература о памятниках Грузии, собранных им; 3) упоминания о нем в архивных и других материалах его племянника Д. И. Чубинова⁴.

Нико (Николай Давидович) Чубинашвили (Чубинов) родился в Тифлисе (Тбилиси) 15 апреля 1788 г.⁵ Он происходил из старинного грузинского рода, известного своими культурными традициями, интересом к науке, литературе и просвещению. Его отец священник Давид руководил частной школой и типографией. Его брат Иессей, тоже священник, считался одним из образованнейших грузин своего времени. В 1816—1817 гг. он составил и издал в Тифлисе «Грузинскую грамматику»⁶, которая долго служила пособием в местных учебных заведениях и признавалась одним из лучших учебников своего времени⁷.

Н. Чубинашвили также был верен просветительским традициям своей семьи. Образование он получил в Тифлисском благородном училище (1803 г.). Н. Чубинашвили попал в первый набор учащихся. 50 учеников — детей дворян содержались здесь за счет государственных средств. Занятия начались в мае 1804 г. Двухгодичный курс соответствовал гимназической программе: в ней бы-

ли русский, грузинский, немецкий, латинский языки, арифметика, геометрия, «священная и гражданская» история, география, рисование, «учение об обязанностях человека и гражданина» и другие дисциплины⁸. Выпускников Училища (позднее — гимназии) предполагалось использовать в качестве учителей и чиновников в Закавказье.

Н. Чубинашвили учился блестяще. Причиной его успехов были не только природные данные, но и основательная подготовка в частной школе отца, в которой он занимался до 14 лет. 26—28 июня 1806 г. состоялись публичные испытания первого выпуска Училища. Четыре лучших ученика, в числе которых был и Н. Чубинашвили, перевели на русский язык «Сокращенную историю Грузии» каталикоса Антония I⁹.

После окончания Училища 18-летний Н. Чубинашвили был оставлен в его штате и с 1 декабря 1807 г. начал преподавать «российский» язык ученикам второго класса. Из-за отсутствия необходимой учебной литературы ему приходилось переводить на грузинский или составлять самому пособия по русскому языку, истории, физике, географии, математике и другим предметам. Помимо преподавания, по заказам учреждений и частных лиц он переводил литературу самого разнообразного содержания¹⁰. Эта работа была прекрасной практикой совершенствования знания языков.

В этот же период у Н. Чубинашвили возник интерес к сбору материалов по Грузии, и он начал составлять свою коллекцию рукописей. С Училищем он решил расстаться. 3 августа 1814 г. он уволился со службы и почти год официально нигде не работал.

В мае 1815 г. он поступил в «Грузино-имеретинскую контору при Святейшем Синоде» (1814 г.). Почетным ее председателем считался экзарх грузинской церкви. Практическое руководство осуществлял прокурор. Учреждение входило в структуру управления краем. В его ведении был широкий круг вопросов законодательного порядка: разбирались споры, связанные с имущественным положением общин и церквей, с заключением и расторжением браков, с нарушениями общественных правил и т. д. По всем этим делам в конторе хранилось значительное количество документов, со временем ставших ценнейшими историческими источниками.

Н. Чубинашвили прослужил в «синодальной конторе» семь лет: с 6 мая 1815 г. по 19 июня 1822 г. — в должности секретаря; с 19 мая 1815 г. по 20 августа 1820 г. дополнительно занимал должность казначея; в 1817, 1819, 1820 и 1821 гг. во время отпусков и отъездов прокурора успешно исполнял его обязанности; с 21 июля 1822 г. по 26 января 1823 г. был переводчиком канцелярии — «с поручением должности правителя оной»¹¹.

В «синодальной конторе» Н. Чубинашвили постоянно работал с грузинскими документами: переводил их на русский язык, со-

поставлял между собой, давал толкование их содержания — то есть фактически изучал источники по истории Грузии. К этим материалам впоследствии не раз обращались грузиноведы. Так, например, академик-кавказовед Мари Фелисите Ксавие (Марий Иванович) Броссе (1802—1880) в период командировки в Грузию в 1847—1848 гг. подробно ознакомился с этим собранием и о найденных здесь материалах сообщил в своих «рапортах», посланных в Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге¹².

С 1 июня 1823 г. Н. Чубинашвили был назначен постоянным переводчиком при «военно-гражданском губернаторе» (1816—1827 гг.) Алексее Петровиче Ермолове (1777—1861), отдельные поручения которого он выполнял и ранее и который ввел его в состав комиссии (1822—1825 гг.) по пересмотру («приведению в порядок») «Уложения царя Вахтанга»¹³ и выработке на его основе современного законодательства Грузии. Одновременно комиссия сделала важный вклад в развитие грузиноведения: ее членами был подготовлен наиболее полный перевод статей кодекса на русский язык. Труд этот под заглавием «Законы царя Вахтанга» был издан в Санкт-Петербурге в 1828 г.

Активное участие Н. Чубинашвили в делах комиссии в качестве квалифицированного переводчика и специалиста в области разных сторон жизни Грузии (истории, законодательства, этнографии и т. д.) было причиной его вызова в столицу и зачисления с 8 августа 1825 г. в штат Азиатского департамента МИД. Его новые обязанности также были довольно разнообразными: он участвовал в завершении подготовки и редактировании текста «Законов царя Вахтанга», занимался переводами с грузинского на русский и с русского на грузинский деловых бумаг и литературы, составлял донесения и другие документы, вел переписку, давал консультации по широкому кругу вопросов. 19 октября 1835 г. он получил повышение по службе и стал «вторым драгоманом» Азиатского департамента МИД.

В Санкт-Петербурге Н. Чубинашвили помимо официальной службы много времени посвящал научным занятиям. Он продолжал пополнять свою коллекцию книг и рукописей по Грузии, состав которой соотносился с темами его исследований. В этот период у него преобладал интерес к изучению лексикографии грузинского языка. Именно в Санкт-Петербурге были подготовлены его основные работы: грузинско-русский и русско-грузинский словари.

В основу первого из них был положен рукописный «Толковый словарь грузинского языка» Сулхана Саба Орбелиани (1658—1725)¹⁴. Н. Чубинашвили переписал грузинские слова, приведенные в этом словаре, расширил их состав и сделал перевод всех слов на русский язык. В архивах сохранились два списка работы Н. Чубинашвили. Наиболее полный экземпляр хранится в Институте рукописей Академии наук Грузии (Тбилиси); он поступил из

собрания его племянника Д. И. Чубинова¹⁵. Второй экземпляр, представляющий собой сокращенную авторскую копию, находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)¹⁶. Грузиновед Александр Андреевич Глonti (1912—?) исследовал оба списка словаря, подготовил окончательный текст, отредактировал его, написал предисловие и таким образом сделал возможным издание работы: Н. Чубинашвили. Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961.

Второй словарь сохранился в двух списках. Оба они находятся в Институте рукописей в Тбилиси¹⁷. А. А. Глonti исследовал их и подготовил к печати работу: Н. Чубинашвили. Русско-грузинский словарь. (Т. 1 — 1971. Т. 2 — 1973. Тбилиси), — сообщив во вступительной статье о предыстории ее создания¹⁸.

В комплексе оба словаря составляют письменный памятник, отражающий определенный этап развития грузинского языка, и в этом аспекте они всегда будут сохранять свое значение. Вместе с тем эти словари до сего времени служат специалистам по своему основному назначению.

Санкт-петербургский период жизни Н. Чубинашвили отмечен еще одним важным событием: благодаря его усилиям и поддержке наука получила нового грузиноведа. Речь идет о той огромной роли, которую он сыграл в судьбе своего племянника Д. И. Чубинова.

Давид (Иессеевич) Чубинов (Чубинашвили) (1813 или 1814—1891) рано остался без родителей, которых ему и сестре заменил дядя Нико. Уезжая в 1825 г. в Санкт-Петербург, он взял детей с собой и вскоре определил их в учебные заведения. С января 1826 г. Давид учился в «Анненской школе», из нее перешел в гимназию, а затем, после предварительной домашней подготовки, в 1835 г. поступил в Санкт-Петербургский императорский университет на отделение (разряд) восточной словесности.

Помимо материальной и моральной поддержки, Н. Чубинашвили предоставил в распоряжение племянника свое богатое собрание грузинских рукописей, библиотеку, материалы по подготовке научных трудов и, что особенно важно, свои завершенные работы. Только это позволило молодому студенту, еще не окончившему университетский курс, представить для печати Грузинско-русско-латинский словарь¹⁹.

После окончания Разряда восточной словесности (в 1839 г.) Д. И. Чубинов был зачислен переводчиком грузинского языка в штат Азиатского департамента МИД²⁰. В июле 1844 г. он в дополнение к этой должности был приглашен для преподавания грузинского языка в Санкт-Петербургский императорский университет²¹. Здесь он прошел все ступени служебной лестницы: адъюнкта, экстраординарного профессора (с 1 августа 1855 г.), ординарного профессора (с 20 марта 1861 г.), заслуженного профессора (с 17

августа 1870 г.)²². В течение четверти века Д. И. Чубинов был единственным университетским грузиноведом и вел в разные годы курсы по языку и наречиям, истории и литературе Грузии²³, сочетая их чтение с «учеными трудами». В 1846 г. он издал Русско-грузинский словарь и Грузинскую хрестоматию²⁴, а в последующие годы — ряд пособий по грузинскому языку. Создавая эти работы, он по-прежнему пользовался источниками, трудами и «основательными замечаниями» своего дяди Н. Чубинашвили, за что приносил ему «должную дань признательности»²⁵.

Окончательная передача архива от дяди к племяннику произошла, вероятно, в 1837 г., поскольку в этом году Н. Чубинашвили покинул столицу. Отъезд его был связан не с желанием вернуться на родину, а с «высочайшей волей». В 1837 г. во время путешествия Николая I по Закавказью ему вручили ряд прошений и записок по «устройству края». Для рассмотрения этих предложений в Тифлис была направлена комиссия под председательством сенатора П. В. Гана (1793—1856), в составе которой были и два чиновника Азиатского департамента МИД: Константин Михайлович Базили (1809—1884) и Н. Чубинашвили. В течение двух лет члены комиссии занимались исследованием проблем экономики, народонаселения, науки и культуры региона и в результате подготовили «Положения об управлении Закавказским краем» (1838 г.). Они же содействовали Императорской академии наук в приобретении восточных рукописей для Азиатского музея²⁶.

После ликвидации комиссии и увольнения из МИД Н. Чубинашвили остался в Тифлисе. Его разнообразные научные интересы сконцентрировались теперь в одном направлении: уберечь от гибели, сохранить для науки как можно больше грузинских источников — рукописных, археологических, архитектурных, эпиграфических, фольклорных. В 1842 г. он первым из грузиноведов совершил путешествие в Самцхе (Ахалцихский уезд), Имеретию и Мингрелию. Здесь он собирал фольклорные материалы и описывал памятники зодчества. Впечатления от этой поездки отразились в своеобразном отчете под названием: «Перечень епископов, правивших в старину епархиями в Саатабаго, и краткое описание церковных древностей этой области, равно Имеретии и Мингрелии»²⁷. Собранными им сведениями пользовались ученые, которые более углубленно исследовали эти области²⁸.

Вернувшись в 1843 г. на короткое время в Санкт-Петербург, Н. Чубинашвили хлопотал о продолжении своих экспедиций. В частности, он направил в Императорскую академию наук «Записку о древних грузинских рукописях, хранящихся на Афонской горе и о представившемся ближайшем случае сделать потребные с них списки»²⁹. Речь в ней шла о выделении средств на изучение собрания Иверского монастыря и о передаче впоследствии копий

афонских рукописей в распоряжение Академии. Сообщений об осуществлении этого проекта не обнаружено.

Другая идея Н. Чубинашвили — об исследовании грузинских памятников в Палестине осуществилась в 1845 г., когда ему была предоставлена командировка в этот регион. 11 февраля 1845 г. он вместе со своим спутником Ревазом Гоголашвили покинул столицу и отправился по следующему маршруту: Кутаиси—Редут-Кале—Батум—Трапезунд—Константинополь—Яффа—остров Родос—Бейрут—Иерусалим. Летом 1845 г. они вернулись в Россию.

Результаты этой командировки отразились в составленном Н. Чубинашвили «Описании Крестного монастыря, близ Иерусалима, и некоторых грузинских рукописей, хранящихся в нем»³⁰. Автор описал рукописные и археографические материалы, а также настенную монастырскую живопись. В библиотеке церкви святого Креста он обнаружил «редкостные манускрипты» на грузинском, армянском, греческом и латинском языках, «переписал некоторые места из более замечательных книг», его «попечениями» были скопированы фрески «в таком точно виде, как они представлены на стенах, у каждого изображения есть надпись на грузинском языке церковным и гражданским шрифтом с означением лиц изображающих» — лиц «светских и духовных»³¹.

В последней четверти XIX в. Крестный монастырь посетил кавказовед Александр Антонович Цагарели (1844—1929), посвятивший изучению его древностей ряд исследований³² и одним из последних видевший на его стенах живопись. В 1901 г. новые владельцы монастыря — греки закрасили фрески. С этого момента копии с них, сделанные по инициативе Н. Чубинашвили, стали единственными источниками, сохранившими облик ряда известных исторических деятелей Грузии. Долгое время эти материалы были забыты, и только через 70 лет грузинские историки Борис Ильич Канделаки (?—?) и Саргис Нестерович Какабадзе (1886—1967) заново ввели их в научный оборот, в 1958 г. подготовив их издание³³. Эта публикация усилила интерес к данной теме, и в 1960 г. состоялась экспедиция грузиноведов в Иерусалим. В храме святого Креста под слоем штукатурки они обнаружили фреску с портретом грузинского поэта XII в. Шота Руставели, с которого была сделана цветная фотография³⁴. Сохранность остальных фресок из-за кратковременности командировки выяснить не удалось, и их копии по-прежнему остаются уникальными памятниками истории и живописи Грузии.

Эти свидетельства прошлого, привезенные Н. Чубинашвили из Иерусалима в 1845 г., стали его последней данью науке. 6 марта 1846 г. он скончался в Санкт-Петербурге и был похоронен на Смоленском кладбище³⁵.

Приведенные данные о Н. Чубинашвили позволяют выделить в его жизни три периода. В Тифлисе (до 1825 г.) он занимался преподаванием и составлением учебной литературы, а также положил начало своей коллекции восточных рукописей. В Санкт-Петербурге (1825—1837 гг.) он, служа переводчиком в Азиатском департаменте МИД, одновременно серьезно занимался изучением грузинского языка. Достигнув на этом пути значительных результатов, он в 1837 г. передал эстафету Д. И. Чубинову, признав в нем своего достойного преемника. Последний этап (1837—1845 гг.) жизни ученого связан со сбором и исследованием памятников Закавказья.

Многранная деятельность Н. Чубинашвили оставила заметный след в истории национальной культуры Грузии. Вместе с тем ему по праву принадлежит достойное место в общероссийском грузиноведении первой половины XIX в.

Примечания

¹ Подробнее об этих словарях сказано далее.

² Куликова А. М. К биографии Н. Д. Чубинова (1788—1846) // Кавказ и Византия: Сб. Ереван, 1980. Вып. 2. С. 228—242.

³ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 3614, 32 л., 1824—1846 гг.

⁴ Публикацию материалов о Д. И. Чубинове и его семье см.: Сведения о памятниках грузинской письменности. СПб., 1894. Т. 1. Вып. 3.

⁵ В послужном списке сказано, что в 1824 г. «он имел 35 лет от роду». — АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 3614, л. 1.

⁶ Грузинская грамматика. Тифлис, 1816—1817. [Без указания автора; на грузинском языке].

⁷ РОИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 3059, л. 1, печатный оттиск с правкой (очерк В. С. Балашева о Д. И. Чубинове).

⁸ Куликова А. М. К биографии Н. Д. Чубинова... С. 230.

⁹ Теймураз Георгиевич Багратиони (1782—1846) — грузинский царевич, историк, с 1744 г. — под именем Антония I каталикос Грузии. Перевод Н. Чубинашвили под заглавием «Сокращенная жизнь Грузии» хранится в РОСПБ-ФИВРАН, шифр Е 61 (Е 60); см.: Орбели Р. Р. Грузинские рукописи Института востоковедения. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 27. № 12.

¹⁰ Список переводов и других работ Н. Чубинашвили за 1805—1818 гг. см.: Сведения о памятниках грузинской письменности. Т. 1. Вып. 3. С. 12—14.

¹¹ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 3614, л. 2—3.

¹² См.: Rapports sur un voyage archéologique dans Géorgie et dans l'Arménie exécuté en 1847—1848 par M. Brosset. Т. 1—2. St.-Pb., 1849—1850.

¹³ В основе законодательства Грузии до ее вхождения в состав Российской империи лежал кодекс, составленный царем Вахтангом VI (1675—1737).

¹⁴ Одно из изданий см.: Орбелиани С. С. Словарь грузинского языка. Тифлис, 1884. Последнее издание вышло в свет в Тбилиси в 1966 г.

¹⁵ ИРАН Грузии, шифр — S 3709.

¹⁶ РНБ(СПб) ОР, ф. Грузинские рукописи (собрание царевича Иоанна), ед. хр. 271, 181 л. Предисловие и часть текста словаря попали в РОСПБ-ФИВРАН, шифр 45 (Н 55) — см.: Орбели Р. Р. Грузинские рукописи... С. 144—145. № 137.

- ¹⁷ ИРАН Грузии, шифры: Н 1739 А и Б, 1825 г.; S 3712 и S 3713, 1832 г.
- ¹⁸ Об этой работе см.: *Глonti А. А.* К вопросу о редакции русско-грузинских рукописных словарей // Труды Цхинвальского государственного педагогического института. 1956. Т. 3. С. 279—314; *Келенджеридзе М.* Русско-грузинские словари XVIII—XIX в. Тбилиси, 1961.
- ¹⁹ При издании (по совету и с помощью М. Ф. К. Броссе) латинский текст был заменен на французский — см.: *Чубинов Д. И.* Грузинско-русско-французский словарь. СПб., 1840.
- ²⁰ Куликова. [Законодательные акты]. С. 322. № 29.
- ²¹ Там же. С. 236. № 354; С. 243. № 410; С. 323. № 32.
- ²² Там же. С. 243. № 417; С. 244. № 420; С. 245—246. № 437; С. 252. № 503.
- ²³ *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 123—124, 131.
- ²⁴ *Чубинов Д. И.* Русско-грузинский словарь. Ч. 1. СПб., 1846; *Он же.* Грузинская хрестоматия. Ч. 1—2. СПб., 1846.
- ²⁵ *Куликова А. М.* К биографии Н. Д. Чубинова... С. 236—237.
- ²⁶ Там же. С. 238.
- ²⁷ См.: Сведения о памятниках грузинской письменности. Т. 1. Вып. 3. С. 33—43.
- ²⁸ См. *Кондаков Н., Бакрадзе Д.* Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890. С. 1—54; *Толмачевская Н. И.* Фрески древней Грузии. Тифлис, 1931. С. 30—31; *Амиранашвили Ш.* История грузинского искусства. М., 1963. С. 171—172, 207 и др.
- ²⁹ Сведения о памятниках грузинской письменности. Т. 1. Вып. 3. С. LXVI.
- ³⁰ Там же. С. 44—52.
- ³¹ РОСПБФИВРАН, шифр Е 289, л. 1—2, без указания автора, черновая рукопись, л. 1—2.
- ³² *Цагарели А. А.* Памятники грузинской старины в св. земле и на Синае // Палестинский сборник. СПб., 1888. Т. 4. Вып. 1; *Он же.* Каталог грузинских рукописей монастыря св. Креста, близ Иерусалима. С. 1—50; *Он же.* Палестинские надписи. С. 99—110 // Сведения о памятниках грузинской письменности. СПб., 1889. Т. 1. Вып. 2. С. 1—50 и 99—110.
- ³³ См. *Канделаки Б., Какабадзе С.* Вновь обнаруженные портреты Ш. Руставели, Петра Ивера и других исторических деятелей // Сабчота хеловнеба. 1958. № 8. С. 9—18. Копии портретов на стенах монастыря хранятся в ИРАН Грузии, шифр S 4779.
- ³⁴ Фотография портрета Ш. Руставели опубликована, см.: Миниатюры XVI—XVII веков к поэме «Витязь в тигровой шкуре» / Сост. Г. Горделадзе. Тбилиси, 1966.
- ³⁵ АВПРИ, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 3614, л. 32. В литературе встречаются неверные даты его смерти: 1845 г., 1847 г.

Ф. Б. ШАРМУА (1793—1868) — ОСНОВОПОЛОЖНИК УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИРАНИСТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Востоковед Ф. Б. Шармуа родился и умер во Франции. Однако 18 наиболее плодотворных в научном отношении лет он провел в Санкт-Петербурге.

Его значительному вкладу в развитие востоковедения уделяли внимание многие авторы работ общего характера. Данный очерк, специально посвященный этому ученому, основан на нескольких видах материалов: 1) архивные источники (сюда входят копии документов, присланные мне из Франции господином Марком Лангом); 2) четыре публикации в периодике первой половины XIX в., которые также можно считать источниками по рассматриваемой теме¹; 3) труды Ф. Б. Шармуа — опубликованные и рукописные, а также упоминания о них в архивах и литературе; 4) мои более ранние работы, содержащие сведения о Ф. Б. Шармуа — подвергнутые мною же сравнительному анализу и заново выверенные².

Франсуа Бернар (Франц Францевич) Шармуа родился в Сульце (область Эльзас) 14/25 мая 1793 г. В 1810 г. поступил в парижское Училище (Школу) живых восточных языков, где изучал — арабский, персидский, древнееврейский, армянский.

В конце 1817 г. в возрасте 24 лет он переехал в Санкт-Петербург. Инициатором этого события был Антоний Исаак Сильвестр де Саси (1758—1838) — действительный член (1792 г.) и неприменный секретарь (с 1832 г.) Академии надписей и словесности, профессор и директор (с 1795 г.) названного выше Училища, ректор Парижского университета (с 1814 г.), хранитель восточных рукописей Королевской библиотеки, редактор ведущих французских журналов³. Этот «первый ориенталист в Европе» Россию никогда не посещал, но связи его с ней носили разносторонний характер. Российские ученые знали его труды, вели с ним переписку (К. М. Френ, И. Ю. Сенковский), во время поездок в Париж встречались с ним, слушали его лекции (например, Алексей Васильевич Болдырев (1780—1846) в 1806—1811 гг.), пользовались его содействием в приобретении рукописей и литературы по Востоку и его советами по развитию «востоковедной части» в России. Эти контакты объясняют тот факт, что в 1817 г., когда встал во-

прос о замещении двух восточных кафедр в Санкт-Петербургском Главном педагогическом институте (1816 г.), попечитель (1811—1821 гг.) здешнего учебного округа Сергей Семенович Уваров (1786—1855) обратился за помощью именно к А. И. С. де Саси. Последний «одобрил для занятия сих кафедр» двух своих учеников: Ф. Б. Шармуа и Ж. Ф. Деманжа⁴.

Ф. Б. Шармуа получил в Санкт-Петербурге персидскую кафедру⁵, профессорскую должность, оклад в 2500 рублей в год, по совместительству зачисление в штат МИД с дополнительным окладом в 3000 рублей в год и льготы «со стороны получения пенсий»⁶. Эти условия для молодого ученого были весьма заманчивы. Отблагодарили за помощь и А. И. С. де Саси. 11 февраля 1818 г. Императорская академия наук избрала его своим почетным членом, а 8 февраля 1819 г. Александр I подписал указ о награждении его «по изъявленному им неоднократно усердию к пользе российской учебной части, по отличным и редким его сведениям в восточных языках» орденом Св. Анны второй степени; «капитула, знаки сего ордена и грамота на оный» были отправлены в Париж дипломатической почтой⁷.

В Главном педагогическом институте, в 1819 г. преобразованном в Университет, Ф. Б. Шармуа читал персидскую словесность — с 22 марта 1818 г. по октябрь 1821 г. В официальных документах не раз отмечались его преподавательские способности и успехи студентов⁸. Курс был прерван неожиданно и в связи с особым обстоятельством. В 1821 г. исправляющий должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Дмитрий Павлович Рунич (1780—1860) затеял печально известную ревизию столичного университета и потребовал публичного «разбирательства неблагонадежных профессоров». Ф. Б. Шармуа отказался участвовать в этом, с ноября 1821 г. прекратил лекции и подал прошение об отставке⁹. И хотя дело, затеянное Д. П. Руничем, правительство замяло, Ф. Б. Шармуа решения своего не изменил и с 25 июля 1822 г. был уволен из университетского штата¹⁰. Правда, через 10 лет после этой истории, 13 апреля 1831 г., Ф. Б. Шармуа вернулся на свою прежнюю кафедру и оставался на ней в должности ординарного профессора персидской словесности до июля 1835 г.¹¹ В общей сложности Ф. Б. Шармуа прослужил в Санкт-Петербургском императорском университете восемь лет и оставил здесь много учеников, подготовленные им учебные пособия и «превосходную память» о себе как о педагоге-методисте.

Помимо Университета, деятельность Ф. Б. Шармуа в Санкт-Петербурге была связана по крайней мере еще с тремя учреждениями: Императорской публичной библиотекой, Азиатским департаментом МИД и Императорской академией наук.

В Императорской публичной библиотеке он работал и как читатель, и как временный ее сотрудник. Так, например, в декабре

1828 г. по высочайшему указу он в составе группы востоковедов был «определен» в Библиотеку — для «рассмотрения и описания хранящихся в оной восточных книг и рукописей» и, в частности, для «разбора» так называемой «ардебильской коллекции»¹².

При Азиатском департаменте МИД 15 июня 1823 г. было открыто Учебное отделение восточных языков, в котором Ф. Б. Шармуа более 10 лет (с учреждения Отделения и до 31 июля 1835 г.) вел занятия по персидскому и турецкому языкам¹³.

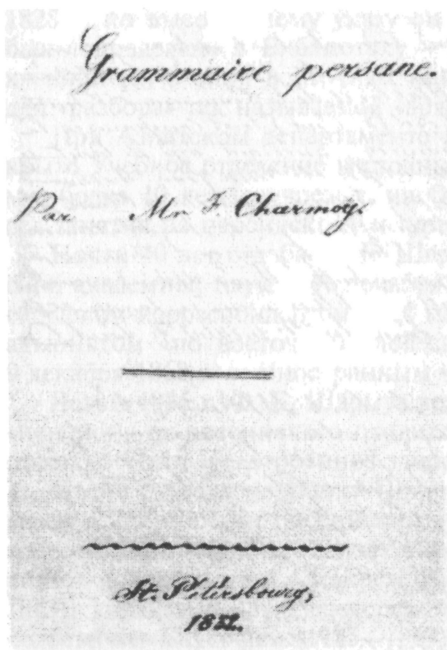
Почти 40 лет судьба Ф. Б. Шармуа была связана с Императорской академией наук: с 16 декабря 1829 г. по 16 мая 1832 г. он был ее членом-корреспондентом; с 16 мая 1832 г. по 1 сентября 1835 г. — адъюнктом «по восточной словесности»; с 1 сентября 1835 г. по 9 декабря 1868 г. — иностранным членом-корреспондентом¹⁴.

Летом 1835 г. Ф. Б. Шармуа возвратился во Францию, получив «пенсион» от российского правительства; официальной причиной отставки было «расстроенное здоровье»¹⁵.

После отъезда из Санкт-Петербурга Ф. Б. Шармуа переписывался с некоторыми российскими корреспондентами; так, известно о его эпистолярных связях с академиком К. М. Френем, историком и археологом Алексеем Николаевичем Олениным (1763—1843), директором Императорской академии наук Дмитрием Николаевичем Блудовым (1785—1864)¹⁶. В 1843 г. в российской прессе появилось сообщение о кончине Ф. Б. Шармуа¹⁷. Выпускник (1834 г.) Санкт-Петербургского императорского университета и впоследствии специалист по археологии и нумизматике Востока Павел Степанович Савельев (1814—1859) написал статью — памяти своего учителя¹⁸. Однако известие о смерти Ф. Б. Шармуа оказалось ложным. Любопытно, что он читал публикацию П. С. Савельева и был согласен с текстом собственного «некролога». После этого печально-курьезного случая Ф. Б. Шармуа прожил еще ровно четверть века и скончался 9 декабря 1868 г. (Точность этой даты подтверждается свидетельством о смерти Ф. Б. Шармуа, копия которого была прислана мне упоминавшимся выше М. Лангом.)

Чтобы завершить портрет ученого, следует привести те его научные труды, изданные или рукописные, сведения о которых удалось отыскать в библиотеках и архивах. Работ этих немного, и их можно разделить по трем темам: несколько учебных пособий, два обзора по истории науки и около десятка переводов восточных источников исторического содержания.

Составление Ф. Б. Шармуа грамматик по персидскому и турецкому языкам объяснялось отсутствием достаточного количества учебной литературы и тем, что ему в процессе преподавания хотелось использовать собственную методику. Из годовых отчетов университетских профессоров известно, что в 1832 г. он подготовил «Краткую грамматику персидского языка», «Пространную грамматику персидского языка» и «Дополнения к турецкой граммати-

Титульный лист «Персидской грамматики» Ф. Б. Шармуа, переписанной П. С. Савельевым

имеет название «Краткая грамматика персидского языка», а в другом месте — «Основания персидской грамматики»²². П. С. Савельев не только уберег от небытия этот труд Ф. Б. Шармуа, но и оставил о нем отзыв: «Персидская грамматика (Ф. Б. Шармуа. — А. К.), по своей краткости и ясной системе, в особенности по хорошо изложенному синтаксису персидского языка, принадлежит к числу лучших учебников по своей части»²³.

К публикациям Ф. Б. Шармуа по истории востоковедения можно отнести издание его научного доклада («речи») на тему «О пользе восточных языков для изучения истории России»²⁴ и «Критический обзор трудов российских востоковедов за 1830—1835 гг.»²⁵.

«Речь» была произнесена

31 августа 1833 г. на «ежегодном торжественном акте», посвященном основанию Санкт-Петербургского императорского университета. (С 1832 г. начало учебного года было перенесено с февраля на август — вместе с датой празднования учреждения Университета.) В докладе впервые в литературе давалась оценка научно-организационного уровня столичного востоковедения; были обозначены ведущие востоковедные учреждения столицы (Университет, академический Азиатский музей, Императорская публичная библиотека, Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД); выражено одобрение проекта С. С. Уварова о создании общероссийской Азиатской академии²⁶.

Что касается обзора работ российских востоковедов, то он был составлен Ф. Б. Шармуа сразу после его возвращения во Францию в 1835 г. — с целью ознакомления с этой темой европейских ученых. В обзоре содержалась оценка деятельности ряда ученых: академика, востоковеда широкого профиля, нумизмата Крестьяна Мартина (Христиана Даниловича) Френа (1782—1851); арабиста и тюрколога Иосифа Юлиана (Осипа Ивановича) Сенковского (1800—1858); академика, монголоведа и тибетолога Исаака Якова (Якова Ивановича) Шмидта (1779—1847); академика, кавказоведа Мари

Фелисите Ксавие (Мария Ивановича) Броссе (1802—1880); академик, специалиста по многим восточным языкам Иоганеса Альбрехта Бернгарда (Бориса Андреевича) Дорна (1805—1881) и других. На основе этих данных делался вывод о достаточно налаженном в России процессе изучения языков и литератур Востока.

Перечисленные работы Ф. Б. Шармуа носили прикладной характер. Его основные научные интересы лежали в области исследования источников на персидском, турецком и арабском языках.

Первый из дошедших до нас переводов Ф. Б. Шармуа датируется 1829 г., и его появление связано с оказанием помощи одному из коллег. Речь идет об австрийском тюркологе Йозефе Хаммере (Гаммере)-Пургштале (1774—1856), который в числе других вопросов интересовался тюрко-славянскими связями. В рамках этой темы в 1828 г. он издал в Санкт-Петербурге свою работу «Lettre de Tutundju-Oglou Moustafa»²⁷. В этом деле ему несомненно помогал Ф. Б. Шармуа. В 1829 г. последний специально для австрийского коллеги перевел «отрывок из оттоманских летописей Наимы-Эфендия, заключающий в себе описание набега крымских татар на Польшу в 1653 г.»²⁸. Этот перевод Й. Хаммер частично опубликовал в своей многотомной «Истории Османской империи»²⁹.

Поводом для обращения Ф. Б. Шармуа к переводу текста поэмы персидского автора Низами (ок. 1141—ок. 1209) «Искандернаме» (ок. 1203 г.) было желание закончить работу внезапно умершего молодого ираниста Луиса Шпицнагеля, успевшего перевести часть этого сочинения — «рассказ» о походе Александра Македонского против славян. Ф. Б. Шармуа завершил дело своего ученика, проделав значительный объем работы: уточнил персидский текст, сравнив десять списков поэмы, выявил разночтения, отредактировал перевод, составил биографию Низами. Он также предпослал вышедшей в 1829 г. в свет книге небольшое предисловие о Л. Шпицнагеле и его вкладе в изучение этой темы³⁰. В последующие годы Ф. Б. Шармуа продолжал заниматься переводом названной поэмы: известно, что в 1845 г. им была подготовлена в рукописи «вторая часть Александрейды»³¹.

В архиве сохранилось свидетельство, что в 1829 г. Ф. Б. Шармуа перевел с персидского языка «книгу о древних военных действиях между россиянами и персиянами» — за что 5 декабря 1829 г. был «высочайше» награжден бриллиантовым перстнем³².

В начале 1830-х гг. внимание Ф. Б. Шармуа и одновременно академика И. А. Б. Дорна привлекло персоязычное «сочинение Зегир-Эддина, содержащее Историю Табаристана и Мазандерана (древней Гиркании) до 1476 г.» Первый переводил его на французский язык, второй — на немецкий. Ф. Б. Шармуа занимался этой темой более 10 лет, подготовил половину текста и прервал работу в 1845 г. в связи с завершением немецкого перевода И. А. Б. Дорном³³.

В первой половине 1830-х гг. в «Записках Императорской академии наук» вышли два труда Ф. Б. Шармуа, основанные на сборе сведений в восточных источниках по заранее очерченным темам: в 1833 г. — «Извлечения из сочинений мусульманских авторов, в частности, Масоуди, о древних славянах»³⁴; в 1835 г. — выдержки из арабских, персидских и турецких рукописей о походе Тамерлана против Тохтамышша в 1391 г. — в переводе на французский язык, с предисловием и комментарием³⁵.

В приведенном выше научном докладе на общем университетском собрании 31 августа 1833 г., помимо отмеченных сведений по истории науки, приводились данные «мусульманских источников» о происхождении древних славян, об их войнах с хазарами и булгарами, об упоминаниях славян с начала IX в. в исторических и географических сочинениях арабов, о сношениях Руси с монголами, крымскими ханами, оттоманскими правителями³⁶.

В литературе есть упоминание о работе Ф. Б. Шармуа над переводом «исторического сочинения Зефер-наме»³⁷, но более об этом ничего неизвестно.

В заключение остановимся на истории создания наиболее обширного и ценного из трудов Ф. Б. Шармуа. Речь идет о переводе с персидского языка на французский сочинения автора XVI в. Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме». Рукопись этого сочинения, содержащего историю курдов, Ф. Б. Шармуа обнаружил в собрании Азиатского музея Императорской академии наук в Санкт-Петербурге в начале 1830-х гг.³⁸ и с тех пор в течение четверти века занимался этой темой. Только в 1864 г. он признал свою работу завершённой: к этому времени был готов перевод «Истории курдов» — с комментарием, содержащим сведения о расселении курдов, их истории и этнографии. В том же году Ф. Б. Шармуа, находясь во Франции, обратился в Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге, иностранным членом-корреспондентом которой он являлся, с предложением об издании своего труда за академический счет. Вскоре бесценная для автора рукопись была переправлена в Россию по дипломатической почте³⁹. Первая часть I тома перевода Ф. Б. Шармуа была издана в Санкт-Петербурге в 1868 г.⁴⁰ 28 июня этого года последовало «высочайшее соизволение» на «принятие в дар» и на «помещение в библиотеку Его императорского величества» этой публикации. В указе отмечалось, что труд Ф. Б. Шармуа «важен в отношении к разъяснению истории курдов, племени еще весьма мало известного ориенталистам и свидетельствует о начитанности и ученых познаниях автора»⁴¹. Через несколько месяцев Ф. Б. Шармуа скончался. К чести академического начальства дело по изданию остальных частей перевода было доведено до конца. В октябре 1869 г. Императорская академия наук обратилась к профессору-востоковеду Казанского императорского университета Иосифу Федоровичу Готвальду (1813—

1897) с предложением об окончательной подготовке к печати еще трех книг перевода Ф. Б. Шармуа⁴².

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что Санкт-петербургский период жизни Ф. Б. Шармуа (1817—1835 гг.) был временем его творческого расцвета. Приехав в Санкт-Петербург в начале своей карьеры, он сложился здесь прежде всего как талантливый педагог-методист, а также как переводчик и исследователь восточных рукописей, накопленных в столичных хранилищах. Здесь же было опубликовано большинство его работ, почти каждая из которых так или иначе соприкасалась с российской историей. До конца своих дней Ф. Б. Шармуа сохранил привязанность к России, которую он считал второй родиной⁴³ и в истории науки которой он оставил столь заметный след.

Примечания

¹ Савельев П. С. О жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа. СПб., 1845. 1-е изд. этой работы см.: СПб. 1843. № 47. С. 220—222. (Рецензии на эту работу см.: Современник. 1843. Т. 30. С. 173—177; Маяк. 1843. Т. 9. С. 103—104); Институт восточных языков в С.-Петербурге // Молва. М., 1835. № 10. С. 155; Императорская академия наук в С.-Петербурге // Библиотека для чтения. СПб., 1836. Т. 18. Отд. 7. С. 47; Ученые труды Ф. Ф. Шармуа // ЖМНП. 1846. Ч. 49. Отд. 7. С. 45—46.

² Работы А. М. Куликовой со сведениями о Ф. Б. Шармуа: 1) Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 28—30, 36, 38—43, 58, 61—64, 68—75; 2) Документы ленинградских архивов о французском востоковеде Сильвестре де Саси // ППиПИКНВ. XVI годичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). М., 1982. Ч. I. С. 32—35; О научном наследии Ф. Ф. Шармуа // ППиПИКНВ. XVIII годичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). 1983—1984. М., 1985. Ч. I. С. 42—48; 4. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.). СПб., 1994. С. 27—28, 37, 46, 53, 103, 111, 113, 115, 125, 182, 240—241, 321, 326—327, 375, 433.

³ Савельев П. С. О жизни... С. 2, 12, 14, 39, 44.

⁴ Жан Франсуа (Иван Францевич) Деманж (1789—1839) занимал арабскую кафедру, а с 1823 г. вел курс арабского языка в УОВЯДМИД.

⁵ В официальном письме попечителя С. С. Уварова есть свидетельство, что с приездом в Россию Ф. Б. Шармуа «предпринял обучать... персидскому и турецкому языкам». Сообщение о наличии в это время курса турецкого языка другими источниками не подтверждается. — Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 30.

⁶ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 107, л. 40; Там же, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 1117, л. 14 об.; Куликова. [Законодательные акты]. С. 240. № 385; С. 321. № 11.

⁷ РГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 218, л. 4—5, копия императорского указа; Куликова А. М. Документы ленинградских архивов о французском востоковеде Сильвестре де Саси... С. 32—33.

⁸ Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. С. 29—30, 36, 38—39.

- ⁹ Там же. С. 40—45.
- ¹⁰ Куликова. [Законодательные акты]. С. 240—241. № 389.
- ¹¹ Там же. С. 241. № 395, 397.
- ¹² Там же. С. 182. № 492.
- ¹³ Там же. С. 325—326. № 64; С. 327. № 73; Институт восточных языков в С.-Петербурге... С. 155.
- ¹⁴ Куликова. [Законодательные акты]. С. 103. № 26, 31; С. 111. № 101, 102.
- ¹⁵ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 124, л. 1.
- ¹⁶ В РНБ(СПб) ОР хранятся пять писем Ф. Б. Шармуа А. Н. Оленину и одно — Д. Н. Блудову — см. ф. 542, оп. 116, ед. хр. 333, л. 1—10 и ф. 124, оп. 1, ед. хр. 4811, л. 1—2.
- ¹⁷ Фус П. Н. Извлечение из отчета по I и III отделениям Академии наук // ЖМНП. 1843. Ч. 37. Отд. 3. С. 41.
- ¹⁸ См.: СПВ. 1843. № 4. С. 220—222.
- ¹⁹ Пьер Амедей Жобер (1779—1847) — французский тюрколог, автор «Грамматики турецко-татарских языков», которая использовалась в качестве учебного пособия в Казанском императорском университете (см. Куликова. [Законодательные акты]. С. 227. № 267).
- ²⁰ Известие о разных трудах профессоров и прочих преподавателей ведомства Министерства народного просвещения, почерпнутое из отчетов за 1833 год // ЖМНП. 1834. Ч. 3. Отд. 3. С. 438.
- ²¹ АВ, р. 1, оп. 6, ед. хр. 17.
- ²² Конспект «Персидской грамматики» Ф. Б. Шармуа сохранился в фонде другого его ученика, впоследствии известного историка Востока Василия Васильевича Григорьева (1816—1881) — см. РГИА, ф. 853, оп. 1, ед. хр. 215.
- ²³ Савельев П. С. О жизни... С. 10, 14.
- ²⁴ Charmoy F. B. Sur l'utilité des langues Orientales pour l'étude de l'histoire de Russie. St.-Pb., 1834.
- ²⁵ Charmoy F. B. Analyse critique des principaux ouvrages orientaux publiés en Russie depuis l'année 1830 jusqu'en 1835 inclusivement // Journal Asiatique. Paris, 1837. T. IV. N 21—22. P. 253—290.
- ²⁶ Ouvaroff S. Projet d'une Académie asiatique. St.-Pb., 1810.
- ²⁷ Тютюнджу-оглу-Мустафа-(Ага) — турецкий философ XIX в.
- ²⁸ Шармуа Ф. Набег крымских татар на Польшу в 1653 по р. х. или в 1063 году Эгиры // ЖМНП. 1834. Ч. 4. Отд. 2. С. 1—23. Наим Эффенди — турецкий историк XVII в.
- ²⁹ Geschichte des Osmanischen Reiches, durch Joseph von Hammer. Bd. V. Wien, 1829.
- ³⁰ Expédition d'Alexandre le Grand contre les russes: extrait de l'Alexandride ou Iskender-Namé de Nizâmi, traduit, en grande partie, d'après l'édition de Calcutta, par Louis Spitznagel. T. 1. St.-Pb., 1829. Несмотря на проделанную работу Ф. Б. Шармуа не поставил своего имени в заглавии — ср.: История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 400, примеч. 104.
- ³¹ Ученые труды Ф. Ф. Шармуа... С. 46; Известие о разных трудах... С. 438.
- ³² РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 440, л. 14, служебный список Ф. Б. Шармуа за 1832 г.
- ³³ Издание в свет Истории Мазандерана и Табаристана // ЖМНП. 1845. Ч. 45. Отд. 7. С. 45. Захир ад-дин (Зегир-Эддин) — персидский историк XV в.
- ³⁴ Relation de Mas'ou'dy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. par Charmoy // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences. St.-Pb., 1833. T. 2. P. 297—408. Мас'уди (конец IX в.—956 или 957) — арабский историк и путешественник.

³⁵ Expédition de Timoūr-i-Lenk ou Tamerlan contre Togtamiche, khâh de l'ouloûs de Djoûtchy, en 793 de l'Hégire ou 1391 de notre ère par M. Charmoy // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences. St.-Pb., 1835. T. 3. P. 89—505.

Тамерлан (Тимур) (1336—1405) — создатель империи в Средней Азии; возглавил поход (1389—1395 гг.) против Тохтамыша, Тохтамыш (?—1406) — хан Золотой Орды (с 1380 г.).

³⁶ См. примеч. 24.

³⁷ Ученые труды Ф. Ф. Шармуа... С. 46.

³⁸ Известие о разных трудах... С. 438.

³⁹ ПФАРАН, ф. 2, оп. 1—1861, ед. хр. 6, л. 31.

⁴⁰ Chéref-nâmeh ou Fastes de la nation kourde par Chéref-ou'ddine, Prince de Biddlis, dans l'Jiâlet d'Arzeroûme. Traduits du Persan et commentés par François Bernard Charmoy. T. 1. St.-Pb., 1868.

⁴¹ РГИА, ф. 744, оп. 1, ед. хр. 42, л. 71; Куликова. [Законодательные акты]. С. 125. № 247.

⁴² После смерти Ф. Б. Шармуа в Санкт-Петербурге были изданы следующие тома Истории курдов: Т. 1. Ч. 2 — в 1870 г.; Т. 2. Ч. 1 — в 1873 г.; Т. 2. Ч. 2 — в 1875 г.

⁴³ Письмо Ф. Б. Шармуа К. М. Френу от 8 сентября 1845 г. — см. *Савельев П. С. О жизни...* С. 13—14.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ АРАБИСТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ М. Г. Волков (1800—1846)

Михаил Григорьевич (Гаврилович) Волков — русский арабист, впервые подготовленный не за рубежом, а в России, талантливый преподаватель, немало труда вложивший в создание традиций высшей востоковедной школы, знаток восточных рукописей, активно участвовавший в систематизации коллекций академического Азиатского музея — часто упоминается в работах по истории востоковедения. Вместе с тем за 155 лет, прошедших со дня его смерти, не нашлось ни одного автора, посвятившего ему специальное исследование. Настоящий очерк — скромная дань памяти этого востоковеда.

Точный год рождения М. Г. Волкова неизвестен. По косвенным данным, он родился в 1800 г. в семье «надворного советника»¹. В 1817 г. окончил с отличием гимназию и был зачислен «казеннокоштным студентом» в Главный педагогический институт². С открытием в Институте 22 марта 1818 г. кафедр арабской и персидской словесностей М. Г. Волков внес свою фамилию в список учащихся, «изъявивших желание» изучать названные предметы³. Кафедры эти перешли в учрежденный в 1819 г. Санкт-Петербургский императорский университет — без изменения преподавательского и студенческого состава.

В университетских фондах сохранились «табели», «ведомости» и другие документы, которые свидетельствуют об успехах студента М. Г. Волкова: «отлично превосходных» — по арабскому языку и «очень хороших» — по персидскому⁴. В 1823 г. состоялся первый выпуск студентов-восточников — всего из четырех человек. Одним из них был М. Г. Волков, получивший на выпускных экзаменах высшие баллы и степень кандидата⁵ и «не удостоенный потому только золотой медали, что Конференция (орган университетского управления. — А. К.) опасалась увеличить число оных»⁶. Он прослушал следующие университетские курсы: персидский язык читали Франсуа Бернар (Франц Францевич) Шармуа (1793—1868) и Мирза Джафар Топчибашев (1790—1869); арабский язык читали Жан Франсуа (Иван Францевич) Деманж (1789—1839) и Иосиф Юлиан (Осип Иванович) Сенковский (1800—1858). Профессор-

арабист И. Ю. Сенковский отозвался о своем ученике «с великой похвалою» и добился выдачи ему премии в 300 рублей⁷.

После окончания Санкт-Петербургского императорского университета М. Г. Волков был зачислен в его штат — «исправляющим должность» магистра арабской словесности⁸. Вначале он читал только «начало арабского языка». С 1829 г. к нему перешли все лекции на первом курсе по этому предмету: он «излагал правила арабского языка по собственному компендиуму на основании грамматик де-Саси⁹ и Розенмюллера¹⁰, потом занимал слушателей переводом басен Локмана¹¹, трех первых глав Корана и некоторых мест из Хрестоматии де-Саси¹²»¹³.

В 1836 г. в Университете был введен вместо трехгодичного — четырехгодичный курс обучения, и в связи с этим занятия М. Г. Волкова со студентами несколько изменились: он читал по одной лекции в неделю на первом курсе и по две — на втором, излагая грамматику «по собственным запискам», синтаксис — «по Эвальду¹⁴ и де-Саси»¹⁵ и «упражняя студентов в переводах из Хрестоматии Гумберта и Козегартена¹⁶ и книги Келилэ-ве-Демнэ¹⁷»¹⁸.

В последние годы преподавательской работы М. Г. Волков читал по три лекции в неделю на первом курсе и по две — на втором. В программе начального курса были этимология и синтаксис, «из коих первая проходима была... со всею необходимою полнотою, а из второго сообщалось только самонужнейшее, сообразно первым потребностям начинающих»¹⁹. Лекции дополнялись занятиями по «изустному переводу» с арабского на русский «легкого печатного текста» с подробным грамматическим разбором.

На втором курсе М. Г. Волков разбирал со студентами текст Корана («образец чистейших форм арабского языка»): сообщал краткие сведения о происхождении Корана, о его названиях, построении, содержании, слоге, «важнейших комментаторах»; затем читал и переводил со слушателями «возможно ближе к подлиннику» одну или две суры Корана, объясняя «состав речи», синтаксические и грамматические особенности, а также сообщая данные о влиянии мусульманской религии на быт народов, ее исповедующих²⁰.

Как мы видели, М. Г. Волков широко пользовался учебными пособиями зарубежных авторов, при этом критически осмысливая эту литературу. Так, например, «Арабскую грамматику» (Париж, 1831) Антония Исаака Сильвестра де Саси (1758—1838) он считал перегруженной лишними для начинающих обучение этому языку подробностями. Опуская их, М. Г. Волков составил свой вариант (конспект) этой работы. «Арабскую хрестоматию» (Лейпциг, 1828) Иоанна Готфрида Людвиг Козегартена (1792—1860) он, напротив, находил удачно составленной: отмечал в ней разнообразие сведений, «правильность слога», занимательность текстов. На основании названных выше работ арабистов, а также трудов Эрнста

Фридриха Карла Розенмюллера (1768—1835) и Георга Генриха Августа Эвальда (1803—1875) М. Г. Волков подготовил «Собственные записки по грамматике арабского языка», оставшиеся в рукописи.

В 1823 г. И. Ю. Сенковский прочел у себя на дому первый в истории Санкт-Петербургского императорского университета курс турецкого языка. Его единственным слушателем был М. Г. Волков, который впоследствии настолько овладел этим предметом, что в 1833—1834 гг. дважды заменял учителя во время его болезни, ведя занятия «по руководствам» последнего.

В течение пяти лет М. Г. Волков занимал должность магистра. В 1828 г. он был утвержден в новой должности — адъюнкта арабской словесности. В данном случае требовалось представление специальной работы, и М. Г. Волков предъявил Совету университета сочинение, написанное на латинском языке и содержащее сведения по истории Самарканда и Бухары с древнейших времен до новейшего времени, извлеченные из восточных источников. Приказ об утверждении М. Г. Волкова в адъюнктской должности министр народного просвещения (1828—1833 гг.) Карл Андреевич Ливен (1765—1844) подписал 23 сентября 1828 г.²¹

Лишь через 17 лет, 16 октября 1845 г., М. Г. Волков был «определен» на следующую университетскую должность — экстраординарного профессора²². В этой должности он прослужил только полгода. Весной 1846 г. в Санкт-Петербурге свирепствовала холера. 15 мая 1846 г. ректор (1840—1861 гг.) Университета Петр Александрович Плетнев (1792—1865) сообщал в письме Якову Карловичу Гроту (1812—1893): «Теперь опять открылась сильная смертность. Мы лишились двух профессоров разом: Прейса (по славянским языкам) и Волкова (по арабскому)»²³. М. Г. Волков умер 13 мая 1846 г.

Преподавательская служба М. Г. Волкова продолжалась почти четверть века. Итогом этой плодотворной университетской деятельности было то, что многочисленные ученики на долгие годы сохранили воспоминания о его лекциях и практических занятиях, и, реализуя полученные от него знания, сами в свою очередь внесли лепту в развитие востоковедения.

Помимо основной деятельности — преподавательской, М. Г. Волков занимал еще три должности.

Находясь в университетском штате с 1823 по 1846 г., он все это время по совместительству служил в Императорской академии наук. В штат последней он был «определен» 19 июля 1823 г. — «воспитанником Академии наук по части восточных древностей»²⁴ и в этом качестве оставался до 1830 г.²⁵ Его научным руководителем был Крестьян Мартин (Христиан Данилович) Френ (1782—1851). 17 марта 1826 г. по приказу президента (1818—1855 гг.) Императорской академии наук Сергея Семеновича Уварова (1786—

1855) «элева» (воспитанника) М. Г. Волкова назначили «непосредственно помощником к г[осподину] ак[адемику] Френу по Восточному музею, с производством ему за сию должность сверх получаемого жалования по настоящему званию (элева. — А. К.) — по триста рублей в год из экономических сумм Академии»²⁶. В этой должности помощника хранителя Азиатского музея он проработал 20 лет (1826—1846 гг.)²⁷, занимаясь систематизацией и описанием письменных памятников на арабском, персидском и турецком языках. В течение нескольких лет он также исполнял обязанности секретаря Училищного комитета Санкт-Петербургской губернии.

16 ноября 1825 г. он был уволен «от этой должности» и заменен «в сем звании» также выпускником-востоковедом первого университетского выпуска И. Грацилевским²⁸.

Успешно справляясь с порученными ему обязанностями, М. Г. Волков постоянно пополнял свои знания по Востоку, был в курсе современных ему научных событий и занимался исследованием ряда востоковедных тем. Он в совершенстве владел арабским, персидским, турецким языками, свободно переводил с немецкого и французского языков. Был специалистом по «мусульманским рукописям», хранившимся в Азиатском музее, поскольку многие из них он, как говорилось выше, описал и каталогизировал.

Наиболее авторитетными отзывами о М. Г. Волкове следует считать оценки выдающихся востоковедов К. М. Френа и И. Ю. Сенковского.

К. М. Френ — академик-ориенталист, нумизмат, директор Азиатского музея — в течение ряда лет был непосредственным начальником и учителем М. Г. Волкова. В 1823—1826 гг., как упоминалось выше, под его руководством молодой востоковед в звании «академического воспитанника» (элева) совершенствовал свое «восточное образование». Речь идет о своеобразной аспирантуре, учрежденной специально для М. Г. Волкова в Императорской академии наук²⁹. К. М. Френ оставил официальный отзыв о своем ученике как о прекрасном специалисте по арабскому, персидскому и турецкому языкам³⁰.

И. Ю. Сенковский — востоковед широкого профиля, журналист, писатель — знал М. Г. Волкова вначале как преподаватель, а затем как коллега по Санкт-Петербургскому императорскому университету. Выше говорилось, что он выделил его среди студентов-востоковедов первого выпуска. 4 мая 1828 г. он направил в Совет университета официальную записку, в которой отмечал «отличные способности, трудолюбие и примерное прилежание» М. Г. Волкова, а также «блестательные успехи, приобретенные им в знании восточных языков», и его «некоторую известность в Европе»³¹.

О конкретной научной деятельности М. Г. Волкова сведений почти не сохранилось. Из разрозненных упоминаний в литературе

и дошедших до нас работ можно понять, что его научные интересы касались истории и литературы Ирана, Кавказа, Средней Азии, арабов, курдов, монголов. Можно его отнести и к источникововедам: например, известно, что он «доставлял» в Парижское азиатское общество «сведения о рукописях, неизвестных ученому миру»³². Ряд обстоятельств не позволяет в настоящее время создать более точную картину его исследований по Востоку. Дело в том, что личного фонда М. Г. Волкова в архивах России не существует. Его рукописные материалы разбросаны по разным местам. Его работы рассеяны по периодическим изданиям, как российским, так и западноевропейским. К тому же многие его переводы публиковались анонимно. Потребуется специальное кропотливое научно-библиографическое исследование для составления списка его научных работ.

В настоящее время в результате поисков в архивах и литературе удалось выявить следующие публикации М. Г. Волкова:

1. Wolkoff M. Route depuis Semipalatnoy jusqu'à Cachmir // *Journal Asiatique*. Т. IV. Paris, 1824. P. 226—229. Перевод с персидского на французский фрагмента дорожника с описанием пути от Семипалатинска до Кашмира.

2. Wolkow M. Notices sur l'ouvrage persan intitulé Scheref Name accompagnée de quelques renseignements sur son auteur // *Journal Asiatique*. Т. VIII. Paris, 1826. P. 291—298. Работа содержит первое в литературе описание персоязычной рукописи курдского историка Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме».

3. Волков М. Г., переводчик. Перевод с немецкого языка работы К. М. Френа «Предварительное известие о новом значительном обогащении собрания восточных рукописей Императорской академии наук» // Санкт-Петербургские академические ведомости. 1826, прибавление к № 21.

4. Волков М. Г., переводчик. Перевод с немецкого языка работы К. М. Френа «Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды». СПб., 1832.

5. Волков М. Г., переводчик. Перевод с немецкого языка («по поручению Академии наук») работы И. А. Б. Дорна «Об Азиатском музее Императорской академии наук». СПб. Перевод этой работы был прерван в связи с кончиной М. Г. Волкова.

К данному списку следует добавить сочинения М. Г. Волкова, оставшиеся в рукописях:

6. «Narratio succincta, Samarcaendae Bocharaeque varia fata ex scriptorum orientalium fide, inde ab antiquissimis temporibus ad hanc usque recentiore aetate velata, breviter complectens» — АВ, р. 1. оп. 9, ед. хр. 18; 32 страницы текста на латинском языке, в переплете. В сочинении содержатся «краткие сведения об изменениях в истории Самарканда и Бухары, извлеченные из восточных авторов, начиная с самых древнейших времен и доведенные без пере-

rum orientaliū fide, ~~notata~~ inde
ab antiquissimis temporibus ad hanc
usque recentiorē ~~et~~ ^{et} Italiam relata;
breuiter conspiciens.

Sectio prima.

(traditiones quaedam de antiquissimo Samarkandae ^{Arabia}.)
~~omnium~~ ^{omnium} statu conspiciant.
e. Antiquam ad ipsam Samarkandae Bucha-
raeque Historiam enarrandam unumque
facta breuiter exluenda progrederi, pauca
quorundam de ordine quom in his consiliis
mihi obseruandum proposui; prius commo-
morare visum est. Rem igitur totam huc
mode instituentiam censui; et antiquis-
simo harum urbium statu earumque, unde centi-
tularum ^{Arabum} his regionibus dominacionem, conti-
tine, quoad id per summum hie omnium in
hac parte militiarum ^{hacor list,} ~~hacor list,~~ ^{expli-}
catis, diuina reliquam harum urbium seriem
antatem earumque vel mohammecanis prin-
cipus

Лист работы М. Г. Волкова «по истории Самарканда и Бухары»

рыва до новейшего времени». Работа состоит из двух глав. Первая посвящена истории Самарканда древнейшего периода, вторая — истории Самарканда и Бухары со времени «арабского завоевания» до «окончания династии Тимуридов (673—1494)». Сочинение не датировано, но сохранилось свидетельство самого М. Г. Волкова, что именно оно было представлено при утверждении его в должности адъюнкта в 1828 г.³³ На последней странице имеются подписи лиц, прочитавших работу: Зябловский, Грефе, Попов, Бутырский, Рогов. Все они служили профессорами в Санкт-Петербургском императорском университете: Евдоким Филиппович Зябловский (1763—1846) — профессором теории права, Христиан

Фридрих (Федор Богданович) Грефе (1780—1851) — профессором-эллинистом, Дмитрий Прокофьевич Попов (1780—1864) — профессором-эллинистом, Никита Иванович Бутырский (1783—1848) — профессором политической экономии, Трофим Осипович Рогов (1788—1831) — профессором истории. В данном случае они, вероятно, были членами комиссии по оценке работы М. Г. Волкова и утверждению его в адъюнктской должности.

7. Волков М. Г. «Собственные записки по грамматике арабского языка». СПб., 1830-е гг. Рукописное пособие, составленное с использованием материалов изданных грамматик.

8. Wolkoff M. «Memoire sur la réunion de l'Imerethie et de la Mingrèlie à l'Empire de Russie» — АВПРИ, ф. 6, ед. хр. 256, л. 39—62. Работа (диссертация?) на французском языке посвящена истории Имеретии и Мингрелии в XVIII в. и их присоединению к Российской империи. Рукопись не датирована, но есть дарственная надпись автора на имя вице-канцлера МИД Нессельроде. Карл Роберт (Карл Васильевич) Нессельроде (1780—1862) в 1845 г. занял должность канцлера. Следовательно, рукопись М. Г. Волкова, умершего в 1846 г., может быть датирована 1845—1846 гг.

9. Волков М. Г. «Обзор преподавания арабского языка» — РНБ (СПб) ОР, ф. 608 (собрание И. В. Памяловского), оп. 1, ед. хр. 2179, л. 1—5. Обзор представляет собой описание университетских курсов арабского языка, прочитанных М. Г. Волковым в 1823—1843 гг., — с изложением подробных программ. Он написан М. Г. Волковым 19 октября 1843 г., вероятно, по просьбе В. В. Григорьева, который собирал в это время материалы для книги по истории Санкт-Петербургского императорского университета.

Приведенные рукописные работы М. Г. Волкова дополняют картину его научных изысканий. Место хранения «Компендиума» (в списке № 7) неизвестно. «Обзор преподавания арабского языка» (в списке № 9) впервые использован мною при подготовке монографии по истории университетского востоковедения в Санкт-Петербурге³⁴. Обзор сведений по истории Самарканда и Бухары, извлеченных «из восточных авторов» (в списке № 6), и работа по истории Имеретии и Мингрелии (в списке № 8) сохранились по счастливой случайности в россыпи материалов: первый — в Архиве востоковедов в Санкт-Петербурге, вторая — в Архиве внешней политики Российской империи в Москве. Оба труда впервые вводятся в научный оборот.

Есть еще один род обязанностей М. Г. Волкова, о котором нам рассказывают архивные материалы: на протяжении двух десятилетий он был постоянным переводчиком не только, как говорилось выше, трудов, но и деловых бумаг К. М. Френа. Последний, владея рядом восточных и западноевропейских языков, русский не изучил в такой степени, чтобы пользоваться им активно, хотя и прожил в России несколько десятилетий и по праву считается

российским ученым. Совокупность языков, которые знал М. Г. Волков, делала его незаменимым переводчиком, а в ряде случаев и соавтором деловой переписки К. М. Френа. Документация по заведению Азиатским музеем (отчеты, официальные письма, отзывы и т. д.) составлялась директором К. М. Френом на немецком языке, а при пересылке по инстанциям каждый документ сопровождался русским вариантом, подготовленным его «помощником» М. Г. Волковым.

Современники единодушно отмечали замечательные личностные качества М. Г. Волкова, его природные способности и «ревность в занятиях», его добротные знания и широту интересов, его любовь к ученикам и самоотверженность на научном поприще, его скромность и доброжелательность. Его целью была не карьера и не приобретение научных степеней, а всестороннее развитие своих способностей как востоковеда для участия в общем деле, которому он посвятил жизнь.

Историограф и востоковед Василий Васильевич Григорьев (1816—1881) назвал его «человеком теплого сердца и благородного характера»³⁵.

Историк Востока и востоковедения Николай Иванович Веселовский (1848—1918) считал его «даровитым, симпатичным и широко образованным человеком»³⁶.

Высокую оценку М. Г. Волкову дал упомянутый выше ректор Санкт-Петербургского императорского университета П. А. Плетнев: «Мирными подвигами науки на избранном им поприще он начал и кончил служение свое Отечеству»³⁷.

Талантливый преподаватель, труженик науки и замечательный человек — вот три грани личности М. Г. Волкова, которые закрепили за ним достойное место в истории отечественной науки.

Примечания

¹ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 6, ед. хр. 653, л. 35 об., формулярный список.

² Там же, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 1638, л. 1—1 об., «представление» директора училищ Санкт-Петербургской губернии Тимковского.

³ Там же, ед. хр. 1934, л. 6 об.; РГИА, ф. 737, оп. 1, ед. хр. 49950, л. 188.

⁴ РГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 276, л. 33 об.—34; Там же, ед. хр. 295, л. 10; Там же, ф. 737, оп. 1, ед. хр. 49950, л. 181—183; С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819—1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. Пг., 1919. С. 53—54.

⁵ Степень кандидата присуждалась лучшим университетским выпускникам.

⁶ РГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 295, л. 17.

⁷ Там же, л. 18; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 6, ед. хр. 653, л. 35 об.—36.

⁸ РГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 295, л. 3; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 6, ед. хр. 653, л. 35 об.; Куликова. [Законодательные акты]. С. 241. № 390.

⁹ *Sacy S. Grammaire arabe*. Vol. 1—2. Paris, 1831.

¹⁰ *Rossemüller E. F. C. Analecta arabica*. Т. 1—3. Lipsiae, 1825—1828.

- ¹¹ Лукман (Локман, Лохман) — арабский баснописец (XIII в.).
- ¹² *Sacy S. Chrestomathie arabe.* Paris, 1826—1827.
- ¹³ Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... С. 57.
- ¹⁴ *Ewald G. H. A. Grammatica critica linguae arabica cum brevi metrologica doctrina.* Vol. 1—2. Lipsiae, Hahn., 1831—1833.
- ¹⁵ См. примеч. № 9.
- ¹⁶ *Humbert J. Arabica chrestomathia.* Parisiis, 1834. *Kosegartenius I. G. L. Chrestomathia arabica.* Lipsiae, 1828. Жан Гумберт (1792—1851) — швейцарский арабист.
- ¹⁷ «Калила и Димна» — памятник дидактической литературы на арабском и персидском языках.
- ¹⁸ РГИА, ф. 733, оп. 23, ед. хр. 2, л. 32; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4099, л. 15.
- ¹⁹ РНБ(СПб) РО, ф. 608, оп. 1, ед. хр. 2179, л. 3 об.
- ²⁰ Там же, л. 4 об.—5 об.
- ²¹ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 6, ед. хр. 653, л. 35 об.—36; Куликова. [Законодательные акты]. С. 241. № 393.
- ²² ЖМНП. 1845. Ч. 48. Отд. 1. С. 61; Куликова. [Законодательные акты]. С. 243. № 412.
- ²³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 767. Петр Иванович Прейс (1810—1846) — славяновед.
- ²⁴ РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 269, л. 13, приказ министра народного просвещения (1816—1824 гг.) Александра Николаевича Голицына (1773—1844).
- ²⁵ ПФАРАН, ф. 1, оп. 2-1826, ед. хр. 11, л. 1—1 об., § 109; Куликова. [Законодательные акты]. С. 108. § 72.
- ²⁶ ПФАРАН, ф. 1, оп. 2-1826, ед. хр. 11, л. 1, § 109; Там же, ф. 4, оп. 2-1826, ед. хр. 52, л. 2; Куликова. [Законодательные акты]. С. 108. № 74.
- ²⁷ ПФАРАН, ф. 1, оп. 2-1826, ед. хр. 9, л. 1—2, § 90, 109.
- ²⁸ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1, приказ № 108 проректора Антона Антоновича Дегурова (?—1849) в Совет университета.
- ²⁹ ПФАРАН, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 115; РГИА, ф. 733, оп. 12, ед. хр. 269, л. 13; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 6, ед. хр. 653, л. 35 об.—36.
- ³⁰ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 1450, л. 2—2 об.
- ³¹ Там же, л. 1—1 об.
- ³² *Савельев П. С.* Восточные литературы и русские ориенталисты // *Русский вестник.* СПб., 1856. Т. 2, апрель. Кн. 2. С. 275.
- ³³ РНБ(СПб) РО, ф. 608, оп. 1, ед. хр. 2179, л. 2.
- ³⁴ *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 99.
- ³⁵ Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... С. 25—26.
- ³⁶ Веселовский. Сведения... С. 132.
- ³⁷ *Плетнев П. А.* Годичный акт в Императорском Санктпетербургском университете, бывший 8 февраля 1847 г. СПб., 1847. С. 21—22.

**И. В. Ботьянов (1802—1868) —
ВОСТОКОВЕД И ПЕРЕВОДЧИК ПРИ ВИЦЕ-АДМИРАЛАХ
А. С. ГРЕЙГЕ И М. П. ЛАЗАРЕВЕ**

Имя И. В. Ботьянова — востоковеда по образованию, в совершенстве владевшего турецким, персидским и арабским языками, и дипломата по роду службы, в период российско-турецкой войны 1828—1829 гг. занимавшего пост переводчика и советника при главном командире Черноморского флота вице-адмирале А. С. Грейге, — упоминается в ряде работ по истории востоковедения¹. Однако данные о нем в этих работах отличаются краткостью и разрозненностью: до 1991 г. нигде не приводилось его полных, а тем более подлинных имени и фамилии, дат его жизни, названий его трудов, фактов его служебной и научной деятельности².

И. В. Ботьянов относится к той, довольно обширной, части отечественных востоковедов первой половины XIX в., которые, находясь на практической работе в государственном аппарате России, одновременно оставили след и в истории науки. Знакомство с жизнеописанием И. В. Ботьянова также дает представление о тех причинах, которые заставляли правительство постоянно заботиться о подготовке востоковедов, и о том, какое участие принимали последние в процессе внешней и внутренней политики страны.

В основу настоящего очерка легли официальные документы по деятельности И. В. Ботьянова (указы, распоряжения, послужные списки, ходатайства, отзывы, донесения, докладные записки и т. д.), хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (Москва) и Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург). Особым предметом поиска были его труды, некоторые из которых удалось найти в архивных фондах и на страницах периодических изданий и сборников XIX в.

Иван (Янкул) Васильевич Ботьянов (Батьянов)³, сын стольника Молдавского княжества Василия Ботьянулы, родился в 1802 или в 1803 г.⁴ После смерти отца двое его сыновей Янкул и Николай были привезены в Россию. Александр I по прошению их дяди Сердария Валдалаха 25 декабря 1809 г. распорядился принять их «на казенный счет» в губернскую гимназию в Санкт-Петербурге⁵.

Высшее образование И. В. Ботьянов получил в Санкт-Петербургском императорском университете, откуда был выпущен в

статусе действительного студента в 1824 г.⁶ Не относясь официально к Разряду восточной словесности, он именно в нем начал серьезно изучать восточные языки. В это время в Университете арабский язык преподавали ординарный профессор Иосиф Юлиан (Осип Иванович) Сенковский (1800—1858) и младший преподаватель Михаил Григорьевич Волков (1800—1846), а персидский — адъюнкт-профессор Мирза Джафар Топчибашев (1790—1869)⁷.

Следующей ступенью востоковедного образования И. В. Ботьянова была его двухгодичная учеба (с 24 марта 1824 г. до мая 1826 г.) в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД. С отличием окончив это Отделение, он именным указом от 17 мая 1826 г. был «пожалован в переводчики Государственной коллегии иностранных дел»⁸ и в этой должности прослужил почти год.

В конце апреля 1827 г. И. В. Ботьянов выехал из Санкт-Петербурга в Яссы, а затем «водою чрез Галацы в Константинополь» — к месту новой службы в составе Российской миссии⁹. 26 мая он прибыл в Буюкдер (Буюк-дере). Это был период войны России с Персией (1827—1828 гг.), к тому же и русско-турецкие отношения были напряженными. Последнее обстоятельство обусловило то, что первостепенной обязанностью И. В. Ботьянова после приезда в Миссию стало усовершенствование знания турецкого языка. С этой целью ему сверх жалованья (500 рублей в год) была выделена сумма на покупку учебных пособий; практические занятия вел турецкий «ходжа» — под руководством первого драгомана Миссии Франкини¹⁰. Обучение продолжалось до конца 1827 г.

10 февраля 1828 г. Туркманчайским договором закончилась война с Персией, и почти сразу же начались военные действия против Турции на Черном море и на территории балканских стран. Предвидя возможность русско-турецкого конфликта, Морской штаб в Николаеве заранее поставил перед МИДом вопрос о выделении в его распоряжение хорошо подготовленного переводчика турецкого языка. Выбор пал на И. В. Ботьянова. 11 февраля 1828 г. он прибыл из Константинополя в Одессу, попутно доставив сюда восточные книги, принадлежавшие Миссии¹¹. Осюда он выехал в Николаев, где с 5 апреля 1828 г. занял должность переводчика при канцелярии Черноморского департамента — с окладом в 2000 рублей в год и с обязательством переводить «на российский язык» не только турецкие, но и персидские, французские, греческие и латинские документы¹².

Через три дня И. В. Ботьянов отправился в Севастополь в распоряжение главнокомандующего Черноморским флотом и портами (1816—1830 гг.) вице-адмирала Алексея Самуиловича Грейга (1775—1845)¹³. Находясь при нем на флагманском корабле «Париж», И. В. Ботьянов попал в самую гущу событий военно-мор-

ской кампании лета 1828 г. Он участвовал в осаде крепости Анапа: вел здесь «переговоры с турками» и «переписку с черкезами». В период блокады и штурма крепости Варна принимал участие в военных действиях, был переводчиком в переговорах «капитан-паши» с Александром I. 2 сентября 1828 г. по «высочайшему повелению» он находился в передовых траншеях — «для наблюдения за действиями турок». На следующий день И. В. Ботьянов сопровождал пленных, которых переводили с поля боя в крепость. 26 сентября 1828 г. ему поручили важную миссию: доложить российскому императору о сдаче в плен албанских войск в крепости Варна во главе с Юсуфом-пашой.

«По отбытии флота в Севастополь» в конце октября 1828 г. И. В. Ботьянов еще в течение четырех месяцев оставался в Варне, выполняя обязанности дипломатического чиновника: вел переговоры с турецкой стороной об урегулировании отношений между местными христианами и переселявшимися на родину турками, а также переписку по этим вопросам¹⁴.

7 февраля 1829 г. И. В. Ботьянов отплыл на корабле «Пимен» с эскадрой контр-адмирала Михаила Николаевича Кумани в Сизополь для опроса пленных. 19 апреля того же года он вернулся на флагманский корабль «Париж». Летом 1829 г. — участвовал во взятии крепостей Месемврия, Ниада, Лидия, Агатополь и в патрулировании кораблей в Константинопольском проливе. В Месемврии — «благоразумным действием своим в переговорах с начальствующим сею крепостью много способствовал приобретению оной без кровопролития»¹⁵. В Агатополе — содействовал «установлению в сих местах порядка и спокойствия между жителями»¹⁶. 9 ноября 1829 г. И. В. Ботьянов возвратился в Николаев.

После заключения с Турцией Адрианопольского мира (1829 г.) русские войска еще некоторое время оставались за границей. В этот период И. В. Ботьянова посылали в те места, где требовался опытный переводчик. В 1830—1831 гг. он находился в Болгарии при генерале-адъютанте Афанасии Ивановиче Красовском (?—1843) — в качестве «драгомана и производителя переписки с великим визирем»¹⁷. С 16 августа по 14 октября 1832 г. в Севастополе он занимался переводом многочисленных бумаг так называемой «призовой» комиссии по решению вопросов об уничтожении неприятельских судов во время войны. С 20 апреля по 2 июля 1833 г. И. В. Ботьянов был прикомандирован к вице-адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву (1788—1851), возглавившему эскадру кораблей, которая совместно с сухопутной армией была послана российским правительством к Константинополю для устранения угрозы политической стабильности в Турции. Во время этого плаванья И. В. Ботьянов перевел значительное количество материалов с турецкого, арабского и персидского языков¹⁸.

Годы, насыщенные военными и послевоенными событиями, были связаны с решением так называемого «восточного вопроса» — клубка проблем и интересов России, Турции и ряда балканских стран. Деятельность такого специалиста, как И. В. Ботьянов, равно владевшего русским, греческим, молдавским, турецким, арабским, персидским языками, была ценным вкладом в российскую дипломатию. С другой стороны, годы работы военным переводчиком и советником по Востоку выдвинули И. В. Ботьянова в число лучших знатоков современной ему Турции и языков, названных выше. Сохранился ряд донесений вице-адмиралов А. С. Грейга и М. П. Лазарева этих лет, в которых даны самые высокие оценки деловых качеств И. В. Ботьянова и, в частности, отмечаются «отличное знание им нескольких азиатских языков», а также его «особенное благоразумие» при решении дипломатических вопросов. «Совершенная признательность начальства» за его участие в военной кампании 1828—1829 гг. выразилась в том, что он получил памятную медаль на георгиевской ленте, повышение в чине и премию в сумме годового оклада¹⁹.

В последующие десятилетия блестящая карьера И. В. Ботьянова сменилась его полным забвением со стороны высшего начальства Министерства иностранных дел. Прожив еще около 40 лет²⁰, он так и остался на должности переводчика при канцелярии главного начальника Черноморского флота и портов в Николаеве — должности, которая в мирное время была бесперспективной, не дававшей возможности продвижения по служебной лестнице. В 1832—1845 гг. он непосредственно подчинялся вице-адмиралу М. П. Лазареву. Последний, учитывая заслуги И. В. Ботьянова, направлял бесконечное количество рапортов в МИД и другие инстанции — с просьбами «поместить» его «на высшую драгоманскую вакансию, которая откроется при Азиатском департаменте» — и неизменно получал формальные отказы²¹.

4 апреля 1834 г. по предложению попечителя Одесского учебного округа И. В. Ботьянова утвердили почетным смотрителем Николаевского уездного училища. В 1835 г. в послужном списке были отмечены его «отличные успехи по училищу»: вероятно, он принимал участие в учебном процессе — если не в качестве преподавателя, то как составитель планов и программ.

Занимаясь практической работой, И. В. Ботьянов в течение всей жизни не порывал связи с наукой и «посвящал досужие часы ученым занятиям». В архивах и литературе удалось отыскать сведения о его восьми опубликованных и двух рукописных трудах:

1. «Науфель. Отрывок из персидской поэмы: Меджнун и Лейла. Соч. Джамии²²» // Азиатский вестник. СПб., 1825. Т. I (I—VII). С. 134—140. [Перевод с персидского языка].

2. «Мевлана Джамии, поэт персидский. Первая встреча Меджнуна с Лейлою» // Азиатский вестник. СПб., 1825. Т. I (I—VII).

С. 349—354. [Приведены биографические данные об авторе и отрывок из его поэмы в переводе с персидского языка].

3. «Краткой (!) обзор Персидской поэмы Юсуф и Зулейка» // Азиатский вестник. СПб., 1826. Т. I (I—VII). С. 260—266. [Сделан краткий анализ художественных особенностей поэмы в сравнении с другими сходными сюжетами].

4. «Взгляд на древнее и нынешнее состояние словесности и искусств в Персии» // Азиатский вестник. СПб., 1826. Т. I (I—VII). С. 41—50, 111—117, 332—338; СПб., 1827. Т. II. С. 49—53, 123—129. [Дан обзор характерных черт языка, поэзии, живописи Персии в разные исторические периоды. В примечании редакции отмечено, что «отъезд при миссии помешал Ботьянову, молодому усердному ориенталисту, продолжить сию статью, как и другие начатые здесь труды по восточной словесности»].

5. «Моаллака Лебида и Темимянка Абулолы²³. Поэмы». СПб., 1827. [В сборнике — текст двух поэм, переведенных с арабского языка, а также предисловие переводчика, содержащее краткую характеристику этих произведений. Рецензии на указанную работу И. В. Ботьянова см.: Московский телеграф. 1828. Ч. 19, февраль, № 3. С. 419—422; Северная пчела. 1827. № 16. С. 1—3; Ср.: Азиатский вестник. СПб., 1827. Т. I (I—VII). С. 32—46].

6. «Chrestomathie Diplomatique rédigée par Jean Battianof». [Свою «Дипломатическую хрестоматию» И. В. Ботьянов предназначал в качестве пособия для студентов-восточников. Хрестоматия состояла из 30 документов дипломатического характера «касательно многообразных предметов»: это были ноты России и европейских государств, направленные Турции, о юридических спорах, о мерах против чумы в Буюк-дере, о выводе войск из Румелии, о похищении турками грузинского мальчика и т. д. Документы приводились на французском языке — с переводом на турецкий и с соответствующим комментарием, в частности по вопросам турецкой фразеологии. В 1838 г. попечитель Одесского учебного округа послал эту работу И. В. Ботьянова в Санкт-Петербург. Сохранился официальный отзыв на нее академика Крестьяна Мартина (Христиана Даниловича) Френа (1782—1851)²⁴. В отзыве содержится положительная оценка авторского замысла и ряд замечаний: о систематизации документов по тематическому принципу, о расширении пояснений и т. д. «Дипломатическая хрестоматия» И. В. Ботьянова осталась в рукописи]²⁵.

7. «Статистические описания (замечания)» по Болгарии, Молдавии, Валахии. 1840-е гг. [Обзоры были составлены на основании анализа материалов, собранных И. В. Ботьяновым в период его командировок в названные районы и остались в рукописях]²⁶.

8. «Несколько стихотворений из Гафиза, Саади²⁷ и других». Одесса, 1866. [Эти переводы с персидского языка были выполнены И. В. Ботьяновым в студенческие годы и 40 лет хранились

среди его бумаг. Издание было рассчитано на широкий круг читателей и сопровождалось сведениями о персидских поэтах и их произведениях. Сборник посвящался памяти сына И. В. Ботьянова — Льва Ивановича Ботьянова, погибшего во время осады Севастополя в 1854—1855 гг.].

9. «Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте, в 1828 году» // Морской сборник. СПб., 1869. Т. 103. № 8. С. 1—32. [Работа содержит «извлечения из журнала», который автор вел в период войны с Турцией в качестве чиновника МИД при вице-адмирале А. С. Грейге].

10. «Вести из Николаева. Речь, произнесенная камер-юнкером с. с. Ботьяновым, во время обеда, данного черноморцами, по случаю пожалования им георгиевских знаменных флагов». СПб., 1897. Перепечатано из Морского сборника (Т. 29. № 5. С. 154—157). [В речи упоминается о службе И. В. Ботьянова под начальством вице-адмиралов А. С. Грейга и М. П. Лазарева].

Поиск материалов о И. В. Ботьянове может быть продолжен, но и приведенные данные позволяют утверждать, что он был прекрасно подготовленным востоковедом, активно владевшим тремя восточными языками, переводчиком высокого уровня, специалистом широких научных интересов. Не его вина, что дипломатическая служба оторвала его от востоковедных центров и не позволила серьезно заняться наукой. То немногое, что он успел сделать в этой области, было оценено одесскими учеными: с 31 мая 1840 г. и в течение почти четверти века он состоял членом-корреспондентом Одесского общества истории и древностей²⁸.

Примечания

¹ Савельев П. С. О жизни и трудах О. И. Сенковского // Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса). Т. 1. СПб., 1858. С. 44; *Он же*. Восточные литературы и русские ориенталисты // Русский вестник. М., 1856. Т. 2. Кн. 2. С. 124; *Эберман В.* Арабы и персы в русской поэзии // Восток. М., 1923. Кн. 3. С. 111; Крачковский. Очерки... С. 111; *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 164.

² В 1991 г. был издан первоначальный вариант этой статьи: *Куликова А. М.* И. В. Ботьянов — дипломат и востоковед // ППиПИКНВ. XXIV годовичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). Ч. I. М., 1991. С. 39—46. Географические названия и восточные имена даны в транскрипции авторов.

³ Вариант фамилии — Ботвянов, упоминаемый Б. М. Данцигом, в документах не встречается. — См. *Данциг Б. М.* Ближний Восток... С. 164.

⁴ В послужном списке сказано, что в 1839 г. ему было 36 лет. См. также свидетельство «дивана княжества Молдавского» — РГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 78, л. 3—4.

⁵ РГИА, ф. 733, оп. 20, ед. хр. 78, л. 1—2, прошение С. Валдалаха от 14 сентября 1809 г.; АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 78—80, отношение директора гимназии № 992 от 26 августа 1833 г.

⁶ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 78—79; Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... С. 68.

⁷ Куликова. [Законодательные акты]. С. 240—241. № 389; С. 241. № 390, 392.

⁸ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 313, л. 1—2, указ приведен в отношении № 413 министра иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде (1780—1862).

⁹ «Высочайшее разрешение» по этому вопросу последовало еще 21 января 1827 г., но несколько месяцев длилось оформление документов. См.: АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 1—1 об., 3—5, 7; Там же, ф. 159, оп. 464, ед. хр. 240, л. 2.

¹⁰ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 8—8 об., донесение от 10 июня 1827 г. на имя К. В. Нессельроде.

¹¹ Там же, л. 10—12.

¹² Там же, л. 17—17 об.

¹³ Там же, л. 16.

¹⁴ Там же, л. 57, свидетельство начальника крепости Варна генерал-адъютанта Василия Михайловича Головина (?—1786); Там же, л. 31—31 об., донесение А. С. Грейга от 27 июля 1827 г.

¹⁵ Там же, л. 31 об., отношение А. С. Грейга № 3582 от 27 июля 1829 г.

¹⁶ Там же, л. 31 об.

¹⁷ Там же, л. 42—43, 46—46 об., 48, 53.

¹⁸ Там же, л. 74, донесение А. С. Грейга № 709 от 21 апреля 1833 г.

¹⁹ Там же, л. 19—21 об., 53—53 об., донесение командующего сухопутными войсками генерала Рота № 740 от 9 марта 1831 г. на имя К. В. Нессельроде.

²⁰ Умер И. В. Ботьянов в 1868 г.: в этот год он впервые не был назван в списке сотрудников Новороссийского календаря.

²¹ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 139—140, 145—146, 149—150, 167—180 и др.

²² Абдуррахман Джамии (1414—1492) — персидский поэт и философ.

²³ Лебид (VII в.) — арабский поэт. (аль)-Маарри Абу-ль-Ала (973—1057 или 1058) — арабский поэт и философ.

²⁴ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 88—90.

²⁵ Рукопись данной работы хранится в АВПРИ — ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 91—123.

²⁶ АИИМК, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 498 и 509; АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 110, л. 67—67 об., 184, 186.

²⁷ Хафиз (Гафиз) Ширази (1325—1389) — персидский поэт. Саади Ширази (1180-е гг.—1292) — персидский поэт.

²⁸ Куликова. [Законодательные акты]. С. 134. № 13.

И. А. Б. Дорн (1805—1881) И ВОСТОКОВЕДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Имя И. А. Б. Дорна встречается во многих работах по истории науки. Разносторонний ученый, знаток классических, европейских и восточных языков, собиратель и исследователь источников по Востоку, преподаватель ряда восточных дисциплин, он оставил заметный след в различных научных областях.

Задача данного очерка — на основе материалов Санкт-Петербургских архивов¹, периодики XIX в.², а также литературы по истории образования осветить его преподавательскую деятельность³. Речь пойдет и о научных занятиях и трудах⁴ И. А. Б. Дорна, поскольку его разнообразные интересы и замыслы тесно переплетались между собой.

Иоганес Альбрехт (Альберт) Бернгард (Борис Андреевич) Дорн родился 11 мая 1805 г.⁵ в деревне Шенерфельд (Саксен-Кобургское княжество). Окончив в 1822 г. гимназию, он изучал затем филологию и богословие в университетах в Галле и Лейпциге. В Лейпцигском университете он углубленно занимался древнееврейским, арабским и сирийским языками под руководством профессора-востоковеда Эрнста Фридриха Карла Розенмюллера (1768—1835)⁶. В эти же годы И. А. Б. Дорн самостоятельно овладел персидским, афганским, турецким, санскритским, эфиопским языками⁷. В 1825 г. Лейпцигский университет присудил ему степень доктора философии и предоставил должность приват-доцента восточных языков⁸.

Вопрос о приглашении И. А. Б. Дорна в Россию в качестве профессора-востоковеда впервые встал в 1826 г., когда Харьковский императорский университет решил возобновить работу кафедры восточных языков, полагавшейся по уставу от 1804 г.⁹ и вакантной с 1806 г. Данная кандидатура была предложена академиком (1817 г.) Крестьяном Мартином (Христианом Даниловичем) Френом (1782—1851). Попечитель Харьковского учебного округа (1825—1830 гг.) Алексей Алексеевич Перовский (1787—1836) обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о предоставлении И. А. Б. Дорну места ординарного профессора. 1 июня 1827 г. министр народного просвещения (1824—

1828 г.) Александр Семенович Шишков (1754—1841) подписал приказ «об утверждении доктора философии Лейпцигского университета» И. А. Б. Дорна «в должности ординарного профессора восточных языков»¹⁰. Еще два года шла переписка о вопросах, связанных с переездом ученого. За это время он побывал в Гамбурге, Лондоне и Париже, где изучал восточные рукописи и знакомился с коллегами-востоковедами.

В октябре 1829 г. И. А. Б. Дорн прибыл в Харьков и занял восточную кафедру в здешнем университете. Занятия начались, по одним сведениям, осенью 1829 г., по другим — в начале 1830 г.¹¹ В период службы в Харькове (1829—1835 гг.) И. А. Б. Дорн преподавал (не одновременно) арабский, персидский, турецкий, санскритский, древнееврейский и эфиопский языки; причем «в последней области его пример оставался единственным у нас на весь XIX в.»¹². Поскольку лектор в это время по-русски объясняться еще не мог, лекции читались на латинском языке, знание которого было более или менее обязательно для всех студентов. В воспоминаниях одного из первых слушателей мы находим сеговения на трудности усвоения восточных дисциплин, преподаваемых полатыни: «С одной стороны, недостаточное знание латинского языка и неумение владеть им представляли неодолимые затруднения для студентов; с другой — роскошные вымыслы фантазии и своеобразные произведения Востока, носившие на себе особый, им только свойственный характер, нелегко поддавались тяжелым формам римской речи, выработавшейся при иных условиях народной жизни»; тем более, что «для лекций Дорна, посещаемых студентами разных курсов и факультетов, назначено было самое раннее время дня — от 6 до 7 часов утра»¹³. Число слушателей было невелико: например, в 1832 г. их было всего четыре человека. В качестве учебных пособий лектор использовал «хрестоматии по персидскому и турецкому языкам»¹⁴ и «объяснял Коран и восточные тексты по хрестоматии Болдырева»¹⁵. В дополнение к чтению лекций И. А. Б. Дорн заведовал университетским Восточным кабинетом.

3 июля 1834 г. министр народного просвещения (1833—1849 г.) Сергей Семенович Уваров (1786—1855) командировал И. А. Б. Дорна в Вильно — для отбора и передачи в Харьковский императорский университет учебных пособий из библиотеки «по высочайшему указу... закрытого» Виленского императорского университета¹⁶. Через два месяца, 28 августа 1834 г., Николай I назначил И. А. Б. Дорна на должность профессора в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД — для чтения курса «истории и географии Азии»¹⁷. Однако командировка в Вильно затянулась на год. Лишь 19 августа 1835 г. И. А. Б. Дорн вернулся в Харьков и 8 октября того же года приказом названного

выше министра С. С. Уварова был уволен из здешнего университета¹⁸ и переехал в столицу.

Харьковский период стал важной ступенью в становлении И. А. Б. Дорна как российского востоковеда и преподавателя. Здесь он продолжал изучать восточные языки, приобрел педагогический опыт, критически оценил имеющуюся учебную литературу и, уезжая отсюда, «уже свободно говорил по-русски». В Харькове он подготовил и издал монографию по сравнительному языкознанию, основанную на материалах санскрита и славянских языков¹⁹.

46 лет судьба И. А. Б. Дорна была связана с Санкт-Петербургом, а точнее — с четырьмя его учреждениями.

Первое — это названное выше Учебное отделение восточных языков, в штат которого он был переведен из Харькова. Курс по истории и географии стран Азии, или «мусульманского Востока», был первым опытом преподавания подобного предмета в России. И. А. Б. Дорн читал его восемь лет. 31 декабря 1843 г. министр иностранных дел (1816—1856 гг.) Карл Роберт (Карл Васильевич) Нессельроде (1780—1862) подписал приказ об его увольнении «от должности профессора» этого учебного заведения²⁰. Среди дисциплин, изучавшихся здесь в разные годы, упоминается также курс нумизматики, читавшийся И. А. Б. Дорном до 1863 г. — вероятно, на этот раз в качестве внештатного преподавателя²¹.

Второе учреждение — это Императорская академия наук, членом которой И. А. Б. Дорн состоял все 46 лет жизни в столице: с 18 декабря 1835 г. он был членом-корреспондентом; с 5 мая 1839 г. — адъюнктом «по части восточных языков»²²; с 31 июля 1842 г. — экстраординарным академиком «по части словесности и древностей азиатских народов»; с 31 мая 1852 г. — ординарным академиком «по части восточных языков»²³.

Помимо этих обычных академических ступеней, 5 августа 1842 г. собрание Историко-филологического отделения Академии избрало его на самую главную в его жизни должность — директора Азиатского музея²⁴. Он занимал ее почти 40 лет. До нас дошли свидетельства его деятельности на этом посту. В 1846 г. он издал труд об Азиатском музее, в котором были собраны достоверные фактические данные о комплектовании коллекций этого хранилища²⁵. В 1855 г. он издал «Дополнительный каталог собрания Азиатского музея», за который был «высочайше пожалован» бриллиантовым перстнем²⁶. В 1860—1861 гг. он совершил путешествие в Прикаспийскую область и Закавказье — с целью изучения «кавказских наречий иранского корня», проведения «географических и археологических изысканий» и «отыскания разного рода древностей» для Азиатского музея²⁷. В 1862 г. он «организовал описание коптских рукописей в Азиатском музее»²⁸. «В летнее время» он постоянно ездил за границу (в Лондон, Вену, Готу и

другие города) для изучения собраний восточных рукописей и обмена опытом по их систематизации и хранению²⁹.

Источники, хранившиеся как в личной коллекции И. А. Б. Дорна, так и в Азиатском музее и других учреждениях, служили ему научной базой для исследования языков (персидского, афганского, арабского, санскритского, древнееврейского, эфиопского и других) и тем, связанных с историей, археологией³⁰, эпиграфикой, нумизматикой, геральдикой Востока.

Более 10 лет он переводил с персидского на немецкий язык «Историю Мазандерана и Табаристана Зегир-Эддина»³¹. В 1850 г. перевод был опубликован³². В 1857 г. шах Персии наградил исполнителя перевода орденом Льва и Солнца — за «поднесение» экземпляра этой публикации³³.

Третье столичное учреждение, в котором служил И. А. Б. Дорн, — это Императорская публичная библиотека. В ее штат он был «определен» 17 марта 1844 г. указом Николая I — «на место библиотекаря» и «с оставлением в настоящей должности по Академии наук»³⁴. 5 февраля 1851 г. по приказу директора (1849—1861 гг.) Библиотеки Модеста Андреевича Корфа (1800—1876) он был «переименован... в старшие библиотекари»³⁵. К этому времени он систематизировал все восточные рукописи и ксилографы Библиотеки и в 1852 г. издал их каталог («росписи») ³⁶. При подготовке каталога автор консультировался по этому вопросу в Англии, а после завершения работы получил от Николая I награду в 1500 рублей³⁷. В 1853 г. перед началом очередной командировки И. А. Б. Дорна за границу Императорская публичная библиотека и Румянцевский музей (музеум) обратились к нему с двумя просьбами: «выявлять» в хранилищах рукописные и печатные сочинения по российской тематике и «осмотреться в тамошних восточных рукописях для удостоверения, не содержится ли в них чего-либо примечательного о древней России»³⁸. Весной 1869 г. И. А. Б. Дорн подал прошение об отставке — «по болезни»³⁹. Просьбу удовлетворили: он был уволен из штата Библиотеки с 1 мая 1869 г. с выплатой «пособия в сумме годового жалования»⁴⁰. За его вклад в библиотечное дело И. А. Б. Дорн приказом по МНП от 29 декабря 1873 г. был утвержден почетным членом Императорской публичной библиотеки⁴¹.

Четвертое столичное учреждение в послужном списке И. А. Б. Дорна — это Санкт-Петербургский императорский университет. Он вел здесь два курса: санскритского языка в 1838—1842 гг. и афганского языка в 1855—1857 гг.

О введении санскритского языка в программу университетского Разряда восточной словесности И. А. Б. Дорн начал хлопотать сразу же после приезда в Санкт-Петербург в 1835 г. Интерес у него к этому языку зародился еще до прибытия в Россию. В харьковский период он, как отмечалось выше, приобрел опыт обуче-

ния этому предмету и издал первую монографию по санскритологии⁴². 8 января 1836 г. попечитель (1832—1842 гг.) Санкт-Петербургского учебного округа Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794—1869) сообщил о согласии Министерства на введение нового курса. Все же решение вопроса затянулось, очевидно, из-за того, что в течение нескольких месяцев 1836 г. санскрит в Университете читал Роберт (Христианович) Ленц (1808—1836)⁴³. (Этот первый опыт преподавания санскрита был кратковременным, так как преподаватель в том же году скончался⁴⁴.) Только 22 декабря 1837 г. министр народного просвещения С. С. Уваров своим приказом «дозволил профессору Учебного отделения восточных языков Дорну» открыть в Университете «безмездное (без жалования. — А. К.) чтение лекций санскритского языка»⁴⁵.

Курс этот «не по приглашению Университета, а по собственному его желанию» И. А. Б. Дорн начал 4 октября 1838 г.⁴⁶ Читал он по две лекции в неделю для студентов и вольнослушателей. В списке желающих посещать эти занятия числились девять студентов Разряда восточной словесности и два студента Юридического факультета⁴⁷. Постоянные слушатели (их было четверо), по отзыву лектора, занимались с «самым похвальным прилежанием», а сам он преподавал «со всевозможным старанием»⁴⁸. Дело шло успешно, и 19 апреля 1840 г. ректор (1840—1861 гг.) Петр Александрович Плетнев (1792—1865) обратился к И. А. Б. Дорну с письмом, в котором, отмечая «весьма немаловажные успехи студентов в изучении санскритского языка», предложил «произвести им испытание»⁴⁹. Несмотря на эти положительные оценки, 18 мая 1842 г. И. А. Б. Дорн обратился в Совет университета, а на следующий день — к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Григорию Петровичу Волконскому (1808—1882) по одному и тому же вопросу: о «дозволении прекратить лекции по санскритскому языку», и с окончанием 1841—1842 учебного года его курс более не возобновлялся⁵⁰. Причиной ухода И. А. Б. Дорна в литературе считается избрание его экстраординарным академиком. Несомненно, возросшие в связи с этим обязанности по Академии, а также назначение его в том же году директором Азиатского музея сыграли определенную роль. Тем не менее важно отметить, что в его официальном письме в Совет университета есть следующие слова: «Теперь, когда Академия наук выделила особого представителя санскритского языка — ему освобождаю место и в университете»⁵¹. Если вспомнить, что 5 марта 1842 г. Императорская академия наук избрала адъюнктом «по санскритскому языку и словесности» доктора Отто (Николаевича) Бетлинг(к)а (1815—1904), «высочайше» утвержденного в этом звании 22 мая 1842 г.⁵², становится ясной основная причина просьбы И. А. Б. Дорна об окончании своего курса. Высоко оценив «четырёхлетние безмездные труды его, оправданные отличными успехами обучавшихся санск-

ритскому языку», Совет университета 28 октября 1842 г. ходатайствовал о выплате ему вознаграждения. Ответ высшей инстанции был отрицательным — на том основании, что он читал «сии лекции по собственному желанию»⁵³.

Второй раз И. А. Б. Дорн преподавал в Санкт-Петербургском императорском университете в 1855—1857 гг., предложив свои услуги по ведению курса афганского языка. Афганским языком он, первым из европейских ученых, серьезно занимался много лет. Сведения об Афганистане собирались им еще в 1826—1829 гг. во время поездок по странам Западной Европы. В 1829 г. в Лондоне вышла его первая работа по истории Афганистана, основанная на афганских источниках. Вторым том этого труда был подготовлен в Харькове и издан в Лондоне в 1836 г.⁵⁴ — за что автор «перевода с персидского на английский язык Истории афганцев» получил по указу Николая I «единовременное награждение»⁵⁵. В сентябре 1839 г. И. А. Б. Дорн прочел на академическом собрании доклад о грамматическом строе афганского языка; материалы по этой теме он начал собирать еще в Харькове⁵⁶. Текст доклада был издан в 1840 г.⁵⁷ В 1842 г. в Бюллетене Императорской академии наук напечатали его работу «Добавления к грамматике афганского языка»⁵⁸, а в 1845 г. в Санкт-Петербурге вышло из печати его сочинение «Дополнения к грамматическим заметкам о языке пашто»⁵⁹. В перечисленных трудах И. А. Б. Дорна впервые было представлено систематическое изложение основных особенностей грамматики названного языка. В 1847 г. в списке его работ появилась первая в истории науки «Хрестоматия языка пашто, или афганского языка», состоящая из отрывков текстов исторического и поэтического содержания, а также историко-филологического комментария и афгано-английского глоссария⁶⁰. За составление Хрестоматии, в течение длительного времени служившей учебным пособием по изучению афганского языка, составитель ее был «награжден» по указу Николая I от 18 февраля 1848 г.⁶¹

Научный интерес И. А. Б. Дорна к афганистике, а также государственные требования политического и торгового характера, подтолкнули его к проекту открытия в Санкт-Петербургском императорском университете курса афганского языка. 21 марта 1855 г. он обратился с этим предложением в Министерство народного просвещения⁶². В письме он сообщал, что его занятиями по изучению Афганистана заинтересовалось лондонское Азиатское общество, но он желал бы, чтобы его деятельность, в том числе и как преподавателя, в этой области проходила в России. Данный документ был передан для обсуждения на Факультет восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета (Факультет был создан в 1854 г. на базе Разряда восточной словесности). В решении заседания Факультета, состоявшегося 5 ноября 1855 г., отмечалось, что «введение афганского языка в

число изучаемых предметов» было бы «весьма важным приобретением», ибо он «без сомнения, принадлежит к числу тех азиатских языков, которые наиболее нужны в настоящее время для России»; что И. А. Б. Дорн по опыту и знаниям должен быть признан достойным преподавателем нового предмета; что поскольку последний не входит в перечень дисциплин, полагающихся по уставу, его не надо «привязывать» к одному разряду, чтобы «слушать оный по желанию» могли студенты всех отделений, а кандидатский экзамен по нему считался бы «дополнительным»⁶³. Постановление Факультета было «высочайше» утверждено 23 ноября 1855 г.⁶⁴

Чтение курса началось 18 января 1856 г.; занятия проводились два раза в неделю⁶⁵. О количестве слушателей сохранились разноречивые сведения. Сравнивая их, можно утверждать, что аудитория включала шесть человек: это Ф. Митошский, В. Максимов, Ю. Богушевич, К. Битепаж, Г. Мельгунов и В. Безобразов⁶⁶. Двое последних были выпускниками IV курса арабо-персидско-турецко-татарского разряда СПИУ и на первом «испытании из афганского языка» получили отличные оценки⁶⁷. Их целью была подготовка к магистерской степени — со специализацией по афганистике⁶⁸.

В литературе при упоминании курса И. А. Б. Дорна речь обычно идет о лекциях по афганскому языку. Только однажды среди университетских дисциплин 1850-х гг. назван предмет «Афганский язык и литература»⁶⁹. Новые подробности о содержании этого курса мы узнаем из документа, хранящегося в личном фонде И. А. Б. Дорна⁷⁰. Речь идет о «Программе афганского языка», подписанной инициалами Е. Т. и составленной в 1856—1857 гг. Это либо текст, составленный по поручению ученого, либо копия текста, написанного им самим: в документе упоминается Афганская грамматика «нашего почтенного профессора»⁷¹ (И. А. Б. Дорна. — А. К.). В «Программе» дан детальный план курса — единственного за весь XIX в., связанного с изучением Афганистана. В ней — четыре раздела.

В первом разделе названы следующие темы: «Местожителство афган»⁷². Ошибочность мнения о происхождении афганского языка от еврейского, как восточных писателей, так и английских миссионеров, основывавших свое мнение на многочисленности арабских слов, однокоренных с еврейскими, на одинаковости некоторых обычаев у обоих народов. Древнейшее упоминание Пушту в главе Пакты Геродота⁷³. Мрачность древней истории афган и прояснение ея с принятием ислама. VII ст[олетие]. Влияние Корана. Мухаббетова азбука. Гласные звуки.

Содержание второго раздела: «Покорение афган Махмудом Газневидским»⁷⁴ в XI ст[олетии]. Походы его с ними по свидетельству историка Отби⁷⁵ на персов и индейцев. Влияние этих языков

на афганский. Сходство спряжений с персидскими, склонений с индейскими. Мнение Эльфинстона⁷⁶, что значительная часть — собственные слова. Многочисленность заимствованных слов. Замечательность явления: процветание персидской литературы, не имевшей влияния на афган. Выражение Мухаббет-хана⁷⁷ о языке Пушту». Далее в программе: изучение имен мужского и женского родов, множественное число, склонения.

Третий раздел посвящен языку и литературе Афганистана 1850-х гг. — современного И. А. Б. Дорну периода: «Нынешнее состояние афганского языка. Уважение к афганским поэтам Рехману, Мирзе, Хушхалу⁷⁸ и другим. Сочинение Ахмед шаха⁷⁹ на афганском языке. Чем ограничивается афганская литература? Два рассуждения об афганском языке Клапрота⁸⁰. Особенно о втором. Содержание второго рассуждения Клапрота: азбука, имя числительное, спряжение недостаточных глаголов. Перевод «Отче наш» и XV гл[авы] Матвея. Небольшой словарь». Далее в программе: имя прилагательное, «женский род, множественное число, склонение».

В заключительном четвертом разделе речь идет об истории изучения афганского языка, главным образом о «толковании» афганской грамматики И. А. Б. Дорном: «Исследование о языке Пушту Эвальда⁸¹. Достоинство и недостатки этого сочинения. Исследование нашего почтенного профессора. Основание этого рассуждения на Рехмане, Мирзе, Арабской проповеди, переведенной Бабуджаном⁸². Трудность определения грамматических правил. Слова Ахмет Афгани Ахуна Дервиза⁸³ о неправильности языка. Разделение его на диалекты». Далее в программе: личные, возвратные, указательные, относительные местоимения; количественные, порядковые, разделительные числительные.

Судя по приведенному документу, курс был составлен с тем расчетом, чтобы одновременно сообщать слушателям сведения по языку, литературе и истории Афганистана, соединяя разноплановый материал и перекидывая мостики от одной отрасли знания к другой. Ценность этого метода заключалась в том, что в таком случае язык постигался на фоне истории народа и его литературы. Не вызывает сомнения, что продолжение курса сыграло бы важную роль в развитии афганистики в России.

Но дело приняло иной оборот. Внешне все обстояло благополучно до осени 1857 г. 1 июня этого года министр народного просвещения (1853—1858 гг.) Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) «объявил признательность» «за безмездное отлично-усердное и вполне успешное преподавание» афганского языка⁸⁴. В сентябре, вероятно, вернувшись из летнего отпуска, И. А. Б. Дорн узнал об этом лестном отзыве и в октябре (то есть в новом учебном году) возобновил свои лекции⁸⁵. Между тем, судя по переписке и другим бумагам И. А. Б. Дорна, уже с весны 1857 г. он сомневался в том,

будет ли его курс сохранен в университетской программе⁸⁶. И действительно, начавшись осенью 1857 г., занятия его со слушателями-афганистами вскоре прекратились.

Причиной этого внезапного окончания курса в литературе считается «множество других занятий» И. А. Б. Дорна⁸⁷. На самом деле никаких дополнительных обязанностей у него в эти годы не прибавилось, а те, что имелись, не мешали ему длительное время разрабатывать методiku нового курса, составлять учебные пособия, упорно добиваться осуществления своего плана и усердно претворять его в жизнь. Следовательно, была другая причина: были, по выражению И. А. Б. Дорна, «особые обстоятельства», которые заставили его прервать свое любимое дело.

Предыстория вопроса относится к концу 1856—началу 1857 г., когда в зарубежной прессе появился ряд статей, посвященных одной теме: введению афганского языка в программу Санкт-Петербургского императорского университета как факту — «единственному в целой Европе»⁸⁸. Повышенный интерес это событие вызвало в Англии. 13 января 1857 г. профессор-индианист (с 1850 г.) Оксфордского университета Фридрих Макс Мюллер (1823—ок. 1894) поместил в газете «Таймс» свою очередную статью по истории востоковедного образования в разных странах. Он подчеркивал отставание в этом вопросе Англии и настаивал на открытии в ней специальной восточной академии. В качестве примера автор привел афганскую кафедру в Санкт-Петербурге, упрекнув свою страну в том, что при всей заинтересованности в изучении Афганистана — она таковой не имеет. Содержание публикации позволяет думать, что поводом к ее написанию был именно приоритет России в подготовке кадров афганистов⁸⁹.

Статья Ф. М. Мюллера спровоцировала полемику, развернувшуюся, в частности, на страницах газет Англии и России⁹⁰. Обсуждение вышло за рамки научного спора и приобрело политическую окраску. Спор сводился к тому, есть ли связь между развитием востоковедной науки в России и стремлением этой страны расширить свое влияние на Востоке. Главным аргументом в споре была все та же афганская кафедра. Из российских публикаций наибольший интерес представляет статья в «Санкт-Петербургских ведомостях», подписанная инициалами Н. А.⁹¹ Автор ее, указывая причины, по которым, с его точки зрения, афганский язык не преподается в Англии (в британской Ост-Индии имеется немало людей, знающих этот язык) и во Франции (страна не имеет контактов с Афганистаном), вместе с тем ни словом не пытался обосновать заинтересованность России в изучении соседнего с ней государства. Более того, он принижал «ученое значение» афганского языка и делал это в выражениях, недопустимых на уровне научных дискуссий: «Афганский язык, который по бедности его и скудости литературы приличнее назвать наречием, не входит в число

кафедр восточного факультета; он преподается лишь privately, и то потому, что академик Б. А. Дорн сам изъявил желание обучать ему, едва ли не временно. Факультет, при учреждении своем, никогда и не имел в виду этого незначительного предмета... И какое политическое значение может иметь наречие, преподаваемое книжным образом, наречие народа, с которым мы не состоим в сношениях? Об ученой же ничтожности афганского наречия никто спорить не станет, особливо после того, как академик Дорн представил чуть ли не всю афганскую литературу на нескольких десятках печатных листов»⁹².

Автор приведенной статьи несомненно выполнял заказ властей, стремившихся не обострять англо-российских отношений. В этом рвении он явно перестарался: совсем не обязательно было при этом умалять до такой степени ценное начинание И. А. Б. Дорна и задевать его самолюбие как зачинателя нового научного направления. В результате сошлись два стремления: руководства Факультета восточных языков — избавиться от «опасного» предмета и И. А. Б. Дорна — прекратить дело, получившее столь несправедливую оценку. В бумагах ученого сохранился черновик письма к декану (1855—1859 гг.) Факультета восточных языков Мирзе Мухаммеду Али (Александру Касимовичу) Казем-беку (1801—1870), в котором говорится: «Усмотрев из Санкт-Петербургских ведомостей, какого мнения Факультет об афганском языке, я считаю делом чести прекратить свои лекции, хотя мне чрезвычайно жаль, что мои усердные слушатели должны прервать занятия свои этим, по моему мнению, важным предметом. Петербург отныне перестает быть единственным местом, где изучается язык Афганистана»⁹³. Неизвестно, было ли это письмо отправлено по назначению, но для нас этот документ важен тем, что он доказывает высокие личностные качества его автора и полностью объясняет причину прекращения первого и последнего в Российской империи курса афганского языка.

На университетском уровне деятельность И. А. Б. Дорна была оценена должным образом: время чтения им двух курсов было внесено в его «формулярный список» (в стаж)⁹⁴, в 1862 г. при подготовке перечня трудов университетских преподавателей он также не был забыт⁹⁵; 5 февраля 1875 г., в день 50-летия его научной деятельности, Университет преподнес ему адрес, в котором среди прочих заслуг отмечены были и его усилия по обучению студентов⁹⁶.

В целом преподавательская деятельность И. А. Б. Дорна не была столь продолжительной и непрерывной, как, скажем, его служба в Императорской академии наук. Между тем она привлекала его, он возвращался к ней неоднократно в течение всей своей жизни, причем по собственному почину и часто даже не получая за нее жалованья. Эта деятельность отражала широту его на-

учных интересов. В читаемые им курсы он включал проблемы исследовательского характера, в том числе и связанные со странами, в изучении которых сам он был зачинателем. Его постоянные попытки расширить число изучаемых в учебных заведениях восточных дисциплин не всегда встречали должную поддержку; начатые им курсы иногда были кратковременными. Все это не умаляет его заслуг как преподавателя, а скорее говорит об его энтузиазме и глубококом понимании задач востоковедного образования.

По мнению современников, И. А. Б. Дорн относился к ученым западноевропейского происхождения, которые были «горячими приверженцами России», «русскими по направлению», считавшими, что российские интересы должны быть «ближе к их сердцу, чем интересы покинутой родины»⁹⁷. Это убеждение основывалось на осознании своего дела, своего долга, своей жизни, которые волею судеб оказались связанными с этой страной. Подобный взгляд И. А. Б. Дорна отразился в его ответном письме на упомянутый выше поздравительный адрес Санкт-Петербургского императорского университета. В нем он писал: «Благосклонное внимание Санкт-Петербургского университета, в состав которого входят лучшие представители науки по тем отраслям востоковедения, разработке которых преимущественно была посвящена моя деятельность, представляется мне, между прочим, самым верным и драгоценным доказательством того, что мои усилия, направленные на разъяснение вопросов, имеющих ближайший интерес для России, остались не совсем без успеха и что мне удалось принести, хоть некоторую, пользу этой столь любезно приютившей меня стране»⁹⁸. Это высказывание И. А. Б. Дорна можно считать оценкой всей его деятельности в рамках российского востоковедения.

Примечания

¹ Переписка И. А. Б. Дорна с востоковедами Иосифом (Федоровичем) Готвальдом (1813—1897), Иосифом Юлианом (Осипом Ивановичем) Сенковским (1800—1858), Матвеем Авельевичем Гамазовым (1812—1893), Владимиром Владимировичем Вельяминовым-Зерновым (1830—1904) и другими требует специального изучения — см.: ПФАРАН, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 41, 49, 65, 193; РНБ(СПб) ОР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 37; Там же, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 281.

² Новое время. СПб., 1881. № 1878. С. 3; Новое время. СПб., 1881. № 1924. С. 3; Отчет Императорской академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделению за 1881 год // Записки Императорской академии наук. СПб., 1882. Т. 40. Кн. 2. С. 44—45 и др.

³ Первоначальный вариант данной статьи см.: Куликова А. М. Б. А. Дорн и университетское востоковедение в России // Народы Азии и Африки. М., 1975. № 2. С. 220—228.

⁴ Библиографию трудов И. А. Б. Дорна см.: Histoire des orientalistes de l'Europe du XII-e au XIX-e siècle par G. Dugat. T. 1. Paris, 1868. P. 75—99.

⁵ В литературе приводятся другие даты рождения И. А. Б. Дорна: 1800 г., 1803 г.

- 6 Отчет Императорской академии наук... за 1881 г. С. 2.
- 7 Новое время. СПб., 1881. № 1924. С. 3.
- 8 Histoire des orientalistes de l'Europe... P. 72.
- 9 Куликова. [Законодательные акты]. С. 228. № 278.
- 10 Там же. С. 229. № 284.
- 11 Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908. С. 20; *Рославский-Петровский А.* Об ученой деятельности Императорского харьковского университета в первое десятилетие его существования // ЖМНП. 1855. Ч. 87. Отд. 5. С. 23; *Багалец Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1904. Т. 2. С. 608.
- 12 Крачковский. Очерки... С. 75.
- 13 Цит. по: *Багалец Д. И.* Опыт истории... Т. 2. С. 609. Воспоминания, на которые ссылается Д. И. Багалец, были опубликованы в газете «Южный край» (Харьков, 1882. № 711—713 и 722) под псевдонимом Н.
- 14 *Багалец Д. И.* Опыт истории... Т. 2. С. 595.
- 15 Историко-филологический факультет... С. 20. Вероятно, речь идет об учебном пособии: *Болдырев А. В.* Новая арабская хрестоматия. М., 1832.
- 16 Куликова. [Законодательные акты]. С. 208. № 85; С. 210. № 98; С. 229. № 286.
- 17 Там же. С. 326—327. № 72.
- 18 Там же. С. 229. № 287.
- 19 *Dorn B.* De affinitate linguae slavicae et sanscritae. Kharkoff, 1832.
- 20 Куликова. [Законодательные акты]. С. 327. № 82.
- 21 АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 97, л. 39.
- 22 В качестве адъюнкта И. А. Б. Дорн выступил на общем академическом собрании 29 декабря 1839 г. Его «речь» посвящалась истории востоковедения в России. В ней были отмечены: учебные заведения XVII—первой четверти XIX в., в которых преподавались восточные языки; центры, где накапливались материалы по Востоку; проекты по востоковедению; имена наиболее выдающихся востоковедов — и делался вывод о высококом уровне этой науки и о важном месте в ней столичной «ориенталистики». Текст «речи» был издан: *Dorn B.* Über die hohe Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der Asiatischen Studien in Russland. St.-Pb., 1840.
- 23 Куликова. [Законодательные акты]. С. 104. № 36, 38; С. 105. № 44; С. 111. № 103.
- 24 Там же. С. 108. № 76.
- 25 *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pb., 1846. Материалы по этой теме хранятся в личном фонде И. А. Б. Дорна — ПФАРАН, ф. 776.
- 26 Куликова. [Законодательные акты]. С. 117. № 162.
- 27 Там же. С. 117. № 166; С. 124. № 236; С. 130. № 293; С. 139. № 78. Результаты поездки нашли отражение в «Отчете об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря» (СПб., 1861), а также в «Атласе к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря» (СПб., 1895, издание Императорского русского археологического общества).
- 28 Куликова. [Законодательные акты]. С. 117. № 167.
- 29 Там же. С. 123. № 224; С. 126. № 254, 257 и др.
- 30 22 марта 1860 г. И. А. Б. Дорн был избран членом-корреспондентом Императорского русского археологического общества — см.: Куликова. [Законодательные акты]. С. 144. № 119.
- 31 Захир ад-дин (Зегир-Эддин) — персидский историк XV в.

³² Sehîr-Eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masandaran. Persischer Text, herausgegeben von Dr. V. Dorn. Spb., 1850.

³³ Куликова. [Законодательные акты]. С. 123. № 230.

³⁴ Там же. С. 183. № 503.

³⁵ Там же. С. 183. № 507.

³⁶ Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St.-Petersbourg. St.-Pb., 1852.

³⁷ Куликова. [Законодательные акты]. С. 183. № 510; С. 184. № 513.

³⁸ ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 17, л. 7—8.

³⁹ Там же, л. 24—25.

⁴⁰ Куликова. [Законодательные акты]. С. 184. № 518, 520.

⁴¹ Там же. С. 185. № 523.

⁴² См. примеч. 19.

⁴³ РГИА, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 162, л. 1.

⁴⁴ См. раздел настоящей работы «Р. Ленц (1808—1836) — основоположник университетской санскритологии в России».

⁴⁵ Куликова. [Законодательные акты]. С. 242. № 403.

⁴⁶ ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 6; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 162, л. 9.

⁴⁷ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 162, л. 9.

⁴⁸ Там же, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 4756, л. 1—1 об.

⁴⁹ ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 2.

⁵⁰ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4524, л. 1—1 об.; ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 5.

⁵¹ ЦГИАСПб, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 4756, л. 2; Там же, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4524, л. 1—1 об.

⁵² Куликова. [Законодательные акты]. С. 104. № 37.

⁵³ ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 5.

⁵⁴ Dorn V. The History of the Afgans. Translated from the Persian of Neamet ullah. London. T. 1. 1829. T. 2. 1836.

⁵⁵ Куликова. [Законодательные акты]. С. 227. № 77.

⁵⁶ ЖМНП. 1834. Ч. 3. Отд. 3. С. 443.

⁵⁷ Dorn V. Grammatische Bemerkungen über das Puschtu, oder die Sprache der Afghanen. St.-Pb., 1840.

⁵⁸ Dorn V. Nachträge zur Grammatik der afghanischen Sprache // Bulletin scientifique, publié par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. T. X. N 23. St.-Pb., 1842. P. 356—368.

⁵⁹ Dorn V. Zusätze zu den grammatischen Bemerkungen über das Puschtu. St.-Pb., 1845.

⁶⁰ Dorn V. A Chrestomathy of the Puchtu of Afghan Language. St.-Pb., 1847.

⁶¹ Куликова. [Законодательные акты]. С. 123. № 227.

⁶² ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15276, л. 1; РГИА, ф. 733, оп. 26, ед. хр. 130, л. 202—203.

⁶³ РГИА, ф. 733, оп. 26, ед. хр. 130, л. 492, 511; ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 7; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15276, л. 1—2 об.; Там же, ед. хр. 15285, л. 15; Материалы для истории факультета восточных языков. СПб., 1905. Т. 1. С. 290—291, 299—303.

⁶⁴ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5479, л. 32 об.—33; Там же, оп. 3, ед. хр. 15276, л. 4; ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 8—8 об.; Куликова. [Законодательные акты]. С. 246. № 439.

⁶⁵ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15276, л. 9; Там же, оп. 1, ед. хр. 5565, л. 5.

⁶⁶ Там же, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5590, л. 1. Виктор Александрович Максимов (1836—1900) — выпускник СПИУ (1859 г.), тюрколог. Юрий (Егор, Гс-

оргий) Богушевич (1835—1901) — выпускник СПИУ (1857 г.), востоковед, библиограф. Григорий Валерианович Мельгунов (1834—1873) — выпускник СПИУ (1856 г.), востоковед-историк. Валериан (Василий) Владимирович Бездобразов (ок. 1836—1895) — выпускник СПИУ (1856 г.), востоковед, дипломат.

67 ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 10.

68 ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15272, л. 3.

69 Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... С. 286.

70 ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 17, л. 54—55.

71 Там же, л. 55.

72 Написание восточных имен и названий оставлено без изменений.

73 Геродот (ок. 485—ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк.

74 Махмуд-Газни (970—1030) — представитель мусульманской династии в

Индии.

75 Отби (Абу Наср Мухаммад ибн Абд ал-Джаббар ал-Утби (350/961—427/1035) — газнийский историк.

76 М. Эльфинстон (1779—1859) — историк, посол Англии в Афганистане.

77 Навваб Махаббат-хан (?—1807 или 1808) — сын вождя афганских племен на территории Индии, знаток афганского, персидского языков, хиндустани.

78 Абд ар-Рахман Моманд (II половина XVII в.—XVIII в.) — афганский поэт. Мирза-хан Ансари (?—1633) — афганский поэт. Хушхал-хан Хатака (XVII в.) — афганский поэт, автор дидактических сочинений, историк.

79 Ахмед-шах (ок. 1724—1773) — основатель «царства» афганцев.

80 Генрих Юлий Клапрот (1783—1835) — немецкий востоковед, находился в России в 1805—1810 гг.

81 Георг Генрих Август Эвальд (1803—1875) — гебраист-арабист, профессор Геттингенского университета.

82 Бабу-джан Лагмани (ок. 1640—начало XVIII в.) — теолог, знаток афганского, персидского, арабского языков и литературы на этих языках.

83 Ахунд Ахмет Дарвеза (1533—1638) — знаток афганского языка.

84 Куликова. [Законодательные акты]. С. 246. № 442.

85 ПФАРАН, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 104, л. 48—48 об.; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5565, л. 16; Там же, оп. 3, ед. хр. 15276, л. 18.

86 ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 15, л. 12; ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15276, л. 15.

87 Веселовский. Сведения... С. 252. Это мнение повторено в других работах.

88 ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5565, л. 11.

89 Цит. по: *Н. И.* Статья газеты «Times» о восточном факультете Санкт-Петербургского университета // СПВ. 1857. № 74. С. 376—377.

90 См.: *Казем-Бек М. А.* Заметки на статью [господи]на Н. И. о Факультете восточных языков // СПВ. 1857. № 91. С. 471—472; *Сын отечества.* 1857. № 9. С. 214; *Н. И.* Статья газеты...

91 См. примеч. 89.

92 *Н. И.* Статья газеты... С. 377.

93 ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 17, л. 56.

94 Там же, оп. 2, ед. хр. 81, л. 1 об.

95 Там же, оп. 3, ед. хр. 17, л. 17.

96 Там же, л. 35—36.

97 *Григорьев В. В.* Академик Б. А. Дорн // Новое время. СПб., 1881. № 1924. С. 3.

98 ПФАРАН, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 17, л. 37.

Р. Ленц (1808—1836) — основоположник УНИВЕРСИТЕТСКОЙ САНСКРИТОЛОГИИ В РОССИИ

Востоковед Р. Ленц прожил короткую, но наполненную научными свершениями жизнь. Деятельность этого ученого нашла отражение в литературе¹, между тем сведений о нем не так много и в ряде случаев они противоречивы. Предлагаемый очерк о Р. Ленце построен в основном на архивных источниках, что позволило уточнить фактические данные и расширить наше представление о нем².

Роберт (Христианович) Ленц родился в Дерпте³ 23 января 1808 г. в семье обер-секретаря городского магистрата⁴. В 1824 г. он, окончив гимназию, поступил на Богословский факультет Дерптского императорского университета (1802 г.), где наряду с другими предметами начал изучать арабский и древнееврейский языки. Преподавал их руководитель (1820—1829 гг.) кафедры экзегетического богословия и восточных языков, доктор (1820 г.) Самуил Готлиб Рудольф Генци (Гензиус) (1794—1829)⁵, бывший учеником французских востоковедов Антония Исаака Сильвестра де Саси (1758—1838) и Антуана Леонарда Шези (1773—1832). Последний обучал С. Г. Р. Генци, в частности, санскриту, и тот, в свою очередь, познакомил с этим языком Р. Ленца. За успехи в овладении знаниями студент Р. Ленц в 1827 г. был удостоен серебряной медали. В 1828 г. он завершил университетский курс и уехал в Ревель (Таллин), где недолго учительствовал в здешнем Благородном училище⁶.

В 1830 г. начинается новый период в жизни Р. Ленца. Переехав в этом году в Санкт-Петербург, он установил научные контакты с академиком Крестьяном Мартином (Христианом Даниловичем) Френом (1782—1851) и Исааком Якобом (Яковом Ивановичем) Шмидтом (1779—1847), которые оказали заметное влияние на его дальнейшую творческую судьбу. С этого времени он полностью посвятил себя науке и, главным образом, востоковедению.

По предложению К. М. Френа и при содействии президента (1818—1855 гг.) Императорской академии наук Сергея Семеновича Уварова (1786—1855) Р. Ленц весной 1830 г. был направлен в Берлинский университет для «усовершенствования» знаний в области

философии⁷. Здесь он прослушал «курс санскритского языка и сравнительной грамматики», который читал ведущий санскритолог Европы академик Франц Бопп (1791—1867). Немецкий ученый, оценив способности российского стажера, одобрял его научные замыслы и помогал ему советами. В частности, он похвально отозвался о первой работе Р. Ленца, изданной в Берлине и содержащей санскритский текст драмы Калидасы и перевод его на латинский язык⁸. Сам же автор не считал работу над текстом завершенной и стремился расширить тему с привлечением рукописей парижских и лондонских собраний. О продлении его научных занятий вне России Ф. Бопп просил похлопотать К. М. Френа, которому 28 июня 1833 г. написал по этому поводу письмо⁹.

Вероятно, в начале июля 1833 г. Р. Ленц выехал в Санкт-Петербург и уже в сентябре опубликовал здесь описание санскритских рукописей Азиатского музея Императорской академии наук¹⁰. В литературе существует мнение, что эта работа была докторской диссертацией Р. Ленца¹¹, но тогда непонятно, почему на титуле его первого сочинения он назван «Робертусом Ленцем, доктором философии». Очевидно, докторскую степень ему присудили в Берлине за его успехи в овладении философскими науками — с этой целью он и был туда отправлен.

Пожелание Ф. Боппа о новой командировке Р. Ленца было учтено: в августе 1833 г. Николай I утвердил его поездку в Англию на два года для «усовершенствования в языке санскритском» и поручил академикам К. М. Френу и И. Я. Шмидту составить «наставление, коим бы он мог руководствоваться для лучшего достижения своей цели»¹². «Наставление» было подготовлено к 9 сентября 1833 г. Академики ограничились общими пожеланиями изучать санскритские рукописи и пользоваться советами местных ученых¹³. Вместе с «наставлением» Р. Ленцу вручили «300 червонцев на первый год», заграничный паспорт, свидетельство «о неимении к выезду его препятствий», и он 16 сентября 1833 г. на пароходе отправился в Англию¹⁴.

Вторая зарубежная командировка Р. Ленца стала апогеем его короткой научной деятельности. О своих занятиях он периодически «доносил» упомянутому С. С. Уварову, в 1833—1849 гг. занимавшему пост министра народного просвещения и к тому же бывшего сторонником идеи приоритетного изучения санскрита. Из донесений (отчетов) явствует, что в первый год Р. Ленц изучал санскритские рукописи в библиотеках Ост-Индской компании и Королевского азиатского общества, а также в Британском музее, копируя наиболее интересные для него источники и описывая остальные. Тогда же он начал изучать новейшие индийские языки и литературы.

Донесения сохранили сведения о широких профессиональных связях Р. Ленца в этот период со многими европейскими и англ-

лийскими санскритологами. Здесь встречаются имена Э. Бюрнуфа, Г. Брокгауза, Кольбука, Вилькинса, Гаутона и др.¹⁵

Особенно плодотворным было знакомство с Горацием (Горасом Гайманом) Вильсоном (1785—1860), который с 1833 г. вел курс санскрита в Оксфордском университете. В период службы секретарем Бенгальского азиатского общества (с 1811 г.) он собрал коллекцию индийских рукописей. Р. Ленц загорелся желанием увидеть это «драгоценное собрание манускриптов» и 26 сентября 1834 г. обратился к С. С. Уварову с просьбой провести зиму в Оксфорде¹⁶. Это ему было разрешено.

В январе 1834 г. в Лондон приехал профессор-санскритолог Фридрих Август Розен (1805—1837), с которым Р. Ленц также обменивался идеями, планами, материалами¹⁷.

Не порывал он связи и с Ф. Боппом, получая в письмах его отзывы и советы. 3 ноября 1833 г. Ф. Бопп писал, что было бы «благоразумно заняться дополнениями к драме «Uṛvāsi» и издать «поправки тотчас по окончании сей работы»¹⁸. Р. Ленц прислушался к этому пожеланию и уже в следующем году на основании новых материалов подготовил в Лондоне и издал в Берлине «Дополнения» к поэме Калидасы, исследование которой он начал в 1833 г.¹⁹ Намерение Р. Ленца изучать в это время «зендский язык» Ф. Бопп не поддержал, опасаясь, что трудность овладения им отвлечет его молодого коллегу от занятий санскритскими источниками.

Почти два года провел Р. Ленц за границей. Работал он здесь «с таким напряжением сил, что собрал ученый материал, разработки которого, по собственному его выражению, хватило бы на целую жизнь трудолюбивого человека»²⁰. Этот «ученый материал» (списки рукописей, комментарии к ним, заготовки к «грамматике и словарю хиндустани», выписки из источников и литературы о буддизме, библиографические заметки и другие записи) сохранился²¹ и привлекает внимание современных исследователей.

10 июля 1835 г. Р. Ленц собирался выехать из Лондона в Париж²², а затем — в Россию. В литературе есть мнение, что в Париже он пробыл несколько дней и в конце июля отправился в Россию²³. Между тем более точную дату его возвращения — осень 1835 г. — приводит один из авторов упоминавшегося «наставления» академик И. Я. Шмидт²⁴.

2 октября 1835 г. состоялось заседание Конференции Императорской академии наук, специально посвященное отчету Р. Ленца о его командировке в Лондон, Оксфорд и Париж²⁵. Он рассказал академическому собранию о своих научных занятиях, деловых встречах, собранных материалах и представил на рассмотрение ученых четыре публикации²⁶. После прочтения отчета на этом же заседании академики-«наставники» К. М. Френ и И. Я. Шмидт написали отзыв «об успешном исполнении г. Ленцом данного ему

наставления». Они отметили, что представленные им сочинения «доказывают основательные познания его в древнем священном языке индейцев, так и вообще в классической филологии, и что по критическому духу, господствующему в сих трудах, по методе коею сочинитель руководствовался и по приобретенным им успехам можно судить о способности его водворить в отечестве нашем изучение санскритского языка коего важность в новейшее время дознана всеми учеными»²⁷. Они же предложили специально для Р. Ленца «открыть в Академии наук штатное место для санскритского языка» — с условием, «чтобы ему поставлено было в обязанность, сверх главного занятия его санскритскою литературою, приложить особое старание для изучения языков тибетского и персидского». Приняв это предложение, Р. Ленц в тот же день был единогласно избран адъюнктом Императорской академии наук «по части истории и словесности азиатских народов»²⁸. «Сей выбор» был представлен на «высочайшее одобрение». Оно последовало 17 января 1836 г., когда Николай I утвердил доклад министра С. С. Уварова по этому вопросу. Причем речь уже шла «об избрании доктора Роберта Ленца в адъюнкты санскритской литературы»²⁹. (В литературе существуют разногласия по поводу времени получения Р. Ленцем звания адъюнкта, поскольку авторы приводят точную или приблизительную даты одного из упомянутых событий: заседания академической Конференции или «высочайшего утверждения»).

Принимая участие в научной судьбе Р. Ленца, С. С. Уваров преследовал далеко идущую цель: наладить в Санкт-Петербурге постоянную подготовку санскритологов. По уставу 1835 г. в российский университет не полагалось иметь санскритскую кафедру. Поэтому Р. Ленц стал преподавать в Санкт-Петербургском императорском университете в качестве приват-доцента³⁰.

21 февраля 1836 г. по ведомству Министерства народного просвещения последовал приказ о разрешении ему «открыть публичные лекции санскритского языка и сравнительной филологии для студентов и посторонних слушателей, чтение коих он принимает на себя безмездно»³¹ (бесплатно). Курс начался 3 марта 1836 г. Лекции читались на французском языке «вне обыкновенного учебного времени». Аудитория насчитывала несколько десятков слушателей. Трое из них оставили свои воспоминания об этом событии.

Прослушав первую лекцию, выпускник Разряда восточной словесности Санкт-Петербургского императорского университета и будущий историк Востока Василий Васильевич Григорьев (1816—1881) написал статью, которая была опубликована 9 марта 1836 г. в газете «Северная пчела». В ней говорилось, что «теперь... пламенное желание любителей санскритской литературы удовлетворено» и что лектор читает «санскритскую грамматику не одну, но сравнительно с зендским, греческим, латинским, готическим и

славянским (церковным), то есть представительными языками того их семейства, которое известно в ученом мире под именем индо-германского»; в заключение статьи «всех, кто принимает участие в успехах филологии», приглашали на следующие лекции³².

Второе сообщение «о введении у нас преподавания священного языка Индии» появилось на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Автором статьи «Об изучении санскрита в России» был И. Я. Шмидт, который отметил, что курс Р. Ленца отличается «полным объемом, требуемым наукой», и что он вызвал в столице широкий интерес и всеобщее одобрение. Здесь же приводилась оценка этого факта, ставшего «первым шагом к водворению в России новой отрасли познания» — санскритологии, которая «необходима для положения прочного основания» изучению Востока, если «оно имеет высшую цель представить восточные народы в прошлом и настоящем их быту, изобразить древние и современные их события, судьбу, мнения — словом, все, что имело влияние на язык, а не ограничивается простым приуготовлением толмачей и переводчиков»³³.

Третье свидетельство принадлежит ученику Р. Ленца П. Я. Петрову. Выпускник Московского императорского университета Павел Яковлевич Петров (1814—1875) знал десятки языков, но главное место отводил санскриту. Научные связи этих людей почти не изучены. П. Я. Петров 6 октября 1834 г., в бытность его профессором востокведом в Санкт-Петербургском императорском университете, писал другу Виссариону Григорьевичу Белинскому (1811—1848) «о трудности пользоваться рукописями ост-индской библиотеки, на которую жестоко жалуются Ленца», находящийся в Лондоне, и о том, что он ждет его, «обогащенного сведениями в санскритском, и тогда смирися, Индия!»³⁴ Впоследствии П. Я. Петров также стажировался за границей, и упоминавшийся берлинский ученый Ф. Бопп сравнивал его успехи с достижениями Р. Ленца³⁵.

Свидетельство П. Я. Петрова о новом курсе Р. Ленца содержится в его письме московскому историку Михаилу Петровичу Погодину (1800—1875): «При здешнем университете открылась кафедра санскритского языка. Ленц, недавно воротившийся из Англии, собирает теперь под свои знамена до 30-ти слушателей: не удивляйтесь этому, он еще не приступил к алфавиту, которого горечь старается подсластить литературой, — но напрасно»³⁶.

Преподавательская деятельность, позволявшая поделиться своими знаниями с другими и обрести научную смену, требовала серьезной подготовки, постоянного внимания, много сил и времени. Вместе с тем Р. Ленц проводил разнообразную научную и организационную работу как адъюнкт Императорской академии наук: он систематизировал источники, привезенные из-за границы, готовил новые сочинения, сотрудничал в зарубежных издани-

ях, делал доклады на академических заседаниях, добивался приобретения в Берлине «набора санскритских шрифтов»³⁷.

В августе 1836 г. в журнале «Библиотека для чтения» было напечатано сообщение о том, что Р. Ленц готовит к изданию работу, посвященную «одной из Годжсоновых рукописей, в которой заключается все учение Будды... этого далайламского Алкорана», и что, по словам автора, язык этого произведения «есть нечто среднее между санскритским и индустанским. Таким образом, это не источник, а, по-видимому, перевод с более древнего подлинника»³⁸. Речь идет об исследовании памятника буддийской литературы Лалита-Вистора-Пурани, содержащего жизнеописание Будды³⁹. В ноябрьской книжке названного журнала об этой работе сообщалось следующее: «Разбор Лалита-вистара есть посмертный труд г. академика Ленца, молодого ориенталиста, который подавал собою прекраснейшие надежды и похищен у наук преждевременною смертию 25 августа, через несколько дней после того, как мы говорили здесь об его намерении сообщить ученому совету (Университета. — А. К.) перевод этого буддического творения»⁴⁰.

В этом печальном сообщении все правда — за исключением даты кончины Р. Ленца: скончался он не 25 августа, а 30 июля 1836 г. В протоколе заседания Императорской академии наук от 12 августа осталась запись, что в этот день было объявлено о смерти Р. Ленца, последовавшей 30 июля 1836 г.⁴¹ Эту же дату сохранила хроника изменений академического штата, напечатанная в Бюллетене Императорской академии наук⁴².

Деятельность способного и многообещающего ученого, талантливо преподавателя была прервана в самом ее расцвете. Оценка его научных исследований была столь высока, что специально для него в Императорской академии наук утвердили штатное место адъюнкта-санскритолога (случай, пожалуй, единственный в академической истории). Это решение определяло направление его творческих изысканий на долгие годы и вместе с тем предоставляло в его распоряжение необходимые научно-технические средства для публикации его трудов. Его лекции продолжались всего полгода, но это был первый в истории отечественного востоковедения курс санскрита, и Р. Ленц по праву считается основоположником университетской санскритологии в России.

Примечания

¹ Мсерианц Л. К истории санскритологии в России // Новый Восток. М., 1922. № 1. С. 309—315; Бескровный В. М. Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке // Вестник Ленинградского университета (Серия истории, языка и литературы). 1957. № 8. С. 37—50; Зограф Г. А. Роберт Христианович Ленц (1808—1836) // УЗЛГУ, с. в. н., 1960. № 279. Вып. 9.

С. 31—38; *Кальянов В. И.* Изучение санскрита в России // УЗЛГУ, с. в. н., 1962. № 304. Вып. 14. С. 140—167 и др.

² Первый вариант этого очерка см.: *Куликова А. М.* Р. Х. Ленц в истории отечественной индологии // Вопросы истории Тартуского университета. 1979. Т. 8. С. 157—167.

³ Дерпт — с 1893 г. Юрьев, с 1919 г. Тарту.

⁴ ПФАРАН, р. V, оп. Л-18, ед. хр. 17, л. 1—2; *Фус П. Н.* Р. Х. Ленц // СПВ. 1837. № 4. С. 15; *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Берлин, 1876. Т. 2. С. 232.

⁵ Куликова. [Законодательные акты]. С. 40; С. 202. № 18 и № 20.

⁶ РБС. 1914. Т. 10. С. 191.

⁷ Там же. С. 190; Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... С. 281.

⁸ *Urvasia fabula Calidasi. Textum sanscritum editit, interpretationem latinam et notas illustrantes adiecit Robertus Lenz Dr. Ph. Berolini Typis Academicis, 1833.*

⁹ ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 37, л. 1—2; *Мсерианц Л.* К истории санскритологии... С. 310—311.

¹⁰ См. Bericht über eine im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg deponierte Sammlung Sanskrit-Manuscripte von Dr. R. Lenz // St.-Petersburgische Zeitung. 1833. N 219. S. 860; N 220. S. 864—865; N 221. S. 869—870; N 222. S. 873—874; N 223. S. 878. В том же году в академической типографии вышло отдельное издание этой работы.

¹¹ РБС. 1914. Т. 10. С. 191; *Кальянов В. И.* Изучение санскрита... С. 145.

¹² Куликова. [Законодательные акты]. С. 103. № 30.

¹³ ПФАРАН, ф. 1, оп. 2—1833, § 454, л. 1—1 об., 4—5 об. В этом документе Р. Ленц именуется «доктором». Следовательно, еще раз подтверждается, что эту степень он имел до издания описания санскритских рукописей, последняя часть которого появилась в газете «St.-Petersburgische Zeitung» 23 сентября 1833 г.

¹⁴ ПФАРАН, ф. 1, оп. 2—1833, § 454, л. 6—8.

¹⁵ Эжен (Евгений) Бюрнуф (1801—1852) — французский санскритолог. Герман Брокгауз (1806—1877) — немецкий санскритолог. Генри Томас Кольбрук (1765—1837) — английский санскритолог. С. Вилькинс (1750—1836) — английский санскритолог. Грейф Гаутон (1788—1849) — английский санскритолог.

¹⁶ ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. 4. С. 260—261.

¹⁷ ЖМНП. 1834. Ч. 2. Отд. 4. С. 279, 283.

¹⁸ ЖМНП. 1834. Ч. 1. Отд. 4. С. 263—264.

¹⁹ *Apparatus criticus ad Urvasiam, fabulam Calidasi, quem, tanquam suae eius libri editionis appendicem, londinii conscripsit Robertus Lenz. Berolini, 1834.*

²⁰ Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... С. 281.

²¹ РОСПбФИВРАН, Ms. Ind. III, 14; IV, 9, 13; VIII, 2—9, 14, 15, 17; IX, 15, 16.

²² ЖМНП. 1835. Ч. 7. Отд. 4. С. 537.

²³ *Зограф Г. А.* Роберт Христианович Ленц... С. 38.

²⁴ ЖМНП. 1835. Ч. 9. Отд. 6. С. 699. Ср. примеч. 33.

²⁵ ПФАРАН, ф. 1, оп. 1а-1835, ед. хр. 52, § 462; Там же, ф. 1, оп. 2-1835, ед. хр. 32, § 462, л. 4—9, автограф Р. Ленца; ЖМНП. 1835. Ч. 8. Отд. 3. С. 537—538.

²⁶ Три работы упоминались выше — см. примеч. 8, 10, 19. Четвертая работа: *Lenz R.* Account of the Sabda Kalpa Drama // Journal of Royal Asiatic Society. Vol. 2. London, 1835. P. 188—200.

²⁷ ПФАРАН, ф. 1, оп. 2-1835, ед. хр. 32, § 462, л. 1—2, автограф К. М. Френа с подписями его и И. Я. Шмидта.

²⁸ Там же, л. 3 об.; ЖМНП. 1835. Ч. 8. Отд. 3. С. 537.

²⁹ ПФАРАН, ф. 2, оп. 1-1836, ед. хр. 8, л. 5 об.—6; Куликова. [Законодательные акты]. С. 104. № 33.

³⁰ Список профессоров и приват-доцентов... С. 14—15. Утверждение, что Р. Ленц занимал в Университете профессорскую должность, следует признать неверным. — Ср.: *Зограф Г. А.* Роберт Христианович Ленц... С. 31.

³¹ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 27, ед. хр. 16, л. 4—4 об., 5—7; Куликова. [Законодательные акты]. С. 242. № 400.

³² *Григорьев В. В.* Санскритский язык в России // Северная пчела. СПб., 1836. № 56. С. 224.

³³ *Schmidt I.* Studium des Sanskrit in Rusland // St.-Petersburgische Zeitung. 1836. N 65. S. 278; ЖМНП. 1835. Ч. 9. Отд. 6. С. 699—700.

³⁴ *Крачковский И. Ю.* Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому // ОИРВ. 1953. Сб. 1. С. 12, 19.

³⁵ ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 37, л. 3—4.

³⁶ ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 52, ед. хр. 74, л. 4 об. См. раздел данной работы «Востоковед П. Я. Петров (1814—1875) в его переписке с современниками».

³⁷ ПФАРАН, ф. 1, оп. 1а-1836, ед. хр. 54, § 73, § 139; Там же, оп. 2-1836, ед. хр. 5, § 73; ед. хр. 9, § 139 и др.

³⁸ Буддическая литература // Библиотека для чтения. СПб., 1836. Т. 1. С. 36—37.

³⁹ *Analise du Lalita-vistara-pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des Bouddistes de l'Asie centrale, contenant la vie de leur prophete, et ecrit en sanscrit par M. R. Lenz // Bulletin scientifique, publié par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1836. T. I. N 7. P. 49—51; N 8. P. 57—63; N 9. P. 71—72; N 10. P. 75—78; N 11. P. 87—88; N 12. P. 92—96; N 13. P. 97—99.* Работа была опубликована после смерти автора.

⁴⁰ Императорская академия наук в С.-Петербурге // Библиотека для чтения. СПб., 1836. Т. 18. Отд. 7. С. 47.

⁴¹ ПФАРАН, ф. 1, оп. 1а-1836, ед. хр. 54, § 347.

⁴² *Bulletin scientifique, publié par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1836. T. I. N 12. P. 96.*

ВОСТОКОВЕД А. Н. ГУСЕВ (1810—1835)

23 мая 1835 г., за два дня до окончания срока научной командировки, в Каире умер от чумы молодой талантливый ученый А. Н. Гусев. В литературе о нем сохранилось очень мало известий¹. Эти известия, собранные вместе и дополненные архивными источниками, легли в основу данного очерка о его короткой деятельности².

Александр Николаевич Гусев родился в 1810 г. в семье губернского секретаря. Во время обучения в Санкт-Петербургской гимназии он был одним из лучших учеников, выделяясь успехами в русской словесности, латинском и греческом языках³.

Востоковедное образование А. Н. Гусев получил в Разряде восточной словесности Санкт-Петербургского императорского университета. За три года учебы здесь (1829—1832 гг.) он изучил три восточных языка: арабский и турецкий — под руководством профессора Иосифа Юлиана (Осипа Ивановича) Сенковского (1800—1858), персидский — под руководством профессора Франсуа Бернара (Франца Францевича) Шармуа (1793—1868) и адъюнкт-профессора Мирзы Джафара Топчибашева (1790—1869)⁴. Успешно справляясь с программой, студент в свободные от лекций часы делал самостоятельные переводы с восточных языков. С персидского он перевел «Гюлистан» (Гулистан) Саади⁵. С арабского — повести из «Тысячи и одной ночи»⁶. По поводу последней работы арабист Игнатий Юлианович Крачковский (1883—1951) писал, что с именем А. Н. Гусева «связано едва ли не первое у нас упоминание о попытке перевода „1001 ночи“ с подлинника»⁷.

Уровень полученных А. Н. Гусевым в университетские годы знаний был столь высок, что, судя по сохранившимся в архивах официальным документам, его приравнивали к выпускникам Профессорского института⁸. Во всяком случае, сразу после выпускных экзаменов по «представлению» Ф. Б. Шармуа был поднят вопрос о его заграничной командировке, которая обычно являлась последним этапом подготовки будущих профессоров. 9 января 1832 г. министр народного просвещения (1828—1833 гг.) Карл Андреевич Ливен (1765—1844) представил императору Николаю I доклад о том, что А. Н. Гусев «выдержал испытание» и его кандидатура

предлагается для трехгодичной поездки в «Константинополь, Египет, Сирию, Тегеран для усовершенствования в арабском, персидском и турецком языках» — «по ведомству» Министерства иностранных дел и «за счет государственного казначейства»⁹. Высочайшие указы о выделении 1000 рублей в год на его «содержание» в период командировки и «на прогонные деньги» последовали 21 января и 6 февраля 1832 г.¹⁰ Эта сумма, «считая рубль в 250 нидерландских центов», была выделена Министерством финансов 22 марта. Через два дня А. Н. Гусеву выдали заграничный паспорт № 632 и деньги на дорогу: «на прогонные до Одессы 397 рублей 74 копейки ассигнациями и медью и на проезд в Константинополь — 125 червонных»¹¹.

Вместе с А. Н. Гусевым ехал выпускник Профессорского института (1832 г.), будущий профессор-тюрколог Санкт-Петербургского императорского университета Антон Осипович Мухлинский (1808—1877). Оба они «прикомандировывались к Царьградской миссии». Их отъезд из Санкт-Петербурга состоялся около 19 апреля, а в конце мая 1832 г. они прибыли в Турцию. Российский посланник в Константинополе Аполлинарий Петрович Бутенев (1787—1866) поручил молодых людей «непосредственному попечению драгоманов нашей миссии». Здесь они находились до марта 1834 г., то есть почти два года. Это был период интенсивных занятий турецким языком, изучения источников, «практического общения» с местными жителями, знакомства с их «нравами и обычаями», приобретения необходимой литературы¹².

Работа стажеров была столь продуктивной, а их желание полнее изучить Восток столь огромным, что уже в январе 1833 г. они начали добиваться разрешения на поездку в Сирию, Египет и Тебриз (Тавриз). В официальном прошении они подчеркивали, что в Турции не смогут успешно овладеть арабской и персидской словесностями, поскольку здесь нет людей, «знающих ученым образом сии две отрасли восточной литературы», а также не смогут получить информацию об этих народах, их языках и особенностях жизни. А. П. Бутенев поддержал их просьбу, но отъезд пришлось отложить «по причине смутных обстоятельств в том крае»¹³.

Только в конце марта 1834 г. А. Н. Гусев и А. О. Мухлинский покинули Константинополь и отправились «сухим путем чрез Малую Азию и Сирию» в Александрию — «на попечение генерального консула в Египте Дюгамеля»¹⁴. Во время поездки А. Н. Гусев подробно описывал все, что привлекало его внимание. Эти путевые заметки легли в основу отчета, который он послал 25 сентября 1834 г. А. П. Бутеневу. Последний, чтобы напомнить официальным лицам о способном специалисте, сделал с этого документа две копии и послал их в Министерство иностранных дел¹⁵ и в Министерство народного просвещения. Новый министр народного просвещения (1833—1849 гг.) Сергей Семенович Уваров

(1786—1855), оценив наблюдательность молодого автора и учитывая интерес общественности к современному Востоку, передал копию отчета А. Н. Гусева в редакцию журнала своего ведомства (ЖМНП). Материал напечатали в февральской книжке за 1835 г., и это была единственная публикация А. Н. Гусева¹⁶.

Путешествие, описанное в отчете, продолжалось с 28 марта по 27 июля 1834 г. Его маршрут был таков: Модания—Брусса (Бурса)—Смирна—Внутренняя Анатолия—Кония (6 мая)—Адана—Алеппо (25 мая)—Латакия (9 июня)—Яффа (25 июня)—Триполи—Иерусалим—Александрия. Значительная часть пути пролегла по областям с турецким населением. В Сирии удалось посетить только морское побережье, так как внутри страны начались волнения против «правительства Ибрагима-паши»¹⁷.

Путевые заметки А. Н. Гусева сохраняют значение и в настоящее время прежде всего потому, что содержат принадлежащие перу очевидца описания исторических фактов, городов, селений, древних развалин, картин природы и быта. Ценность этого материала также и в том, что автор его был вполне сложившимся специалистом, способным анализировать, сопоставлять, оценивать виденное им. Он намеренно не касался описанных ранее в литературе «древностей» и акцентировал внимание на неизвестных исследователям археологических памятниках, упоминая «для будущих русских путешественников» и те, о которых ему рассказывали местные жители, но которые ему самому увидеть не удалось. Он пытался датировать «развалины» старинных сооружений, сравнивать прошлое и настоящее обозреваемых им мест, проследить связи традиций восточных народов с их «нынешним образом мыслей», отмечал контрасты и особенности современного ему Востока. Читатель несомненно отметит литературный талант автора, образность и эмоциональность его языка.

Путешествие закончилось в Александрии, но отчет А. Н. Гусева, датированный, как отмечалось, 25 сентября 1834 г., был написан в Каире. Это объясняется тем, что, попав в конце июля в Александрию, путешественники обнаружили, что здесь «всё и все говорят по-итальянски; к тому же присоединяется совершенный недостаток в книгах и учителях для арабского языка»¹⁸. Поэтому они по разрешению упоминавшегося А. Дюгамеля переехали в Каир, где находились с августа 1834 г. по май 1835 г. В этом городе А. Н. Гусев «ревностно принялся за арабский язык под руководством одного из лучших каирских учителей и большую часть времени проводил в чтении трудных рукописей и в беседе с арабами и турками, для практических упражнений в этих языках»¹⁹.

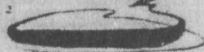
Весной 1835 г. срок стажировки закончился. А. О. Мухлинский возвратился в Россию в начале мая. А. Н. Гусев просил продлить его командировку еще на год, но ответа не дождался. Как сообщалось в официальном донесении в МИД, он «сделался

Compte rendu de l'héritier de feu Alexandre Goussier,
mort de peste au Caire le 23 Mai 1835, ayant
passé au 31 Décembre 1834 / Le Premier Consul
17 Janvier
à la disposition des 70

Date	Recettes	Pièces d'Egypte
1835 Mai 24 Juin 3	Argent trouvé chez le défunt et rapporté au Sourcier par son domestique Hassili . . .	3620.
1835 Juillet 3/15	Montant du Solde en Caisse et Casses resté à nommer en pièces d'or de 9 ff.	1891.10
Juillet 22 Aout 3	Produit de la Vente aux Enchères des livres et Manuscrits du défunt, après procès verbal . . .	1415.20
Sept 28 9	Produit de la Vente aux Enchères des Haras et Effets	1052.04
		70150.34

Certifié véritable le présent compte rendu, ayant
quarante quatre 4/100 d'Egypte, à la disposition des Héritiers

Par Monsieur le Consul Général
Le Premier Dragonnier
bour. St. Savison

Донесение из российского консульства в Египте о продаже имущества
А. Н. Гусева — с датой его смерти

Clève-Professeur de Langues Orientales,
 reçu son traitement de 1000 P.^{as} bonifiés,
 1835, réintossé au Département Asiatique
 rétro, ou ayant droit.) —————

Date	Dépenses	Piastres d'Égypte
1835 Mai 25 Juin 6	Payé aux Médecins qui ont soigné le défunt.	1000
	Au Pharmacien son commis.	296 10
	Pour 13 bouteilles de Sirop.	97 20
	Gratification au Domestique qui l'a assisté.	300
	Scrup. . . . au Bevat.	72
	Autres Dépenses lors du décès.	73
	Dettes (payé à un des maîtres du défunt.	72
	pour une autre Dette.	18
Juillet 26	Solde en numéraire porté par le sousigné à Alexandrie	1642 10
		33620
<u>Frais de la Chancellerie</u>		
1835 Juillet 28 Août 9	Frais de transport et autres relatifs à l'Écriture.	13 10
	Produit des deux archives <u>2059.39</u> ⁴⁰	
	Droit de Chancellerie 2 P. 70.	49 00
	Pour deux Prises (ou Vente) à 8 l. un.	52 20
	Solde en Caisse, à la disposition des Héritiers, ou ayant droit.	4042 01
		2150 39
<p>perçut son Solde en Caisse de Piastres quatre mille ou ayant cause Alexandrie le 29 Juillet 1835</p> <p style="text-align: right;">Le Colonel Général et Duxhamel</p>		

Счет за лечение «профессоранта восточных языков» А. Н. Гусева, скончавшегося в Каире от чумы

жертвою чумы, которая свирепствовала с необыкновенною силою в нынешнем году в Египте»²⁰. А. Дюгамель поместил больного у себя дома и поручил его заботам своего врача, но 23 мая (4 июня по новому стилю) А. Н. Гусев скончался и был похоронен в Каире. Его вещи, в том числе «книги и рукописи», были проданы «с публичного торга», а вырученная сумма за вычетом расходов, связанных с его болезнью и смертью, в конце июля была отправлена в Россию единственной наследнице — тетке Елизавете Александровне Шмит²¹.

В настоящее время неизвестно, что стало с архивом А. Н. Гусева, к кому попали его библиотека и рукописи, каким было направление его научных исследований в период пребывания на Востоке. Дальнейшие разыскания среди бумаг востоковедов его поколения Николая Гавриловича Коноплева (1800—1855), Павла Степановича Савельева (1814—1859), А. О. Мухлинского и других, возможно, ответят на эти вопросы.

В приведенных документах и публикациях сохранилось единое мнение о А. Н. Гусеве как о многообещающем ученом, обладавшем и «природными отличными дарованиями», и «необыкновенным прилежанием и жадной познания». Современники отмечали у него высокий уровень владения восточными языками, глубокий интерес к восточным источникам и большие способности к научной и дипломатической службе. Он прожил всего 24 года, но своей самоотверженной работой сумел заслужить, чтобы его имя не было забыто в истории науки.

Примечания

¹ *Коноплев Н.* Некрология // Московские ведомости. 25 декабря. 1835 г. № 103. С. 5161; *Савельев П.* Воспоминание о Гусеве // СПб. 22 февраля 1836 г. № 42. С. 173—174; Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... С. 105, примеч. № 208; Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844. С. 92; Крачковский. Очерки... С. 111; *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 68—69.

² Первоначальный вариант настоящего очерка о А. Н. Гусеве см.: *Куликова А. М.* Востоковед А. Н. Гусев (1810—1835) // ППиПИКНВ. XXI годичная научная сессия ЛОИВАН. Ч. II. М., 1987. С. 109—113. Восточные имена и географические названия приведены в транскрипции А. Н. Гусева.

³ *Савельев П.* Воспоминание... С. 173.

⁴ Куликова. [Законодательные акты]. С. 240—241. № 389; С. 241. № 392, 395, 397.

⁵ Саади Ширази (конец XII в. — 1292) — персидский поэт и писатель, автор сборника притчей-рассказов «Гулистан» (1258 г.).

⁶ «Тысяча и одна ночь» — сборник арабских сказок, сложившийся к XV в.

⁷ Крачковский. Очерки... С. 111.

⁸ Профессорский институт существовал при Дерптском императорском университете, но из-за отсутствия в его штате необходимых кадров профессора-востоковеды, числившиеся в нем, совершенствовались при Санкт-Петербургском императорском университете.

⁹ Куликова. [Законодательные акты]. С. 282. № 838.

¹⁰ ЦГИАСПб, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 4656; ЦГИА Москвы, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4138, л. 5—6, 12—13; Куликова. [Законодательные акты]. С. 282. № 839.

¹¹ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 111, л. 14—15, 19—19 об., 21, 23, 33.

¹² Там же, л. 27—28, 37—38.

¹³ Там же, л. 61—62, 65.

¹⁴ Там же, л. 101—103. Александр Дюгамель — генеральный российский консул в Египте в 1834—1837 гг.

¹⁵ Там же, л. 125—143.

¹⁶ Отрывок из письма путешествующего воспитанника Профессорского института, кандидата Гусева, к российскому послу при Константинопольском дворе Бутеневу, из Каира, от 25 сентября 1834 года // ЖМНП. 1835. Ч. 5. Отд. 6. С. 393—409.

¹⁷ Ибрагим-паша (1789—1848) — вице-король Египта, командовавший войсками, пытавшимися в 1832—1834 гг. покорить Сирию.

¹⁸ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 111, л. 142 об.

¹⁹ Савельев П. Воспоминание... С. 174.

²⁰ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 111, л. 144—144 об.; ЦГИАСПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 4161, л. 1.

²¹ АВПРИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 111, л. 149—149 об.

Востоковед П. Я. Петров (1814—1875) В ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С СОВРЕМЕННОКАМИ

Востоковед П. Я. Петров прожил жизнь, полную противоречий. Со студенческих лет прекрасно владевший многими языками — он до старости учился, пополнял свое образование. Обладающий большой эрудицией — оставил совсем немного публикаций. Живя почти в бедности — собрал редкую библиотеку. Не имея жены и детей — считал своей счастливой семьей общество матери и сестры. Замкнутый и бескомпромиссный — он вызывал доброе расположение многих людей. Последним обстоятельством, в частности, объяснялось то, что он вел обширную переписку.

Предлагаемый очерк основан на эпистолярных материалах, как хранящихся в архивах, так и опубликованных. В письмах отразились все основные события жизни ученого, датировку и последовательность которых в ряде случаев удалось уточнить. Письма позволили определить круг его знакомств и характер отношений с разными корреспондентами. Тем более, что публикаций, посвященных П. Я. Петрову, немного: это краткий очерк Карла Густава Германа (Карла Германовича) Залемана (1849—1916) в «Русском биографическом словаре»¹, а также четыре статьи, опубликованные в 1955—1960 гг.²

Павел Яковлевич³ Петров, родившийся в 1814 г. и к 1828 г. окончивший гимназию, свое дальнейшее образование связал с Московским императорским университетом. В 1828—1832 гг. он обучался здесь арабскому, персидскому, древнееврейскому языкам у Алексея Васильевича Болдырева (1780—1842).

Широко известно о начавшейся в университетские годы дружбе П. Я. Петрова с Виссарионом Григорьевичем Белинским (1811—1848)⁴. Последний в письме от 20 декабря 1829 г. «знакомым в Чембар» «по справедливости хвалится» близким знакомством с П. Я. Петровым, отмечая его «способности и познания» в арабском и персидском языках, а также его желание в дальнейшем овладеть турецким и санскритским языками⁵.

После окончания Университета П. Я. Петров еще два года прожил в Москве, не имея постоянного места работы, перебиваясь частными уроками и продолжая самостоятельно изучать вос-

точные языки. К этому времени относится его перевод с персидского газели поэта XIV в. Хафиза, в которой есть такие строки:

Он почил в моем сердце, как гость под шатром,
Он как в зеркале чистом во взоре моем,
Ни в одном из миров я награды не жду,
Но я весь под Его всемогущим ярмом...
Век Меджнуна прошел — теперь наша чреда;
Пять лишь дней нам дано в нашем мире земном.
Все — и радость и счастье и царство любви —
Все дано от Него, все сливается в Нем...
Вновь расцветшая роза — краса цветников —
Есть ничто пред Его вечно юным лицом!
Не гнушайся Хафизом: он чистый алмаз
Беспредельной любви носит в сердце своем ⁶.

В этом переводе П. Я. Петров сумел сохранить и содержание, и форму, и аромат стихов, написанных 600 лет назад.

Талантливый востоковед был замечен историком и журналистом Михаилом Петровичем Погодиным (1800—1875), ставшим его старшим другом и наставником. Об их отношениях рассказывает переписка, которую они вели в течение 40 лет ⁷. Стараясь обеспечить молодого ученого надежным источником дохода и учитывая его любовь к Востоку, М. П. Погодин в 1834 г. нашел для него место учителя в семье российского посла в Турции (1830—1842 гг.) Аполлинария Петровича Бутенева (1787—1866). Однако П. Я. Петров ответил отказом: «Благодарю Вас за Ваши старания, но не могу ими воспользоваться, взяв в соображение то, что в Константинополе я получу возможность усовершенствоваться только в арабском, персидском и турецком и принужден буду отказаться от главного и любимого моего предмета — санскритского языка» ⁸. Эти строки свидетельствуют об определенности задач начинающего востоковеда, о его знакомстве уже в этот период с санскритом и о стремлении посвятить себя индологии.

В 1833 г. П. Я. Петров вошел в кружок литературно-философского направления, душою которого был Николай Владимирович Станкевич (1813—1840) — замечательная личность, оригинальный философ и авторитетный руководитель. Членами кружка были также Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860), Василий Петрович Боткин (1811/1812—1869), Михаил Александрович Бакунин (1814—1876), Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), упоминавшийся В. Г. Белинский и другие. Всех их, впоследствии выбравших разные пути, в дни молодости сближала любовь к мировой литературе. Их литературные вкусы и философские настроения отразились, в частности, в публикациях переводов П. Я. Петрова с западноевропейских и восточных языков: некоторые из них удалось разыскать на страницах периодики этого периода ⁹. Приведем два примера. Отрывок из поэмы английского поэта Джона

Мильтона (1608—1674) «Потерянный рай» — стихотворный перевод П. Я. Петрова с сохранением размера подлинника и с посвящением «В. Г. Б.» (В. Г. Белинскому) был опубликован в журнале «Галатей»¹⁰. Стихотворение «Джинны» французского писателя и поэта Виктора Гюго (1802—1885) в переводе П. Я. Петрова было издано в журнале «Телескоп»¹¹. В обоих случаях выбор пал на произведения религиозно-философского содержания и высокого художественного уровня.

В 1834 г. М. П. Погодин рекомендовал П. Я. Петрова как способного лингвиста министру народного просвещения (с 1833 г.) Сергею Семеновичу Уварову (1786—1855)¹². Вскоре последовал высочайший указ о зачислении П. Я. Петрова слушателем Восточного отделения Профессорского института. Этот Институт по подготовке преподавательских кадров был открыт в Дерпте, но названное отделение его действовало при Санкт-Петербургском императорском университете. Руководителем нового профессоранта был назначен академик Крестьян Мартин (Христиан Данилович) Френ (1782—1851)¹³. В том же году профессорант переехал в столицу.

События, связанные с пребыванием П. Я. Петрова в Профессорском институте, отразились в переписке его и его друзей, названных выше. В письмах В. Г. Белинскому он описывал свои успешные занятия языками, «увлекательную» работу с первоисточниками, впечатления о преподавателях, планы поездок в Лондон и Париж¹⁴. Н. В. Станкевич сразу после отъезда П. Я. Петрова из Москвы, в марте 1834 г., сообщал своему знакомому Януарию Михайловичу Неверову (1810—1893) в Санкт-Петербург: «Он москвич по душе. Прими его с распростертыми объятиями»¹⁵. В одном из писем Н. В. Станкевич отмечал такие черты характера П. Я. Петрова, как доброта, совестливость, «много предрассудков, много детского, много неумения»¹⁶. После их встречи в столице летом того же года Н. В. Станкевич написал Василию Ивановичу Красову (1810—1855), что их общий друг «зубрит санскритскую грамматику», что он «пополнил и стал похож на санскритскую букву с приписью, то есть на две сокращенные и сплоченные буквы»¹⁷.

Особенно подробные сведения о новом этапе остались в письмах П. Я. Петрова М. П. Погодину — это своеобразные отчеты об успехах и неудачах в изучении Востока. Например, в марте 1836 г. он делился впечатлениями о «занимательной» книге, которую ему дал К. М. Френ: «Это география Хаджи Хальфы¹⁸ на турецком. Топографические известия чрезвычайно подробны: недавно прошел я с автором по всем улицам Шираза, видел его мечети, гробницы Сада и Хафиза¹⁹ и поневоле поверил словам сочинителя, который говорит в предисловии, что из всех отраслей познаний, джаграфия есть прекраснейшая, что знающий все ее тонкости, может, сидя на ковре безопасности, странствовать подобно путеше-

ственникам мира, по отдаленнейшим землям»²⁰. 16 июня 1836 г. тот же корреспондент тому же адресату послал детальный план, в соответствии с которым в течение двух лет шли его занятия как профессоранта. На первом месте стояло ежедневное («беспрерывно по 13 и 14 часов в сутки») изучение языковых дисциплин. Арабский, персидский и санскритский языки считались «должностными занятиями». О результатах сообщалось следующее: «Я выучился по-персидски, то есть говорю, понимаю книги и даже пишу на нем, хотя Джафар (Мирза Джафар Топчибашев. — А. К.) еще сильно вопиет на некоторые европеизмы в моих сочинениях; понимаю порядочно по-арабски и по-санскритски»²¹. По собственному желанию профессорант дополнительно обучался турецкому и китайскому языкам. О первом из них он писал: «Несмотря на то, что начинаю понимать книжный язык, не могу связать двух фраз в разговоре, где употребляются слова более простонародные»²². О трудностях освоения второго он приводил такие доводы: «В китайском же увы! подвергся участи обитателей Небесной империи, то есть не двигаюсь ни назад, ни вперед. Правда, самолюбие мое находит этому извинение в недостатке порядочного словаря и корыстолюбии здешних хинезистов, но это плохое утешение... Китайский же я намерен отложить до того времени, пока не буду в состоянии выписать из Англии знаменитый словарь Морисона»²³. Жаль, что нет здесь отца Иоакинфа!»²⁴ На определенном этапе к лингвистике добавилось изучение истории и географии Востока, а также знакомство с собраниями восточных книг и рукописей Санкт-Петербурга. Таковы были успехи профессоранта П. Я. Петрова. Судя по тому же письму, будущее свое он связывал с продолжением востоковедного образования либо в Сирии и Египте, либо в Лондоне — в зависимости от специализации²⁵.

Дополнив текст приведенного письма данными из других источников, мы получаем следующую картину. П. Я. Петров в Профессорском институте изучал пять восточных языков. Арабский и турецкий языки ему преподавал университетский профессор Иосиф Юлиан (Осип Иванович) Сенковский (1800—1858). Особеным успехам в овладении персидским он был обязан преподавательскому таланту экстраординарного профессора Мирзы Джафара Топчибашева (1790—1869), для которого указанный язык был родным и который сочетал его «отличное знание» с умением обучать этому предмету «с ощутительностью для учащихся пользою»²⁶ — будь то профессоранты или студенты Разряда восточной словесности. Китайскому языку П. Я. Петров учился самостоятельно, поскольку в университетской программе не было этого предмета. Трудно сказать, кто подразумевался под «здесьними хинезистами», но в Санкт-Петербурге были китаисты: например, Павел Иванович Каменский (архимандрит Петр) (1773—1845) или Пауль (Павел Львович) Шиллинг-Канштадт (1785—1837). Отец Иоакинф,

об отсутствии которого в Санкт-Петербурге сожалеет П. Я. Петров, — это выдающийся китаевед Никита Яковлевич Бичурин (1777—1853), до 1838 г. служивший преподавателем китайского языка в Кяхте, в местном училище. О занятиях санскритом следует рассказать подробнее.

В ряде работ высказывается мнение, что обязательная программа профессоранта П. Я. Петрова состояла из «мусульманских» языков, а санскритом он занимался «по собственному влечению», «самостоятельно», «частным образом». Теперь мы знаем, что это был «должностной» предмет. Какими же путями шел П. Я. Петров в изучении этого языка, имевшего наибольшее значение в его востоковедной деятельности? Выше говорилось, что его первое обращение к санскриту произошло в Москве: скорее всего, в студенческие годы при помощи его университетского профессора А. В. Болдырева. Последний в 1806—1811 гг. слушал лекции в Парижском университете, где названный язык в это время преподавался. Во всяком случае, поступая в Профессорский институт, П. Я. Петров держал экзамен по данному предмету. Испытание, вероятно, было нетрудным, так как экзаменатор — Исаак Якоб (Якоб Иванович) Шмидт (1799—1847) — специально этим языком не занимался, как и остальные столичные ученые. Сравнение нескольких источников позволило установить, кто же был учителем начинающего санскритолога. Помог случай: в июле 1834 г. в Санкт-Петербурге встретились два человека, оказавшиеся нужными друг другу до такой степени, что они поселились на одной квартире «у Поцелуева моста в доме Кусовникова». Один из них — П. Я. Петров учил соседа «по-русски и по-персидски»²⁷. Вторым был доктор философии Геттингенского университета, языковед-санскритолог Фридрих (Федор Федорович) Боллензен (Болленсен) (?—?), только что приехавший в Россию. Он и обучал в течение нескольких месяцев П. Я. Петрова санскритологии.

В 1836 г. судьба свела П. Я. Петрова с первым университетским языковедом-санскритологом в Санкт-Петербурге Робертом (Христиановичем) Ленцем (1808—1836). Некоторые авторы упоминают о частных уроках и советах последнего П. Я. Петрову. При этом незаслуженно забывается, что именно в 1836 г. Р. Ленц, получивший блестящую индологическую подготовку за границей, читал первый в России университетский курс «санскритского языка и сравнительной филологии»²⁸. Лекции начались 3 марта 1836 г., проводились три раза в неделю и продолжались в течение пяти месяцев. Лектор излагал санскритскую грамматику «сравнительно с zendским, греческим, латинским, готическим и славянским (церковным), то есть представительными языками того их семейства, которое известно в ученом мире под именем индо-германского»²⁹.

Отзыв П. Я. Петрова о новом курсе сохранился в его письме от 24 марта 1836 г. М. П. Погодину, продолжавшему следить за успехами своего молодого друга: «При здешнем университете открылась кафедра санскритского языка. Ленц, недавно воротившийся из Англии, собирает теперь под свои знамена до 30-ти слушателей: не удивляйтесь этому, он еще не приступил к алфавиту, которого горечь старается подсластить литературой — но напрасно. Еще до начала лекций его в университете, почти тотчас по приезде его, я был отрекомендован ему Френом. Вот уже два месяца как я хожу к нему на дом. Хорошо преподает — но далеко до Сенковского»³⁰. Таким образом, профессорант П. Я. Петров с января 1836 г. и до кончины Р. Ленца в июле того же года слушал его лекции, персонально обучался у него, обсуждал с ним специальные проблемы и методы исследования отдельных тем. Эта полугодовая подготовка позволила ему после смерти преподавателя самостоятельно продолжать занятия, идя по верному пути. Позднее он развил основную научную идею Р. Ленца «о сродстве языков и роли, которую должно занимать между ними древнее наречие брахманов»³¹. Продолжил он также работу учителя по описанию санскритских рукописей Санкт-петербургских хранилищ³².

Результаты обучения П. Я. Петрова в Профессорском институте были таковы, что осенью 1837 г., за год до окончания положенного срока, был поднят вопрос: «нужно ли еще продолжить пребывание его в оном»³³. В связи с этим была создана особая комиссия из преподавателей Разряда восточной словесности Санкт-Петербургского императорского университета под председательством ректора Ивана Петровича Шульгина (1795—1869). В ноябре 1837 г. она экзаменовала П. Я. Петрова. Его знания были оценены следующим образом: по арабскому языку — «очень хорошие», по турецкому — «несколько слабее», по-персидскому — «отличные»³⁴. Поскольку «из санскритского... не нашлось экзаменатора», сдавать экзамен по этому предмету пришлось иным путем: профессорантом был представлен перевод «отрывка из одной санскритской поэмы, находящейся в рукописи в здешнем Азиатском музее» («эпизод Похищение Ситы из поэмы Рамаяны») — «с грамматическим разбором» и примечаниями³⁵. По предложению К. М. Френа комиссия приняла решение: научную работу рекомендовать к печати³⁶, а автора ее послать за границу для завершения санскритологического образования.

Вопрос о заграничной командировке П. Я. Петрова в течение пяти месяцев обсуждался в Императорской академии наук, куда была направлена на отзыв его названная выше работа³⁷. В январе 1838 г. он жаловался М. П. Погодину: «Рукопись моя пошла в Академию наук на рассмотрение Греффе и Шмита и находится там до сих пор. По словам Френа, который заботится обо мне по-прежнему, я буду непременно отправлен за границу нынешнюю

весною. Впрочем, мне то же говорили и в прошлом году»³⁸. Дело в том, что академики — эллинист Христиан Фридрих (Федор Богданович) Грефе (1780—1851) и упоминавшийся монголовед И. Я. Шмидт (Шмит) — не могли по достоинству оценить работу П. Я. Петрова. Поэтому они ограничились констатацией того, что «труд сей состоит из красивого списка санскритского текста Ситагаранама и из русского перевода этого отрывка, с приложением предисловия, словаря и весьма подробного грамматического разбора»³⁹. Рецензенты поддержали замысел поездки П. Я. Петрова в Европу и Англию для совершенствования его знаний по востоковедению.

3 мая 1838 г. последовал высочайший указ об утверждении командировки П. Я. Петрова: ему выделялось 100 рублей «на путевые расходы» и «содержание» — по 300 рублей в год⁴⁰. Маршрут поездки включал четыре крупнейших востоковедных центра: Берлин, Бонн, Париж и Лондон. В программу стажера входили арабский, персидский, турецкий, монгольский и санскритский языки. «Магометанские» языки он, по «наставлению» К. М. Френа, должен был изучать по «рукописным собраниям», накапливая, в частности, сведения по истории русско-восточных связей⁴¹. План занятий санскритологией включал наряду со «знакомством с известнейшими знатоками санскритской литературы в чужих краях» вполне конкретное задание: сбор «неизданных доселе текстов» для санскритской хрестоматии «с потребным для того словарем»⁴².

В августе 1838 г. П. Я. Петров выехал за границу. Несколько месяцев он провел в Берлине, откуда отправил письмо министру народного просвещения С. С. Уварову и три «рапорта» — К. М. Френу. Из этих письменных сообщений мы узнаем о том, что П. Я. Петров успешно выполнял поставленные перед ним задачи: занимался санскритским, бенгальским, зендским языками, изучал фонды книг и рукописей по Востоку, вступал в контакты с местными востоковедами Карлом Риттером (?—1859), Христианом Лассеном (?—1876), Юлиусом Генрихом Петерманом (1801—1876), Иоанном Готфридом Людвигом Козегартеном (1792—1860)⁴³. Особенно плодотворным было его общение с Ф. Боппом, которому он привез рекомендательное письмо и труды К. М. Френа.

Профессор Берлинского университета, один из основателей научно-сравнительного метода в языкознании Франц Бопп (1791—1867) оказывал П. Я. Петрову постоянное содействие в углубленном изучении санскрита. Помимо слушания его лекций, молодой ученый получал от него консультации по составлению библиографии и поиску источников. 30 января 1839 г. Ф. Бопп послал в Санкт-Петербург лестный отзыв об уровне научной подготовки П. Я. Петрова и о его потенциальных возможностях⁴⁴.

С приездом в Берлин П. Я. Петров вошел в «русский кружок», в котором встретился со старыми знакомыми Н. В. Станкевичем, Я. М. Неверовым, а также Тимофеем Николаевичем Грановским

(1813—1855). Василий Васильевич Григорьев (1816—1881), их близкий товарищ, писал из Одессы, что это все «люди славные, милые, добрые, образованные», что такого окружения ему не хватает и «что такое честный человек, это объяснит вам Петров»⁴⁵. Вскоре Н. В. Станкевич по состоянию здоровья вынужден был уехать на юг, в Аахен. Оттуда он, уже безнадежно больной, писал Т. Н. Грановскому, просил найти П. Я. Петрова и добавлял: «Поклонись ему по восточному обычаю, принеси какие-нибудь дары и попроси если не любить, то, по крайней мере, иметь ко мне некоторую склонность. Он торжественно объявил однажды Белинскому, что уважает, но не любит меня»⁴⁶. Принципиальность и излишняя прямота П. Я. Петрова, бывшие предметом шуток друзей, при решении деловых вопросов создавали для него дополнительные трудности.

В 1839 г. П. Я. Петров переехал в Париж. График его работы по-прежнему был очень плотным: многочасовые занятия в библиотеках, изучение каталогов, исследование рукописей, копирование некоторых источников и, в частности, сбор материалов для санскритской хрестоматии. Французские востоковеды Евгений Бюрнуф (1801—1852), Симон Александр Ланглау (1788—1854) консультировали его, помогали ориентироваться в большом количестве книг и рукописей, поражались его трудоспособности и давали превосходные отзывы о его научных достижениях. Судя по письмам, П. Я. Петров в феврале 1840 г. был еще в Париже, но собирался в Лондон⁴⁷, хотя данных о его поездке в Англию найти не удалось.

Осенью 1840 г. П. Я. Петров с радостью и надеждой продолжить занятие санскритологией вернулся в Россию, но здесь его ожидало горькое разочарование. Пока он находился за границей, в Санкт-Петербургском императорском университете 4 октября 1838 г. открылся курс санскрита, который читал Иоганнес Альбрехт Бернгард (Борис Андреевич) Дорн (1805—1881). В члены Императорской академии наук П. Я. Петрова также не избрали. В литературе есть мнение, что это зависело только от его нежелания сдавать экзамен по специальности⁴⁸ — санскритологии. Между тем в одном из писем осенью 1841 г. он, в свою очередь, жаловался, что «об экзамене нет и помину»⁴⁹. Ко всему прочему готовые работы не публиковались — из-за отсутствия санскритского шрифта. Лишь некоторые из них, не требовавшие специальных условий печатания, были изданы в журнале «Москвитянин» и ЖМНП⁵⁰.

Целый год длилась неопределенность положения. П. Я. Петров тяжело это переживал, но старался не терять бодрости духа. Возражая на упрек М. П. Погодина в непрактичности, он писал 8 июля 1841 г.: «Вам хорошо называть меня бестолковым, но я уверяю Вас, что, когда ученому приходится ежедневно думать о средствах своего пропитания, то ему не поможет ни наука, ни

толковость, а разве только природная веселость, если Аллах не отказал ему в этом даре. Меня же он щедро наделил им»⁵¹. В поисках места службы П. Я. Петров пытался «пустить в ход» свое знание арабского и персидского языков, просил М. П. Погодина найти работу в библиотеках, был согласен на любой вариант — лишь бы иметь возможность заниматься востоковедением именно в Санкт-Петербурге. Он не хотел уезжать отсюда даже в Москву: «Что я могу сделать по своей части в Московском университете? Там только 11 мусульманских рукописей (они мною же были описаны)⁵². Расстаться с Петербургом для меня то же, что совершенно оставить восточную часть»⁵³.

Расстаться с Санкт-Петербургом все-таки пришлось. В декабре 1841 г. П. Я. Петрову предложили место «исправляющего должность адъюнкта» в Казанском императорском университете, и он вынужден был согласиться на это. В Казани он преподавал «санскритский язык и словесность»⁵⁴, вел курс «индусских древностей и истории царства Кашмирского», обучал студентов английскому и латыни⁵⁵.

О казанском десятилетии (1841—1852 гг.) жизни П. Я. Петрова нам рассказывает его переписка с санкт-петербургскими и московскими учеными. Он продолжал писать К. М. Френу — большей частью о своих завершенных работах: о «маленькой брошюре «Sitaharanam», о санскритской антологии и других⁵⁶. 9 апреля 1842 г. он сообщал ему о том, что изучает шесть санскритских рукописей, «выписанных» для него «попечителем Пушкиным»⁵⁷. Речь идет о попечителе (1845—1856 гг.) Казанского учебного округа Михаиле Николаевиче Мусине-Пушкине (1795—1862). Не прерывается письменное общение с М. П. Погодиным, которому он докладывает по старой памяти о готовящихся и завершенных «сочинениях»: о «статье Гита-Говинда, составленной по материалам, случившимся под рукой» (по словам автора, в статье этой «много хорошего, жаль только, что наш индус слишком пускается в ботанику») ⁵⁸, о работе «Веды и Упанишад»⁵⁹, «о переводе одной санскритской драмы»⁶⁰, о «санскритской хрестоматии» и о словаре к ней⁶¹, а также о рецензиях на публикации самого разного характера (на труды пражского профессора-славяноведа Павла Шафарика (1795—1861), на работы по истории христианства и т. д.)⁶².

В Казани у П. Я. Петрова появились новые адресаты: А. А. Куник, К. А. Коссович, С. П. Шевырев.

Адъюнкт Императорской академии наук Эрнест Эдуард (Арист Аристович) Куник (1814—1899) специализировался по всеобщей истории. Его переписка с П. Я. Петровым — это обмен мыслями и планами двух ученых: об изучаемых темах, о трудностях и успехах в их деятельности, о новинках востоковедения⁶³. Например, 8 июня 1846 г. П. Я. Петров писал, что в течение пяти месяцев за-

нимался тибетским языком — хотя «словарь и грамматика плохи»⁶⁴. Особенно интересна информация, связанная с историей издания «Санскритской антологии». Эта работа, над которой П. Я. Петров трудился много лет, приказом по МНП от 18 января 1845 г. была включена в план типографии Казанского императорского университета⁶⁵. Специально для этой цели в Казань привезли санскритский шрифт. Весь набор был сделан П. Я. Петровым собственноручно. Антология состояла из двух томов. Первый том, содержащий отрывки из литературных, исторических, философских, фольклорных сочинений, в процессе печатания был П. Я. Петровым переработан: он стремился сделать книгу «не слишком толстой», изложить материал «сжато», убрав ранее изданные тексты⁶⁶. Первый том был готов весной 1847 г. Несколько его экземпляров были отправлены в Санкт-Петербург: А. А. Кунику, К. М. Френу, Ф. Боллензену, в академический Азиатский музей⁶⁷. Изготовление оттисков требовало от наборщика «слишком многих хлопот, трудов и издержек», сказывались недостаток опыта в печатном деле, частые болезни П. Я. Петрова, отсутствие поддержки университетского начальства. Поэтому второй том, состоявший из этимологического словаря и примечаний, не был издан: набор его текста был сделан полностью, но изготовление оттисков было прервано из-за названных «чрезвычайных» трудностей.

Письма П. Я. Петрова из Казани профессору Московского императорского университета Степану Петровичу Шевыреву (1806—1864)⁶⁸ и одно письмо востоковеду Каэтану Андреевичу Косовичу (1815—1883)⁶⁹, в это время служившему в Императорской публичной библиотеке, наполнены жалобами на окружающую его действительность. Он сетовал на усталость от чтения лекций, на отсутствие старательных студентов, на недостаток профессиональных контактов, на равнодушие даже к науке, на плохое отношение начальства, на тяготы жизни в провинции, на здешний климат, болезни, пожары. Ученому европейского уровня было тесно в Казани, где его познания не были в должной мере востребованы. Он имел здесь множество обязанностей, не приносящих ему удовлетворения, и сознавал, что лучшие для научной деятельности годы безвозвратно уходят. В письме К. А. Косовичу от 23 марта 1850 г. он сообщал, что накануне годовичных экзаменов у него обширная нагрузка: «...и программы для будущего года, и билеты для студентов, и отчеты — да к этому еще три предмета... санскритский, английский и история санскритской литературы»⁷⁰.

В 1851 г. заканчивался обязательный для П. Я. Петрова как выпускника Профессорского института десятилетний срок службы в ведомстве МНП, и он с этого момента мог выбирать место работы по своему усмотрению. Казанский императорский университет не хотел терять этого прекрасного преподавателя: его «удерживали силой», требовали «освидетельствования» его на Медицинском фа-

культете, поскольку формальной причиной отставки было состояние здоровья. хлопоты друзей увенчались тем, что летом 1850 г. было принято компромиссное решение: вместо отставки П. Я. Петров получил длительный отпуск и выехал в Москву. Только в феврале 1852 г. последовал приказ по МНП о «перемещении исправляющего должность адъюнкта» П. Я. Петрова из Казани в Москву⁷¹.

Его перевод был связан с восстановлением 16 января 1852 г. в Московском императорском университете кафедры восточных языков⁷². На этой кафедре П. Я. Петров прошел путь (1852—1875 гг.) от адъюнкта до заслуженного профессора — причем до 1856 г. работал без жалованья. Он вел здесь курсы санскритского, древнееврейского, арабского, персидского и турецкого языков.

Московский период жизни П. Я. Петрова отразился в его переписке с М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым, Н. В. Бергом и И. П. Минаевым.

Форма и содержание его писем к М. П. Погодину в это время меняются: они служат в одном университете, часто встречаются, их письменные связи сводятся к обмену короткими деловыми записками. В них сохранились сведения о разных университетских событиях: таких, как подготовка юбилеев, создание кассы и столовой для студентов, организация помощи русским и болгарским учащимся, проведение на квартире П. Я. Петрова «съездов студенческих представителей» и т. д.⁷³ Все эти факты, к слову сказать, заставляют пересмотреть имеющееся в литературе мнение о П. Я. Петрове как о меланхолике и затворнике, чуждающемся общественной жизни.

Сразу после приезда в Москву П. Я. Петров принял участие в коллективном труде по «истории письмен восточных, греческих, римских и славянских», и вполне понятно, что ему достался раздел «О важнейших алфавитах восточных языков, их изобретении и главнейших их видоизменениях»⁷⁴. В одном из писем С. П. Шевыреву он сетовал на технические трудности в подготовке текстов: «Видел свою таблицу уже отпечатанною, но, признаюсь, мученья много, потому что гравер часто портит мои буквы и не всегда хорошо поправляются корректуры. Я в особенности боюсь за письмена индусские, которые... будут очень трудны»⁷⁵.

В 1854 г. в Москве была издана антология «Песни разных народов»⁷⁶. Ее составил Николай Васильевич Берг (1824—1884). В процессе подготовки восточной части работы он широко пользовался советами и активной помощью П. Я. Петрова. Последний выполнил в виде литографии текст санскритского гимна, подобрал все персидские материалы, вошедшие в сборник, перевел калмыцкую песню, подготовил текст и перевод песни басков. Учитывая его вклад в создание антологии, он по праву может считаться соавтором этой работы — между тем о своем участии в этом деле он не позволил упомянуть даже в предисловии. После

отъезда Н. В. Берга в конце 1850-х гг. из Москвы он и П. Я. Петров обменялись письмами. Из них мы узнаем, что, несмотря на многочисленные «дела по своей кафедре» и ради одной только «радости познания», П. Я. Петров в это время продолжил изучение китайского языка. Зная об этом, Н. В. Берг выписал для него из пограничного с Китаем района подлинные принадлежности, необходимые для овладения китайским способом письма, и тем самым устроил ему «истинный праздник»⁷⁷.

В последние годы своей жизни П. Я. Петров обменивался письмами, работами (своими и других авторов) с преподавателем Санкт-Петербургского императорского университета, индологом Иваном Павловичем Минаевым (1840—1890). Он послал ему литовские песни, диссертацию Александра Львовича Дювернуа (1840—1886) «Об истории наслоений в славянском словообразовании»⁷⁸ и т. д. И. П. Минаев прислал «брошюру о палийском языке»⁷⁹; в ответном послании П. Я. Петров с присущей ему скромностью замечал, что сам он этим языком занимался «очень поверхностно»⁸⁰. Одновременно он обращался с просьбой составить «руководство» для поездки за границу одному из лучших своих выпускников Всеволоду Федоровичу Миллеру (1848—1913), который специализировался по санскритологии⁸¹.

7 сентября 1875 г. П. Я. Петров скончался — в возрасте 61 года и в звании заслуженного профессора Московского императорского университета⁸².

В прессе появились некрологи⁸³. Среди них выделялась статья упоминавшегося Н. В. Берга — скорее воспоминания о П. Я. Петрове, «одном из самых замечательных русских ориенталистов», который «всю жизнь чего-то искал и все шел по своей дороге вперед, и все жаловался, ему все чего-то не доставало. Этот лотос отцвел как-то тихо и безвестно»⁸⁴.

Более пятидесяти писем, которые легли в основу данного очерка, в совокупности дают портрет П. Я. Петрова — ученого и человека. Нравственная чистота, преданность делу, требовательность к себе, принципиальность, честность, скромность и доброта — эти черты его характера вызывали искреннее уважение современников. Недаром среди его друзей всегда были люди, для которых вопросы смысла бытия, долга, чести имели особое значение.

Его высокий профессионализм, широта интересов вызывали контакты с представителями разных отраслей востоковедения. В письмах встречаются имена К. М. Френа, И. Ю. Сенковского, Р. Ленца, И. Я. Шмидта, О. Бетлинга, А. В. Болдырева, В. В. Григорьева, М. Д. Топчибашева и других. Эпистолярные источники являются пока единственным доказательством знакомства и общения П. Я. Петрова с языковедами Ф. Боллензенем, К. А. Коссовичем, И. П. Минаевым — так же, как и он, глубоко исследовавшими Индию и ее языки. Многие из названных востоковедов пони-

мали одаренность этого специалиста, и каждый из них в разные периоды стремился помочь ему в развитии способностей и преодолении жизненных трудностей.

П. Я. Петров обладал редчайшим даром: за два-три месяца он постигал грамматические основы любого языка, который привлекал его внимание. Впечатляет перечень языков, которыми он владел: из западноевропейских — немецкий, французский, английский, итальянский, испанский, португальский, финский; из восточных — арабский, персидский, турецкий, татарский, тибетский, монгольский, калмыцкий, китайский, санскрит и языки современной ему Индии. По мнению Н. В. Берга, «сколько именно языков было ему известно и в какой степени... никто определенно не знает, поскольку он никогда ничем не хвалился, тем более своими знаниями»⁸⁵. Многие из языков П. Я. Петров знал на уровне их носителей. Известно, что арабскую литературу он читал «на отдыхе». На персидском он свободно говорил, писал, пел, молился — с соблюдением всех правил. Санскритом пользовался как живым языком, переводил на него произведения английского поэта-романтика Джорджа Ноэла Гордона Байрона (1788—1824). Китайские тексты переводил без словаря. При переводах восточной поэзии использовал размеры подлинника, чтобы передать своеобразие произведения. Овладевая письменностью того или иного народа, изучал способ письма, применял традиционные письменные принадлежности. Например, по-китайски он писал с помощью туши и кисти, причем последнюю держал «особенным китайским способом»⁸⁶. При необходимости употреблял калам. «Когда он писал по-персидски, никакой персиянин не мог сказать, что это писал „не-персиянин“. Если писал по-турецки, по-арабски — это было действительно по-турецки и по-арабски, со всевозможными тонкостями»⁸⁷.

Изучение множества языков было для П. Я. Петрова не самоцелью, а средством охвата обширного лингвистического материала, его сравнительного анализа и выявления общих черт и особенностей.

Вопрос об относительно небольшом количестве работ, подготовленных П. Я. Петровым, требует специального рассмотрения. Отметим лишь, что одной из причин этого была его чрезмерная требовательность, стремление бесконечно совершенствовать сделанное. В письмах постоянно присутствует беспокойство за свои сочинения, желание улучшить их содержание, учесть все замечания, устранить все недочеты. Он болезненно переживал невнимательность корректоров, неоправданные добавления и изменения редакторов, неточность транскрипций, недостатки работы гравиров. Помимо 15 опубликованных трудов, упомянутых выше, должны были остаться и неоконченные разработки научных тем. К сожалению, личного фонда П. Я. Петрова в архивах не существует.

Небольшую часть его материалов удалось отыскать в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета. Этому учебному заведению, с которым были связаны последние годы его жизни, П. Я. Петров завещал свою библиотеку⁸⁸. Выполняя волю умершего брата, его сестра передала вместе с книгами несколько связок бумаг, которых с тех пор, вероятно, никто и не касался. В этой россыпи листов — материалы по санскритологии, китайские ксилографы, выписки из восточных источников о России, конспекты лекций.

Преподавательская деятельность, которой П. Я. Петров отдавал много сил и времени, не приносила ему удовлетворения. Всегда добросовестно и тщательно готовясь к лекциям, он не мог подладиться под средний уровень студенчества, тяжело переживал отсутствие даровитых учеников, которым бы можно было передать свои знания. Когда такие студенты появлялись, он был счастлив и всеми силами способствовал их успехам.

В 1999 г. исполнилось 185 лет со дня рождения П. Я. Петрова, в 2000 г. — 125 лет со дня его смерти. Сроки немалые, но переписка П. Я. Петрова с современниками приблизила его к нам, протянув нить из прошлого в настоящее и заставив нас вспомнить об этом удивительном человеке, всю свою жизнь посвятившем служению российскому востоковедению.

Примечания

¹ РБС. 1902. Т. 13. С. 694—696.

² *Стариков А. А.* Из истории восточной филологии в Московском университете // Советское востоковедение. М., 1955. № 6. С. 81—88; *Он же.* Восточная филология в Московском университете // ОИРВ. 1960. Сб. 3. С. 147—165; *Шофман А. С.* Санскритолог П. Я. Петров в Казанском университете // Ученые записки Казанского государственного университета. 1957. [Т. 117]. Кн. 9. С. 53—58; *Он же.* Русский санскритолог П. Я. Петров // ОИРВ. 1960. Сб. 3. С. 126—146.

³ В работе Б. М. Данцига «Ближний Восток в русской науке и литературе» (М., 1973. С. 343) он ошибочно назван Петром Яковлевичем.

⁴ Подробнее см.: *Крачковский И. Ю.* Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому // ОИРВ. 1953. Сб. 1. С. 7—22.

⁵ *Белинский В. Г.* Письма. Т. 1. СПб., 1914. С. 9.

⁶ Полный перевод газели персидского поэта Хафиза Ширази (1325—1389), выполненный П. Я. Петровым, см.: Молва. М., 1835. Ч. 10. № 24—26. С. 387—389.

⁷ В данном очерке учтены 25 писем П. Я. Петрова М. П. Погодину. См.: ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 52, ед. хр. 74; Там же, карт. 24, ед. хр. 24, 25.

⁸ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 251—252.

⁹ См.: Галатея. М., 1830. Ч. II. С. 228; Там же. Ч. 15. С. 41—43; Молва. М., 1833. № 85. С. 337—338; Там же. № 131. С. 521—522; Молва. М., 1835. № 14. С. 217—219; Телескоп. М., 1835. Ч. 25. С. 34—38.

- 10 См.: Галатея. М., 1830. Ч. 15. № 22. С. 41—43.
- 11 См.: Телескоп. М., 1835. Ч. 25. С. 4, 34—38.
- 12 Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. СПб., 1892. С. 181.
- 13 Куликова. [Законодательные акты]. С. 282. № 841.
- 14 ОРРГБ, ф. 21, папка 10779, ед. хр. 13, 11 писем за 1834—1841 гг.; В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 223—251. См. также: Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах...
- 15 Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914. С. 280.
- 16 Там же. С. 282.
- 17 Там же. С. 399.
- 18 Написание восточных имен и названий в цитатах — авторское. Хаджи Халифа (1608—1657) — турецкий географ и библиограф.
- 19 Саади Ширази (конец XII в.—1292) — персидский поэт, писатель, мыслитель. Хафиз Ширази (1325—1389) — персидский поэт.
- 20 ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 52, ед. хр. 74, л. 3 об.—4.
- 21 Там же, л. 2.
- 22 Там же, л. 2.
- 23 Моррисон Р. Китайско-английский словарь. Т. 1—6. Макао, 1815—1823. Роберт Моррисон (1782—1834) — английский синолог.
- 24 ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 52, ед. хр. 74, л. 2—2 об.
- 25 Там же, л. 1—2 об.
- 26 Куликова. [Законодательные акты]. С. 242. № 399.
- 27 РОИРЛИ, ф. 383, оп. 1, ед. хр. 69, л. 1; В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 225, 229, 240.
- 28 Куликова. [Законодательные акты]. С. 242. № 400.
- 29 Григорьев В. В. Санскритский язык в России // Северная пчела. СПб., 1836. № 56. С. 223—224. Ср. раздел «Р. Ленц (1808—1836) — основоположник университетской санскритологии в России».
- 30 ОРРГБ, ф. 231, раздел II, карт. 52, ед. хр. 74, л. 4—4 об.
- 31 Петров П. Я. О свойствах и составе санскритского языка // ЖМНП. 1842. Ч. 33. Отд. 2. С. 184—208.
- 32 Петров П. Я. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее Императорской С.-Петербургской академии наук // ЖМНП. 1836. Ч. 12. Отд. 4. С. 194—198.
- 33 ПФАРАН, ф. 778, оп. 1, ед. хр. 41, л. 250.
- 34 Там же, л. 250, 340; ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 9, ед. хр. 38, л. 6 об.
- 35 ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 9, ед. хр. 38, л. 6 об., приписка П. Я. Петрова на письме В. В. Григорьева М. П. Погодину от 10 января 1838 г.
- 36 Оpubл.: ЖМНП. 1838. Ч. 17. Отд. 3. С. 416.
- 37 ПФАРАН, ф. 1, оп. 2-1837, ед. хр. 40, л. 2—3, § 647.
- 38 ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 9, ед. хр. 38, л. 6 об.
- 39 ПФАРАН, ф. 1, оп. 2-1838, ед. хр. 20, л. 1—4, § 120.
- 40 Там же, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 240, л. 17; Куликова. [Законодательные акты]. С. 283. № 847.
- 41 ПФАРАН, ф. 778, оп. 1, ед. хр. 41, л. 251; Там же, оп. 2, ед. хр. 240, л. 20; Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. СПб., 1892. С. 179.
- 42 ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 240, л. 17.
- 43 Письмо кандидата Петрова к г. министру народного просвещения из Парижа, от 14/26 апреля 1839 г. // ЖМНП. 1839. Ч. 23. Отд. 4. С. 38—44; ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 240, л. 3—8.
- 44 ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 37, л. 3—4, письмо Ф. Боппа К. М. Френу.
- 45 ОРРГБ, ф. 84, карт. М/3, ед. хр. 18, л. 2—2 об.

- 46 Переписка... С. 472.
- 47 ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 240, л. 3, 8, 45.
- 48 Веселовский. Сведения... С. 236.
- 49 ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 24, ед. хр. 24, л. 5.
- 50 См.: *Петров П. Я.* Матсьолакьянамъ или Сказание о рыбе (из Махъбъ-араты) // Москвитянин. М., 1841. Ч. 4. С. 404—409; *Он же.* Сказание о Савитрии (из Махъбъараты) // Москвитянин. М., 1841. Ч. 26. С. 337—352; *Он же.* О священной литературе народов Загангесской Индии // ЖМНП. 1841. Ч. 31. Отд. 2. С. 27—35.
- 51 ОРРГБ, ф. 231, раздел II, карт. 24, ед. хр. 24, л. 1 об.; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. М., 1893. С. 138.
- 52 См.: *Петров П. Я.* Обзорение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского университета // ЖМНП. 1837. Ч. 13. Отд. 2. С. 549—555.
- 53 ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 24, ед. хр. 24, л. 5.
- 54 Куликова. [Законодательные акты]. С. 220. № 191. Ср.: *Петров П. Я.* Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Императорском Казанском университете // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. 1842. Кн. 2. С. 77—95.
- 55 Иллюстрированная неделя. М., 1875. № 140. С. 640.
- 56 ПФАРАН, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 240, л. 14—14 об.
- 57 Там же, л. 13.
- 58 ОРРГБ, ф. 231, раздел II, карт. 24, ед. хр. 24, л. 7. Ср.: *Петров П. Я.* Разбор санскритской поэмы «Гита-Говинда» с отрывками из нея // Москвитянин. М., 1843. Ч. 1. С. 120—129.
- 59 Ср.: *Петров П. Я.* О Упанишадах, изданных в Париже г. Полеем (Донесение г. министру народного просвещения) // ЖМНП. 1837. Ч. 15. Отд. 2. С. 536—544.
- 60 ОРРГБ, ф. 231, разряд II, карт. 24, ед. хр. 24, л. 7 об. Ср.: *Петров П. Я.* О духовной литературе индусов // ЖМНП. 1845. Ч. 48. Отд. 2. С. 133—148.
- 61 ОРРГБ, ф. 231, раздел II, карт. 24, ед. хр. 24, л. 8.
- 62 Москвитянин. М., 1848. Ч. 1. С. 69—73, 143—164.
- 63 ПФАРАН, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 683, л. 1—6, 5 писем П. Я. Петрова А. А. Кунику за 1845—1847 гг.
- 64 Там же, л. 4 об.
- 65 Куликова. [Законодательные акты]. С. 227. № 269.
- 66 ПФАРАН, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 683, л. 1—2.
- 67 Там же, л. 5 об.; Там же, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 240, л. 14 об.
- 68 РНБ(СПб) ОР, ф. 850, оп. 1, ед. хр. 436.
- 69 ОРРГБ, ф. 18, карт. 8554, ед. хр. 81-а, л. 1—1 об.
- 70 Там же, л. 1—1 об.
- 71 Куликова. [Законодательные акты]. С. 211. № 103.
- 72 Кафедра была закрыта в 1837 г., когда был уволен «от всех должностей» профессор (одновременно цензор) А. В. Болдырев, упоминавшийся как первый преподаватель восточных дисциплин в жизни П. Я. Петрова.
- 73 ОРРГБ, ф. 231, раздел II, карт. 24, ед. хр. 25, л. 2—4, 7, 9—16, 25—26.
- 74 Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских. М., 1853. С. 5—12.
- 75 РНБ(СПб) ОР, ф. 850, оп. 1, ед. хр. 436, л. 5—5 об.
- 76 Песни разных народов / Сост. Н. В. Берг. М., 1853.
- 77 РОИРЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 1602, л. 1.
- 78 Диссертация А. Л. Дювернуа была издана в Москве в 1867 г.
- 79 Вероятно, речь идет о работе И. П. Минаева «Очерк фонетики и морфологии языка пали» (СПб., 1872).

- ⁸⁰ РОИРЛИ, ф. 340, оп. 2, ед. хр. 47, л. 1—2.
- ⁸¹ Там же, л. 1.
- ⁸² Куликова. [Законодательные акты]. С. 213. № 125.
- ⁸³ Московские ведомости. 1875. № 242. С. 3; Иллюстрированная неделя. М., 1875. № 140. С. 640; Голос. М., 1875. № 265. С. 3; Отчет Московского университета. 1876. С. 65—69; *Берг Н. В.* Павел Яковлевич Петров, профессор-ориенталист // Русская старина. М., 1876. Т. 17. С. 394—399.
- ⁸⁴ *Берг Н. В.* Павел Яковлевич Петров... С. 394.
- ⁸⁵ Там же. С. 394.
- ⁸⁶ Там же. С. 396.
- ⁸⁷ Там же. С. 396.
- ⁸⁸ Куликова. [Законодательные акты]. С. 214. № 130.

**ВОСПИТАННИКИ
ДЕРПТСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
С. НАЗАРЯН (1814—1879) и К. ПАТКАНЯН (1833—1889)
В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

В первой половине XIX в. Дерпт¹, несмотря на территориальную удаленность от Армении, входил в число городов, оказавшихся причастными к истории ее культуры. Наряду с Санкт-Петербургским императорским университетом и московским Лазаревским институтом восточных языков — Дерптский императорский университет также был учебным центром, в котором готовились кадры армянской интеллигенции. Причин тому было несколько: близость к Европе, где существовала армянская диаспора; преподавание не на русском, а на латинском и немецком, что привлекало знающих эти языки армян; особый статус этого университета и большая свобода в составлении программ. Недаром из среды воспитанников армянского происхождения, обучавшихся в Дерпте, вышли известные впоследствии общественно-политические и культурные деятели Армении: писатель, педагог и этнограф Хачатур Абовян (1805—1848), писатель Рафаэл (Габриэлович) Патканян (1830—1892), известные просветители, востоковеды и преподаватели С. Назарян и К. Патканян. О последних двух далее пойдет речь. Предлагаемые читателю очерки о них построены в основном на архивных источниках, дополняющих и уточняющих сведения в литературе.

Степан (Степанос) (Исаевич) Назарян (Назарьян, Назарянц, Назарьянц, Назарианц, Назаров) (1814—1879) первоначальное образование и, в первую очередь, превосходное знание армянского языка получил в Армянском училище (семинарии) в Тифлисе². Это учебное заведение было основано в 1824 г. усилиями армянского поэта и архиепископа Нерсеса Аштаракеци (1771—1857). Поэтому в литературе оно иногда именуется «Нерсесовским училищем».

Мысль о продолжении образования в Дерптском императорском университете подал С. Назаряну профессор и будущий ректор этого университета Иоганн Якоб Фридрих Паррот (1791—1841). В 1829—1830 гг. он в очередной раз с научными целями пу-

тешествовал по Кавказу и тогда уже отметил блестящие способности армянского юноши, с которым там познакомился.

В 1832 г. С. Назарян переехал в Дерпт и в течение трех лет самостоятельно готовился к вступительным экзаменам. 1835—1840 гг. — время учебы С. Назаряна в Дерптском императорском университете. Вначале он был зачислен на Камеральный факультет, затем некоторое время числился на Медицинском, а с 1837 г. стал студентом Философского факультета³. С конца 1836 г. по ходатайству попечителя (1835—1854 гг.) Дерптского учебного округа Густава (Борисовича) Крафстрема (?—после 1854 г.) он получал «ежегодное содержание» в сумме 500 рублей, что и позволило ему завершить высшее образование. На Философском факультете С. Назарян изучал классические и западноевропейские языки, а также получил знания по истории и литературе России, Греции, Германии и других стран. В студенческие годы, несмотря на стесненное материальное положение, он собрал библиотеку в 400 томов. В декабре 1840 г. он закончил курс обучения и успешно сдал кандидатские экзамены.

В январе 1841 г. С. Назарян уехал в Санкт-Петербург, имея рекомендательное письмо дерптского профессора русской словесности Михаила Петровича Розберга (1804—1874) на имя министра народного просвещения (1833—1849 гг.) Сергея Семеновича Уварова (1786—1855). Министр прислушался к этому компетентному отзыву, выделил С. Назаряну денежное пособие и помог его дальнейшей ученой карьере⁴. Именно С. С. Уваров — впрочем, по рекомендации академиков Крестьяна Мартина (Христиана Даниловича) Френа (1782—1851) и Мари Фелисите Ксавие (Мария Ивановича) Броссе (1802—1880) — «определил» его своим приказом на Восточное отделение Профессорского института. (Этот институт, готовивший преподавательские кадры, находился в Дерпте, но профессоранты-восточники обучались при Санкт-Петербургском императорском университете.) На столичных ученых произвело впечатление глубокое знание С. Назаряном армянского и западноевропейских языков в сочетании с широким филологическим и историческим образованием. Поэтому в распоряжении С. С. Уварова от 25 апреля 1841 г. перед профессорантом ставилась особая цель: «...пользоваться способами здешнего Азиатского музеума и других книгохранилищ, для представления сочинения и доказательств дальнейшего учебного образования»⁵.

После годичного пребывания в столице «кандидат Назарян» 10 июня 1842 г. был зачислен в штат Казанского императорского университета на должность адъюнкта. В сентябре 1842 г. он начал здесь чтение лекций (по шесть часов в неделю) по языку и литературе Армении. На занятиях он (по документам — адъюнкт-профессор) читал армянскую грамматику («по руководству сочинения о[тца] Аветикиана» с использованием трудов древнеармянских ис-

ториков Лазаря Парбского, Моисея Хоренского⁶ и текста Библии), а также географию, древнюю и новую истории Армении и историю армянской литературы. Слушатели упражнялись в переводах с русского на армянский язык и в сочинениях на армянском⁷.

8 октября 1842 г. по приказу министра С. С. Уварова в программу I казанской гимназии был добавлен армянский язык — «с поручением преподавания адъюнкту Назарьянцу без особого жалования, согласно изъявленной им готовности»⁸. Наряду с университетскими лекциями он вел занятия в гимназии с 26 октября 1842 г. по 1844 г.⁹

Казанский период (1842—1849 гг.) был плодотворным для С. Назаряна и в научном плане: здесь он успешно защитил две диссертации. Первая — магистерская — была утверждена 31 марта 1847 г. Она подводила итог его исследований в области истории армянской (гайканской) литературы¹⁰. Вторая — докторская — отражала его интерес к истории персидской литературы и содержала «рассуждение» о ее классиках «Рудаки, Дакики и Фердауси [Фирдоуси]»¹¹. Главным оппонентом на защите выступал ординарный профессор Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович) Казем-бек (1802—1870). Предварительно диссертант сдал экзамены по языку, литературе и истории трех стран: Персии, Турции и Армении. 5 мая 1849 г. С. Назарян был утвержден «доктором армяно-персидско-турецкой словесности»¹².

В 1849 г. С. Назарян переезжает в Москву. Это связано с тем, что московский Лазаревский институт восточных языков, получивший по уставу от 10 мая 1848 г. это название и статус лица¹³, расширил свою программу и, в частности, объявил в газете «Московские ведомости» о вакантной арабо-персидской кафедре. С. Назарян откликнулся на это объявление, и 9 октября 1849 г. вышел высочайший указ о его «перемещении» из Казани в штат названного Института на должность профессора арабского и персидского языков¹⁴. Помимо этого он периодически читал лекции по турецкому, с 1 января 1850 г. — по латинскому, с 1866 г. — по армянскому языкам. С 7 января 1850 г. по постановлению Кавказского комитета он по совместительству был назначен «исправляющим должность» преподавателя армянского и татарского языков — для обучения «носителей этих языков» в других учебных заведениях Москвы¹⁵.

Много времени С. Назарян уделял организационной работе: составлял планы, программы, учебные пособия, рецензировал и утверждал к печати труды, занимался комплектованием библиотеки, решал проблему приобретения армянского шрифта для институтской типографии. В 1858—1864 гг. вместе с известным общественно-политическим деятелем и просветителем Микаэлом (Лазаревичем) Налбандяном (Налбандовым) (1829—1866) он издавал в Москве армянский журнал «Северное сияние» (на гайканском языке)¹⁶.

В 1863 г. вступил в действие общий университетский устав, и вскоре был издан специальный указ о необходимости наличия докторской степени у всех профессоров. Между тем единственным востоковедом, отвечавшим этому требованию, был С. Назарян. (Его коллегам пришлось срочно защищать диссертации.)

10 июня 1867 г. исполнилось 25 лет службы С. Назаряна «по учебной части», но он не захотел выйти на пенсию и оставался на прежней должности до 1869 г. 18 ноября 1869 г. он «по прошению» уволился из Института и переехал в Тифлис, где занял место инспектора Нерсесовского училища¹⁷.

По новому положению, «высочайше» утвержденному 16 июня 1871 г., при Лазаревском институте восточных языков открыли «специальные классы», которые по объему преподаваемых предметов и правам выпускников приравнивали к восточным отделениям университетов¹⁸. После этой реорганизации С. Назарян был возвращен в Институт и с 28 августа 1871 г. до своей смерти в 1879 г. занимал прежнюю кафедру — арабского и персидского языков¹⁹.

В московский период научные интересы С. Назаряна, как и прежде, делились между двумя темами: 1) иранистика; 2) язык и литература Армении. В историю науки он вошел как востоковед широкого профиля, один из первых исследователей творчества персидских поэтов Фирдоуси и Саади²⁰ и как первый университетский преподаватель армянского языка в России.

Керопэ (Херувим, Херубим) (Петрович) Патканян (Патканянц, Патканов) родился 4 мая 1833 г. в Нахичевани-на-Дону в семье армянского священника Кубанской и Ставропольской областей.

В архиве сохранилось сопроводительное письмо от 13 августа 1843 г. к работе, направленной в Санкт-Петербург для оценки ее столичными учеными. Это сочинение «Практические упражнения в переводах с русского языка на армянский» было составлено учителем Кавказской областной гимназии в Ставрополе священником Паткановым²¹. Работа эта получила одобрение академика-кавказоведа Мари Фелисите Ксавие (Мария Ивановича) Броссе (1802—1880), сделавшего ряд конкретных замечаний и рекомендовавшего ее к печати. Известно, что первоначальные знания языков и других предметов К. Патканян получил в ставропольской гимназии. Сравнение этих фактов позволяет считать автором упомянутого учебного пособия отца К. Патканяна, который вскоре добился включения сына в число «закавказских стипендиатов», ежегодно направлявшихся в Москву и Санкт-Петербург для продолжения образования. В Москве К. Патканян был принят в гимназию при Лазаревском институте восточных языков, где он изучал армянский, русский, классические и западноевропейские языки.

После окончания гимназии, в январе 1851 г., К. Патканян в качестве стипендиата Санкт-Петербургской Армянской церкви успешно сдал вступительные экзамены (по математике, истории, географии, латыни, греческому, русскому, немецкому языкам) и поступил на Камеральный факультет Дерптского императорского университета²². Здесь он прослушал курсы русского языка, литературы и истории России, всеобщей географии, логики, политической экономии, физики, технологии и «лесной науки»²³. Владея армянским и западноевропейскими языками, он в студенческие годы увлекался всемирной литературой, в частности, переводил на родной язык произведения французского поэта Пьера Жана Беранже (1780—1857), немецких писателей Иоганна Вольфганга Гете (1749—1832) и Иоганна Фридриха Шиллера (1759—1805). Не окончив университета, К. Патканян был уволен из состава студентов — «по домашним обстоятельствам». Сохранилось свидетельство, что настоящей причиной этого стало прекращение выплаты ему стипендии²⁴.

После недолгого пребывания в Санкт-Петербурге К. Патканян уехал в Ставрополь, за несколько месяцев прошел там программу обычной российской гимназии и получил аттестат, необходимый для поступления в учебные заведения с преподаванием на русском языке. (В Ставрополе он продолжал занятия по истории литературы²⁵.) Добавив к аттестату свидетельство № 1200 от 3 июля 1853 г. «об успехах, оказанных им в продолжении его учения» в Дерпте²⁶, и получив стипендию на этот раз от Кавказского комитета, он стал студентом Историко-филологического факультета Учительского института в Санкт-Петербурге. Здесь К. Патканян углублял свои знания по русской литературе, французскому, немецкому, английскому языкам, освоил основы итальянского языка. Одновременно по официальному разрешению в качестве вольнослушателя он посещал лекции на Факультете восточных языков. Окончив Институт и получив звание старшего учителя, К. Патканян летом 1857 г. отправился в Тифлис и в течение года служил там в канцелярии учебного округа и в Закавказском девичьем институте.

Летом 1858 г. К. Патканян вернулся в столицу, добился освобождения от учительской службы, обязательной для всех «закавказских стипендиатов», и посвятил себя научной работе. Признание его профессиональных качеств выразилось в том, что уже 22 марта 1860 г. собрание Императорского русского археологического общества избрало его своим членом²⁷.

В январе 1861 г. вышел в отставку преподаватель армянского языка на Факультете восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета Никита Лазаревич Бероев (1794—1872)²⁸. На его место было две кандидатуры: магистр (с 1859 г.) Герасим Артемьевич Эзов (1835—1905) и К. Патканян. Вторая кандидатура была поддержана академиком М. Ф. К. Броссе. 6 сентября

1861 г. К. Патканяна зачислили в штат приват-доцентом, но на правах «исправляющего должность адъюнкта армянского языка». 25 октября 1861 г. он приступил к чтению лекций²⁹. По совместительству, также с 25 октября 1861 г., его «определили» преподавателем армянского языка для «закавказских уроженцев», обучавшихся в столичных учебных заведениях³⁰.

С его приходом на Факультете восточных языков наладилось преподавание древнеармянского языка. Для своих лекций К. Патканян подготовил и издал значительное количество учебных текстов, содержавших отрывки из исторических источников и служивших пособиями и последующим поколениям студентов³¹. Переводя со слушателями эти тексты, он сопровождал их грамматическим комментарием. Читал он также историю Армении и ее литературы.

В 1862—1872 гг. К. Патканян быстро продвигался по служебной лестнице: 18 мая 1863 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями» (опубликована в Санкт-Петербурге в 1863 г.); с 1 сентября 1863 г. «переименован» штатным доцентом³²; 11 мая 1864 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Исследование о составе армянского языка» (опубликована в Санкт-Петербурге в 1864 г.); 21 декабря 1870 г. избран экстраординарным профессором³³; 31 января 1872 г. избран ординарным профессором³⁴.

К 31 декабря 1883 г. К. Патканян отслужил на Факультете восточных языков 25 лет и по решению университетского Совета был оставлен в штате еще на пять лет. С 6 сентября 1886 г. он носил звание заслуженного профессора³⁵. В 1888 г. вторично был продлен срок его службы, прерванной смертью в 1889 г.³⁶

Кроме лекций по языку, истории и литературе Армении К. Патканян в 1878—1889 гг. читал для студентов-арабистов специальный курс по истории Персии.

Его научно-организационная деятельность также была весьма значительна: в 1861—1874 гг. он был членом Кавказского комитета; с 1872 г. — цензором армянских изданий³⁷; в 1867—1882 гг. — секретарем, а в 1882—1885 гг. — управляющим Восточным отделением Императорского русского археологического общества; с 1882 г. — редактором литературно-критического журнала; в 1873—1888 гг. — участником трех международных съездов ориенталистов.

Вскоре после кончины К. Патканяна, в 1890 г., был опубликован «Хронологический список его трудов»³⁸. Знакомство с этим документом позволяет определить две основные темы в исследованиях этого ученого: история древнеармянского языка и история Армении.

В рамках первой темы ему принадлежит приоритет в изучении армянских диалектов: по его мнению, знание их было необходимо для более углубленного овладения современным языком.

В основе работ в рамках второй из названных тем лежали переводы древних источников. Так, в соавторстве с М. Ф. К. Броссе К. Патканян перевел на русский язык серию трудов древнеармянских историков. Интересующий его материал он собирал не только в хранилищах России³⁹, но и в собраниях Италии, Франции, Германии, Австрии. Его успехи в этой области были замечены очень рано: еще в 1862 г. последовал указ Александра II с выражением «высочайшей благодарности» ему «за полезные, по засвидетельствованию Академии наук, труды его по предмету армянской истории»⁴⁰.

Научно-преподавательская и общественно-просветительская деятельность С. Назаряна и К. Патканяна, освещенная в данном очерке⁴¹, стала яркой страницей истории армянского народа, достойными представителями которого они оставались всю свою жизнь. Вместе с тем, поскольку их судьбы были связаны с такими городами, как Дерпт, Казань, Москва, Санкт-Петербург, они по праву считаются деятелями науки, культуры и просвещения России.

Примечания

¹ Дерпт — с 1893 г. Юрьев, с 1919 г. Тарту.

² Некролог С. И. Назаряна // Голос. 1879. № 130. С. 3.

³ РГИА, ф. 733, оп. 56, ед. хр. 640, л. 1—2; Hasselblatt, Otto. Album... S. 252. N 3483. Программа Камерального факультета включала «административно-экономические» дисциплины.

⁴ РГИА, ф. 733, оп. 56, ед. хр. 640, л. 14—15, 23—24, 30—31.

⁵ ПФАРАН, ф. 778, оп. 1, ед. хр. 41, л. 346—346 об.; Куликова. [Законодательные акты]. С. 283. № 848.

⁶ Аветикян (Аветикий) (XIX в.) — священник, арменист. Лазарь Парбский — армянский историк V в. Моисей Хоренский (между 370 и 407 — между 487 и 492) — армянский историк.

⁷ РГИА, ф. 733, оп. 56, ед. хр. 640, л. 33; Там же, оп. 157, ед. хр. 167, л. 2—8; Куликова. [Законодательные акты]. С. 220. № 192.

⁸ Куликова. [Законодательные акты]. С. 349. № 20.

⁹ РГИА, ф. 733, оп. 43, ед. хр. 46, л. 4—4 об.; *Владимиров В.* Историческая записка о I Казанской гимназии. Казань, 1867. С. 63.

¹⁰ РГИА, ф. 733, оп. 157, ед. хр. 167, л. 2—8. См. работы: *Назарян С.* Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XVIII столетия. Казань, 1844; *Он же.* Обзорение истории гайканской письменности в новейшие времена. Казань, 1846.

¹¹ Абу Абдаллах Джафар Рудаки (ок. 860—941) — персидский поэт, основоположник поэзии на фарси. Абу Мансур Мухаммед ибн Ахмед Дакики (?—ок. 977) — персидский поэт. Абулькасим Фирдоуси (ок. 940—1020 или 1030) — автор персидских поэм. Рукопись диссертации под названием «Рудаки, Дакики и Фердауси. Рассуждение на степень доктора восточной словесности магистра Степана Назарянца» хранится в РГИА, ф. 733, оп. 45, ед. хр. 94, л. 1—76.

¹² РГИА, ф. 733, оп. 45, ед. хр. 94, л. 1—7, 86—86 об.; Там же, оп. 157, ед. хр. 167, л. 2—8; Куликова. [Законодательные акты]. С. 221. № 208.

¹³ Куликова. [Законодательные акты]. С. 296. № 10.

¹⁴ РГИА, ф. 733, оп. 157, ед. хр. 167, л. 2—8; Там же, ед. хр. 193, л. 2—8; Куликова. [Законодательные акты]. С. 300. № 45.

¹⁵ Куликова. [Законодательные акты]. С. 300. № 47.

¹⁶ РГИА, ф. 733, оп. 157, ед. хр. 167, л. 9—9 об.; Куликова. [Законодательные акты]. С. 302. № 62. Ср.: Куликова. [Законодательные акты]. С. 309. № 128, приказ от 17 июня 1854 г. попечителя Лазаревского института восточных языков Ивана Иоакимовича Лазарева (Лазаряна) (1786—1858) об «учреждении в Москве журнала „Россия“ (на гайканском языке) — под руководством профессора Назарьянца и с условием наличия цензора».

¹⁷ РГИА, ф. 733, оп. 157, ед. хр. 167, л. 12.

¹⁸ Там же, ф. 800, оп. 5, ед. хр. 284, л. 146.

¹⁹ Куликова. [Законодательные акты]. С. 302. № 66, 68.

²⁰ Ср.: *Назарян С. И.* Абул-Касем Фердауси Тусский, творец Книги царей, известной под названием Шах-намэ. Т. 1. Казань, 1849; Т. 2. М., 1851; *Он же.* Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского, славный под названием Гулистана / Пер. с перс. М., 1857.

²¹ РГИА, ф. 733, оп. 50, ед. хр. 239, л. 1, 3, 5—6.

²² ГА (Тарту), ф. 402, оп. 4, ед. хр. 18442, л. 3; *Веселовский Н. И.* Керопэ Петрович Патканов (1833—1889) // ЗВОРАО. СПб., 1890. Т. 5. Вып. 1. С. 251; *Hasselblatt, Otto.* Album... S. 418. № 5695.

²³ ГА (Тарту), ф. 402, оп. 4, ед. хр. 18442, л. 6—6 об.

²⁴ Там же, л. 4; *Веселовский Н. И.* Керопэ Петрович Патканов... С. 252.

²⁵ Ср.: *Патканов К. П.* О сатире и сатирах Кантемира // Ставропольские губернские ведомости. 1853. № 2. С. 1. Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744) — поэт и дипломат.

²⁶ ГА (Тарту), ф. 402, оп. 4, ед. хр. 18442, л. 6—6 об.

²⁷ Куликова. [Законодательные акты]. С. 144. № 119.

²⁸ Список профессоров и приват-доцентов... С. 2—3.

²⁹ ЦГИАСПб, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 6110, л. 1—2; Куликова. [Законодательные акты]. С. 248. № 458.

³⁰ РГИА, ф. 733, оп. 82, ед. хр. 334, л. 3—3 об.

³¹ Переведенная К. Патканьяном «Армянская география VII в., приписываемая Моисею Хоренскому» (СПб., 1877) рекомендовалась студентам в качестве пособия его преемником по кафедре Николаем Яковлевичем Марром (1864—1934) — см. ПФАРАН, ф. 800, оп. 4, ед. хр. 17, л. 1—2.

³² Куликова. [Законодательные акты]. С. 249. № 471.

³³ Там же. С. 252. № 505.

³⁴ Там же. С. 253. № 513.

³⁵ Там же. С. 258. № 582.

³⁶ Там же. С. 259. № 589.

³⁷ Комитет цензуры духовных книг, членом которого К. Патканьян стал в 1872 г., за год до этого запретил издание его статьи на тему «Самое древнее известие о сношениях Спасителя с царем Абгаром». — Куликова. [Законодательные акты]. С. 148. № 177.

³⁸ ЗВОРАО. СПб., 1890. Т. 5. Вып. 1. С. 259—263.

³⁹ Ср.: *Патканов К. П.* Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПб., 1879. В этой работе приводятся 34 рукописи академического Азиатского музея по истории Армении.

⁴⁰ Куликова. [Законодательные акты]. С. 272. № 731.

⁴¹ Первоначальный вариант очерка см.: *Куликова А. М.* Воспитанники Дерптского университета С. И. Назарян и К. П. Патканов в истории отечественного востоковедения // Вопросы истории Тартуского университета. 1981. Т. 10. С. 127—136.

АКАДЕМИК В. П. ВАСИЛЬЕВ (1818—1900) И ЕГО НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-ТИБЕТОЛОГА

В Санкт-Петербурге, в филиале Архива Российской академии наук, хранится личный фонд В. П. Васильева¹ — востоковеда, научная судьба которого не совсем обычна.

Василий Павлович Васильев (1818—1900) — доктор (1864 г.), академик (1886 г.)², член нескольких научных обществ, первый профессор-китаист (1855—1893 гг.) и в течение 15 лет (1878—1893 гг.) декан Факультета восточных языков³, заслуженный профессор (1876 г.) и почетный член (1887 г.) Санкт-Петербургского императорского университета⁴. 17 ноября 1888 г. была учреждена стипендия его имени — для студентов-китаистов⁵. Такова внешне вполне благополучная карьера этого ученого.

Между тем был в его научной жизни момент разочарования и ломки надежд и планов. Предыстория этого события такова. В 1837 г. в звании кандидата⁶ В. П. Васильев окончил Казанский императорский университет и был оставлен при нем с целью подготовки магистерской диссертации на тему: «Об основании философии буддизма». Успешно защитив ее 23 декабря 1839 г. и получив первую научную степень⁷, он по постановлению Совета университета был включен в очередной состав Российской миссии в Пекине⁸. В постановлении говорилось, что в Китае он был обязан прежде всего изучать «язык, историю, литературу Тибета и соседних с ним стран», собирать по названным темам материалы и тем самым готовиться к должности преподавателя тибетского языка в здешнем университете⁹. Находясь в Пекине в течение 10 лет и обучаясь обычным для учеников Миссии китайскому и маньчжурскому языкам¹⁰, В. П. Васильев всеми силами стремился выполнить особую задачу, поставленную только перед ним, и по сути дела к окончанию срока командировки стал первым в России специально подготовленным тибетологом, к тому же обладавшим необходимой источниковедческой базой — собранием рукописей и книг.

Однако после возвращения в Казань его ждало серьезное испытание: проект создания тибетской кафедры в местном универ-

ситете не осуществился, и все труды В. П. Васильева в этом направлении оказались невостребованными. В 1851 г. он вынужден был занять вакантную в это время китайскую кафедру. В 1855 г. с «перемещением» его на созданный в Санкт-Петербурге Факультет восточных языков ему поручалось наряду с китайским — «дополнительное преподавание маньчжурского языка»¹¹.

А что же тибетология, несостоявшаяся роль преподавателя тибетского языка? Документы личного фонда В. П. Васильева отвечают на эти вопросы. Материалы, накопленные в Пекине при исследовании китайских и тибетских текстов, впоследствии легли в основу его трудов, благодаря которым признан его приоритет в научном изучении буддизма¹². Что касается плана создания тибетской кафедры, то среди официальных бумаг В. П. Васильева (переписка деканата, докладные записки, заметки о текущих университетских делах, программы курсов и прочее) сохранился документ, который доказывает, какое важное значение он придавал и в санкт-петербургский период жизни вопросу подготовки специалистов по Тибету и как серьезно по-прежнему стремился к роли преподавателя-тибетолога. Речь идет о составленной им, очевидно в 1850-х гг., программе обучения языку, истории и литературе Тибета¹³.

Программа состоит из трех разделов.

Первый раздел посвящен изучению языка и рассчитан на четыре года обучения. Основные его темы: I курс — грамматика, синтаксис, каллиграфия (то есть «упражнения в письме уставном и скорописи»), а также «легкие переводы» с тибетского на русский; II курс — переводы с тибетского языка «статей повествовательных и исторического содержания», перевод с русского на тибетский «легких фраз и отрывков»; III курс — «перевод с тибетского языка отрывков из сочинений относящихся к законоведению, деловых бумаг, писем... перевод с русского на тибетский статей повествовательных, писем»; IV курс — «перевод с тибетского трудных отрывков, написанных стихами... приготовление на тибетском языке писем, деловых бумаг и проч.».

Второй раздел озаглавлен «История Тибета». Основные темы данного раздела: география Тибета; сведения, сообщаемые о народах Тибета индийцами и китайцами; сказания тибетцев о своем происхождении; «различие тибетцев» в пределах Китая, Туркестана и Индии; «распадение Тибета на династии... дальнейшие судьбы Восточного Тибета по сказаниям китайской истории»; царство тангутов; тибетцы в западных провинциях Китая; «распадение Тибета при преемниках Лангдармы¹⁴... вторжение монголов в Тибет, первое подчинение тибетцев чужой власти»; Тибет под властью дома Сакия; сношения Тибета с Минской династией, политика последней по отношению к Тибету; «переворот произведенный Цзонхавой¹⁵... усиление власти Далай-ламы»; связь с джунгарами,

усиление влияния Пекинского двора на управление тибетцев; последние события, «независимые горные рода в настоящее время в Тибете».

Третий раздел программы носит название «Литература Тибета». В него включены вопросы истории тибетского языка и письменности, истории оригинальной и переводной литератур. Основные темы раздела следующие: «характеристика» тибетского языка; «отношение его к санскритскому и китайскому»; начало тибетской письменности; сочинения, переведенные на древний тибетский язык; влияние буддизма на литературу Тибета; «общие понятия» об этой религии и ее истории; различные виды буддийской литературы; переводы на тибетский язык буддийских сочинений; тибетские переводчики; религиозные секты в Тибете и их оригинальные сочинения; «составление Канджура и Танджура»¹⁶; Цзонхава и его сочинения; сочинения тибетцев по медицине и астрономии; сведения о древней Индии в тибетских книгах; логика; грамматика; поэзия; о тибетской литературе — «что нам известно и чего еще надобно ожидать».

Содержание программы свидетельствует о том, что составлялась она продуманно и основательно. Сам факт ее появления свидетельствует о готовности автора в любой момент приступить к чтению этого курса.

До завершения своей преподавательской карьеры 23 сентября 1893 г.¹⁷ В. П. Васильев не расстался с идеей учреждения университетской тибетской кафедры. В 1881 г. в статье «О преподавании восточных языков в России» он, перечисляя языки, «потребность в ознакомлении» с которыми «стучится в двери», добавляет, что «тибетский тоже на очереди»¹⁸.

В течение всего XIX в. ведущие востоковеды И. Ю. Сенковский, И. Я. Шмидт, В. П. Васильев и другие привлекали внимание официальных властей и научной общественности к необходимости подготовки тибетологических кадров — и только в начале XX в. был заполнен этот пробел в востоковедном образовании.

Примечания

¹ ПФАРАН, ф. 775 В. П. Васильева.

² Куликова. [Законодательные акты]. С. 106. № 54.

³ Там же. С. 222. № 215; С. 245. № 433; С. 262. № 617.

⁴ Там же. С. 254. № 529; С. 258. № 578.

⁵ Там же. С. 239. № 378.

⁶ Звание действительного студента или кандидата присваивалось университетским выпускникам в зависимости от успехов в обучении и не заключало в себе понятия специализации. Следовательно, В. П. Васильев не был в 1837 г. «кандидатом монгольской словесности» и не защищал диссертации, а представил работу — аналогичную современной дипломной. Ср.: История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 305—306 и др.

⁷ Куликова. [Законодательные акты]. С. 226. № 253.

⁸ Постоянная Российская миссия в Пекине имела право «содержать» нескольких учеников-восточников. Это право было ликвидировано в 1863 г. указом Александра II. См.: Куликова. [Законодательные акты]. С. 20—21, 56—57.

⁹ Куликова. [Законодательные акты]. С. 225. № 252.

¹⁰ Там же. С. 345. № 245.

¹¹ Там же. С. 222. № 218; С. 250. № 485.

¹² Наиболее полную библиографию трудов В. П. Васильева см.: *Горбачева З. И., Петров Н. А., Смыкалов Г. Ф., Панкратов Б. И.* Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900) // ОИРВ. 1956. Сб. 2. С. 329—338.

¹³ ПФАРАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 180, л. 4—5, черновой автограф, без даты. Первую публикацию этой программы см.: *Куликова А. М.* Новые материалы к истории тибетологического образования в России // ППиПИКНВ. IX годовичная научная сессия ЛОИВАН (автоаннотации и краткие сообщения). М., 1973. С. 151—153.

¹⁴ Лан(г)дарма — правитель Тибета в середине IX в.

¹⁵ Цзонхава (Цзонхава, Цзонкаба) (1357—1419) — тибетский автор, комментатор буддийских текстов.

¹⁶ Даньджур и Ганьджур — буддийский канон.

¹⁷ Куликова. [Законодательные акты]. С. 262. № 617.

¹⁸ *Васильев В. П.* О преподавании восточных языков в России // Восточное обозрение. СПб., 1886. № 7. С. 9.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ АКАДЕМИКА-ЛИТЕРАТУРОВЕДА А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО (1838—1906) С ВОСТОКОВЕДАМИ (ПО ЭПИСТОЛЯРНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Во второй половине XIX в. Санкт-Петербург стал научным центром европейского значения. В частности, здесь успешно развивались такие гуманитарные отрасли, как история, этнография, литературоведение, востоковедение. На стыке этих дисциплин возник тип исследователя, обладавшего такой суммой знаний и такой широтой научных интересов, которые позволяли обращаться к проблемам, не укладывающимся в рамки ни одной из названных наук.

Одним из таких ученых был Александр Николаевич Веселовский (1838—1906). В 32 года профессор (с 1870 г.), в течение четверти века возглавлявший кафедру истории западноевропейской литературы Санкт-Петербургского императорского университета, в 42 года действительный член Императорской академии наук (с 1880 г.), в конце академической службы председатель Отделения русского языка и словесности (1901—1906 гг.) — таковы вехи карьеры А. Н. Веселовского.

В историю науки А. Н. Веселовский вошел прежде всего как основоположник нового направления в литературоведении, опиравшегося на метод сравнительно-исторического изучения памятников литературы и фольклора. В центре его научных интересов находилась русско-славянская филология. Но, рассматривая ее как звено в общей цепи историко-литературных явлений, он при разработке любой темы привлекал огромный материал смежных дисциплин: западноевропейских литератур, этнографии, всеобщей истории, византистики и т. д. Но если как литературовед он широко известен, то его вклад в развитие названных смежных наук еще почти не изучен.

В настоящем очерке уделяется внимание востоковедным темам в творчестве А. Н. Веселовского. В основу исследования положен совершенно незнакомый доньше пласт эпистолярных источников, отобранных в результате многотрудной работы в архивах. Наибольшее количество писем к А. Н. Веселовскому было сохранено им и в настоящее время находится в его личном фонде в Руко-

писном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук¹. Его письма разбросаны по разным хранилищам: поиск велся в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, а также в ряде фондов названного выше РОИРЛИ.

Выделенный из этой переписки востоковедный материал полезен для современных читателей в нескольких аспектах. Прежде всего он позволяет определить круг востоковедов, связанных с деятельностью А. Н. Веселовского. Переписка также дает возможность уточнить перечень его трудов, как полностью относящихся к востоковедной науке, так и отчасти соприкасающихся с ней. Наконец, в данном случае мы имеем уникальные сведения о процессе зарождения и создания его работ².

Содержание переписки А. Н. Веселовского с востоковедами весьма разнообразно. В письмах мы находим обмен научными взглядами, идеями, замыслами, отзывами на готовящиеся или изданные исследования. Иногда в письме продолжение спора на официальном заседании, иногда — приглашение к деловой встрече. Сведения справочно-библиографического характера (о написании собственных имен и географических терминов в восточных текстах, об этимологии слов, о подборе источников и литературы по определенным темам и т. д.) перемежаются информацией о научно-организационных событиях. Часто консультация по тому или иному вопросу ограничивается кратким ответом, но имеют место случаи, когда на страницах писем разворачиваются целые дискуссии по тем или иным проблемам. Есть даже примеры, когда письменный обмен мнениями имел конечным результатом соавторство А. Н. Веселовского со своими корреспондентами (А. Я. Гаркави, И. П. Минаев) при издании некоторых работ. Историк найдет в переписке факты, рассказывающие о настроении востоковедной интеллигенции, о ее реакции на разные общественные явления, а также материалы к научным биографиям как самого А. Н. Веселовского, так и его корреспондентов.

Далее мы приводим описание переписки А. Н. Веселовского с отечественными востоковедами; материал расположен в соответствии с алфавитным списком корреспондентов — независимо от научного вклада и специальности последних³.

Аматуни Никодим Исаевич (?—?) — гебраист, выпускник СПИУ. Вначале он занимался наукой, позднее был назначен на пост чиновника особых поручений при министре торговли и промышленности. С 1900 г. он стал активным членом Императорского общества востоковедения. Два его письма А. Н. Веселовскому датируются 1893 г. Они относятся к периоду его научных занятий, и речь в них идет об этимологии слова, встречающегося в еврей-

ском, греческом и латинском языках, «которое в книгах Нового завета по-русски и по-славянски переводится словом: вечность, вечный»⁴.

Бейлин Соломон Хаимович (?—?), гебраист, раввин из города Рогачева Могилевской губернии, собирал материалы о параллелях в еврейском и славянском фольклоре. Нуждаясь в руководстве специалиста, он 22 июня 1900 г. обратился письменно к А. Н. Веселовскому и нашел у него «внимательное отношение к запросам провинциального ученого»⁵. С. Х. Бейлин получал из Санкт-Петербурга советы и книги, посылал на отзыв свои работы (им были написаны статьи «о греческой сказке о кольце», о «странствующих, или всемирных, сказках в древнераввинской письменности»⁶, а также оказывал помощь в сборе интересующих А. Н. Веселовского сведений. Он прислал ему, в частности, описание «важнейших обрядовых снедей у евреев», список литературы «по древнераввинскому фольклору», книгу И. Я. Порфирьева «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях», изданную в Казани в 1872 г.⁷

Булич Сергей Константинович (1859—1921) — языковед-санскритолог, историк науки. Его докторская диссертация⁸, посвященная начальному этапу языкознания в России, содержит, в частности, обширные данные об изучении в XVIII в. восточных языков. Из его письма А. Н. Веселовскому от 10 декабря 1897 г. мы узнаем, что в Санкт-Петербургском императорском университете в это время зарождалась «экспериментальная фонетика»: пытались «завести маленькую фонетическую лабораторию с инструментами Руссело»⁹. А. Н. Веселовский консультировался у С. К. Булича по вопросу «о разнице стилей в санскритской поэзии и прозе». Ответное письмо содержало соответствующий перечень книг и совет: обратиться к С. Ф. Ольденбургу, который «ближе... сведущ и начитан в области чистой индологии»¹⁰.

На протяжении многих лет А. Н. Веселовский занимался изучением сюжетов об Александре Македонском¹¹. Готовя очередную работу по этой теме — «Новые данные для истории романа об Александре», — он по совету литературоведа Л. Н. Майкова в конце 1886 г. обратился с письмом к семитологу А. Я. Гаркави¹². **Гаркави Авраам (Абрам, Альберт) Яковлевич** (1839—1919) согласился выполнить все его просьбы¹³. Завязалась переписка, целиком посвященная обсуждению различных версий Александрии восточного происхождения, обнаруженных в библиотеках Лондона, Парижа, Дамаска и других городов. Являясь консультантом, А. Я. Гаркави не ограничился справками и уточнениями по поводу объяснения терминов, имен, заимствований¹⁴. Он сверил переводы, просмотрел корректуру и чистые листы всей работы¹⁵. Более того, он составил подробные примечания, которые стали важным дополнением к тексту и позднее выросли в самостоятельное исследование.

дование. В данном случае решено было напечатать этот комментарий в конце работы А. Н. Веселовского. С одной стороны, А. Я. Гаркави не хотел своими ссылками «перерывать текста М. Гастера»¹⁶. С другой стороны, А. Н. Веселовский, учитывая характер примечаний, также считал, что их «лучше будет поместить особо, целиком, не разбивая их под строками Гастеровской статьи»¹⁷. В письме от 23 апреля 1887 г. А. Я. Гаркави дает общую оценку данного труда А. Н. Веселовского, называя его «капитальным исследованием», а «главы о Иеремии и рехавитах» — «образцами остроумной научной критики»¹⁸. В 1892 г. работа А. Н. Веселовского была издана¹⁹. Обмен письмами с А. Я. Гаркави закончился немного ранее — в конце 1880-х гг. Переписка, о которой идет речь, несомненно привлечет внимание не только тех, кто интересуется историей создания названного сочинения, но и тех, кто продолжает разработку самой темы.

Иранист и тюрколог **Залеман Карл Густав Герман (Карл Германович)** (1849—1916) наряду с другими должностями был сотрудником университетской библиотеки в Санкт-Петербурге, книгами из которой он постоянно снабжал А. Н. Веселовского²⁰. Их переписка 1880-х гг. касается и специальных вопросов. Спрашивая К. Г. Г. Залемана об «этимологическом значении» термина, который обозначает ряженных на грузинской масленице, А. Н. Веселовский добавлял: «Хотя Вы и не грузинолог, но в словарях, быть может, не откажитесь порыться»²¹. В ответном письме он получил «выписки из словаря Чубинова»²². В другой раз А. Н. Веселовский любопытствовал: «Кудряшёв писал мне, что Вы читаете персидские книжки... и нашли в них Шемякин суд. Нет ли чего ещё интересного?»²³

В апреле 1900 г. на заседании Восточного отделения Императорского русского археологического общества обсуждалась одна из работ А. Н. Веселовского. Автор рассчитывал «на большую жатву указаний», но единственное дополнение, сделанное известным семитологом и ассириологом **Коковцовым Павлом Константиновичем** (1861—1942), касалось вопроса о географическом термине «Сарра-Харран». 30 апреля 1900 г. он послал по этому поводу письмо А. Н. Веселовскому, в котором указанное слово толковалось как «римское название города», прочитанное «на французский манер». В доказательство приводились выдержки из работы Д. А. Хвольсона «Die Ssabier»²⁴.

Переписка А. Н. Веселовского с египтологом, знатоком коптских источников **Леммом Оскаром Эдуардовичем** (1856—1918) заметно выделяется своей продолжительностью (1885—1905 гг.) и числом писем (сохранилось 30 писем А. Н. Веселовского и 7 писем О. Э. Лемма). Это был обмен мнениями по целому ряду проблем, связанных с изучением Востока. Учитывая широкий круг интересов О. Э. Лемма как востоковеда, А. Н. Веселовский искал

у него ответа на самые разнообразные вопросы: «о плясках мимов на египетских похоронах», «о свадебном обиходе в древнем Египте», «о стилистике арабской поэзии», «о церковно-религиозной жизни Эфиопии» и об «именослове ее святых», о «праведных язычниках в персидских источниках», о значении некоторых турецких и персидских слов, о приобретении восточной литературы, о возможности участия в «Византийском временнике»²⁵. В 1905 г. А. Н. Веселовский пытался достать для какого-то оренбургского знакомого «татарско-русский словарь» Будагова²⁶. О. Э. Лемм в письме от 15 апреля 1905 г. подсказывал, что эта книга стала «редкостью» и «скорее всего ее можно будет найти у антиквариетов в Лейпциге»²⁷. В этом же письме мы находим любопытное свидетельство, касающееся биографии поэта Василия Андреевича Жуковского (1783—1852). В 1904 г. А. Н. Веселовский издал книгу «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“». Экземпляр ее он подарил О. Э. Лемму. Выражая за это благодарность, последний пояснял: «Для меня лично Жуковский имеет своеобразный интерес, так как покойная матушка, которая часть юности провела в Дерпте, встречалась с Жуковским, а именно у [господина] Мойера»²⁸.

Красной нитью проходит в переписке А. Н. Веселовского с О. Э. Леммом тема о восточных вариантах Александрии. Наряду с упоминавшимся выше А. Я. Гаркави О. Э. Лемм был консультантом А. Н. Веселовского по этой проблеме. В своих письмах к последнему он постоянно сообщал разнообразные данные, связанные с версиями сюжетов об Александре Македонском: это были уточнения и дополнения по отдельным вопросам, выписки из литературы, указания на ошибки в библиографии, транскрипции, цитатах²⁹. 19 июня 1885 г. он писал о «грубой ошибке», обнаруженной им в работе А. Н. Веселовского «Сербская Александрия»³⁰. 11 июля того же года он приводил сведения, связанные с «коптским Александром»³¹. В свою очередь, он сам консультировался с востоковедом В. Г. Тизенгаузеном и учитывал его советы³². Почти через 20 лет, 21 февраля 1904 г., обнаружив новый сюжет Александрии, О. Э. Лемм спешил обрадовать А. Н. Веселовского: «Сегодня прибыл у меня Александр Македонский, покоритель всего мира, и ждет Вас, покорителя всемирной литературы, с нетерпением»³³. А. Н. Веселовский чутко прислушивался к мнениям и оценкам О. Э. Лемма, учитывая их при переработке некоторых частей своих трудов³⁴.

Переписка А. Н. Веселовского и О. Э. Лемма представлена здесь не полностью. Возможно, продолжение поиска в архивах даст дополнительные материалы для характеристики научных связей этих ученых.

Лерх Петр Иванович (1828—1884), иранист и первый российский курдовед, переписывался с А. Н. Веселовским в 1873—1876 гг.,

когда последний уезжал в Европу. Эта переписка дает информацию не только об их научных интересах, но и о некоторых фактах истории востоковедной науки в целом. Прежде всего, это организация нового периодического издания «*Russische Revue*», рассчитанного на зарубежных ученых. 7 января 1873 г. А. Н. Веселовский, находившийся во Флоренции, приветствовал это событие и советовал добавить раздел «обозрение журналистики»³⁵. В ответном послании, написанном через неделю, П. И. Лерх касался нескольких вопросов, связанных с новым журналом: о «сочувствии» к этому изданию в Германии и Франции, о его подписчиках за рубежом, об участии в нем А. Н. Веселовского³⁶. Здесь же была описана защита докторской диссертации индологом И. П. Минаевым³⁷: «Диспут был прекуръезен. Оппонентами были Caetanus³⁸ и Карл Иакимович³⁹. Первый порол чепуху, но к счастью всего 15 минут. Другой жарко спорил, и кроме того дельно, так что Иван Павлович остался [доволен]»⁴⁰. В другой раз П. И. Лерх писал о получении им «сообщения от лейденского ориенталиста де Гье⁴¹... по поводу его статьи о Гиссарской экспедиции»⁴².

Осенью 1876 г. А. Н. Веселовский опять был за границей. Он посылал письма П. И. Лерху из Парижа, Генуи, Флоренции, рассказывал о «знакомствах в ученом мире», просил сведений о России⁴³. Одно из этих писем было посвящено восточной рукописи, найденной во флорентийском хранилище: «Пишу Вам из библиотеки, между делом, то есть пока сохнет рукопись и можно будет повернуть страницу. Вся моя корреспонденция и тому подобные мелкие дела совершаются в таких антрактах между одной рукописью и другою. Не подумайте, чтобы из этого выходило что-нибудь очень важное. Работы и материалов здесь много, но... глаза разбегаются... Мои заметки я пришло в рукописи Минаеву с тем, чтобы иные отделы он дал Вам — на прочтение и скуки ради. Я буду говорить об одном памятнике восточного происхождения, которым занимался между прочим [Veinschneider]... Памятник сохранился в рукописях XIII—XIV вв., французских, провансальских и итальянских... интересно, что к библейскому колориту присоединяются другие восточные подробности: Индия и Бактриана, и имена двух индийских будто бы царей, может быть, измышленные, может быть, испорченные: есть царь индийский Garabo или Guarahar, и другой: ге Trattabar (может быть, название страны). Погадайте!»⁴⁴ В 1876 г. П. И. Лерх «по болезни» вышел в отставку и уехал в Германию. Одно его письмо от 1879 г. заставляет предположить продолжение переписки с А. Н. Веселовским и после отъезда за границу, но эта ее часть в настоящее время не обнаружена.

Почти равное количество писем с обеих сторон в переписке А. Н. Веселовского (12 писем) с Н. Я. Марром (11 писем) на первый взгляд предполагает чередование запросов и ответов. Однако

отсутствие дат на большинстве писем затрудняют их систематизацию. Академик **Марр Николай Яковлевич** (1864—1934), выдающийся исследователь армяно-грузинской филологии, щедро делился своими знаниями с А. Н. Веселовским, когда того занимали вопросы, связанные с кавказоведением и вообще с Востоком. В письме от 1 января 1894 г. он помогал ему «подобрать» грузинские и армянские предания, в которых упоминается «хитон Спасителя», предлагал перевести их на русский язык, сетовал, что тексты некоторых из них он одолжил студентам, адресов которых не знает, и обещал сообщать о каждой «лишней подробности»⁴⁵.

Все остальные письма или датированы 1900 г., или могут быть отнесены к этому времени по содержанию. В них наряду с многочисленными справками (об особенностях транскрипции восточных слов, о библиографии, об обмене книгами, о толковании терминов, о замечаниях и исправлениях в текстах)⁴⁶ отложились материалы о зарождении и создании одной из работ А. Н. Веселовского⁴⁷. Впервые он упомянул о замысле ее 9 февраля 1900 г.: «В одном старофранцузском тексте (романе) конца XII, начала XIII века я нашел, несомненные, как мне кажется, отзвуки (вероятно, сирийской) легенды о распространении христианства в Северной Месопотамии»⁴⁸. Н. Я. Марр также «почувствовал» в данном сюжете «нечто восточное, сирийское» и сообщил о других сирийских и грузинских материалах⁴⁹. 13 марта 1900 г. на заседании Неофилологического общества А. Н. Веселовский сделал предварительное сообщение «о родине легенды о Святом Грале». Приглашая на него Н. Я. Марра, А. Н. Веселовский писал: «Буду излагать гипотезы и комбинации односторонние — по невозможности овладеть восточными (сирийскими) источниками. Приходите спорить, исправлять и наводить; я намеревался пригласить и Коковцова⁵⁰, но знаю его мало»⁵¹. 28 апреля 1900 г. А. Н. Веселовский повторил свое выступление в Восточном отделении Императорского русского археологического общества. Ознакомившись на этих двух заседаниях с мнениями ориенталистов, он учел их советы и рекомендации по отбору источников. Как свидетельствуют письма, Н. Я. Марр читал рукопись готовой работы, давая «указания» и сверяя тексты⁵².

В одном из писем речь идет о факте, представляющем интерес для истории Факультета восточных языков. 22 августа 1900 г. Н. Я. Марр делился с А. Н. Веселовским новостью: «В „Северном курьере“ какой-то реформатор предлагает прекратить на Восточном факультете преподавание древних восточных языков и научную постановку (а они только что наладились, как говорится) и взяться за авганский (!), индоостанский... очевидно, чтобы поскорее занять Индию и дойти до пределов мира. Прямо возмутительно. Я не сдержался, и сам не рад, что вязну в газетную полемику: у нас прилично нет возможности полемизировать в газетах. Или

надо молчать, или быть чересчур резким»⁵³. Это высказывание было отголоском длительной полемики о целях и задачах подготовки востоковедных кадров, закончившейся победой сторонников научного направления.

Самый значительный по объему и разнообразный по содержанию раздел эпистолярного наследия А. Н. Веселовского — это его переписка с индологом **Минаевым Иваном Павловичем** (1840—1890). Оба они были профессорами СПИУ, людьми, безгранично преданными науке. Это способствовало зарождению и укреплению их связей, которые вскоре превратились в горячую и искреннюю дружбу, продолжавшуюся до кончины И. П. Минаева. Дружеские отношения отразились в переписке, с одной стороны, свободой высказываний, полной откровенностью, с другой стороны — широтой информации. К настоящему времени удалось отыскать в Санкт-петербургских архивах 39 писем А. Н. Веселовского⁵⁴ и 34 письма И. П. Минаева⁵⁵. Переписка охватывает период с 1871 по 1890 гг. Эти письма очень трудно представить в виде выдержек, так как в них все взаимосвязано. Идеальным вариантом было бы полное их издание⁵⁶. В данном случае читателям предлагается лишь очень краткий обзор всей переписки и более подробное изложение некоторых ее тем.

Вероятно, первым написал И. П. Минаев из Лондона, куда он уехал в 1871 г. с целью сбора материала для своей «главной работы» — «грамматики языка пали»⁵⁷. 21 июля 1871 г. А. Н. Веселовский ответил ему обстоятельным письмом, где, в частности, мы встречаем продолжение их давнего научного разговора: «Я этой мысли не только не оставил, но еще сильнее почувствовал необходимость исследования, к которому привели меня стороною предварительные работы по диссертации. Мне все снится нерешенный вопрос: с Востока ли на Запад пошло легендарное движение или, в некоторых случаях, с Запада на Восток. Специальное исследование, которое бы сосредоточилось на одном каком-нибудь круге повестей, пролило бы много света на эту темную сторону... теории. Вот что привлекает меня к предложенной Вами задаче»⁵⁸.

Из всех зарубежных поездок, отразившихся в этой переписке, для востоковедов особенно интересно первое путешествие И. П. Минаева на Восток в 1874—1875 гг.⁵⁹ Эта поездка (вместе с двумя последующими в 1880 и 1885—1886 гг.) имела большое значение как для самого ученого, так и для развития индологии в целом. В 1874—1875 гг. И. П. Минаев посетил Индию, Цейлон и Непал. Собранный здесь материал вошел в две его работы: «Очерки Цейлона и Индии» (СПб., 1878) и «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году» (СПб., 1876)⁶⁰.

Письма позволяют прикоснуться к истокам этих трудов и проследить преобразование непосредственных впечатлений И. П. Ми-

наева о культуре Востока в ее исследование. Из них мы узнаем об организации поездки, о маршруте и целях путешествия.

Подготовительный период был для И. П. Минаева «мучительным положением». В апреле—мае 1874 г. он жил в Москве и находился в «ужасном настроении духа», волнуясь, разрешат ли поездку и отпустят ли на нее средства. Временами ему казалось, что дело «окончательно расстраивается», так как уходят сроки и не видно конца неизвестности⁶¹. Вопрос о финансировании командировки решался в столице, где в интересах друга энергично действовал А. Н. Веселовский. Он доказывал членам Совета университета реальность поездки, связывался с людьми, которые могли продвинуть дело, предлагал пути решения этой проблемы. В частности, он советовал И. П. Минаеву обратиться за поддержкой к генерал-губернатору Туркестанского края (с 1867 г.) Константину Петровичу Кауфману (1818—1882), приехавшему в это время в Санкт-Петербург. Денежная помощь последнего связывалась с условием, чтобы путь И. П. Минаева в Индию проходил через «Бактрию»⁶² и чтобы он по дороге провел топографические съемки, необходимые местной администрации. Самого ученого в этом случае привлекала возможность сбора в крае эпиграфических материалов, но пока он колебался, К. П. Кауфман уехал за границу⁶³.

25 апреля 1874 г. А. Н. Веселовский извещал И. П. Минаева о том, что получена сумма в 3.464 рубля. В мае (число не указано) он прислал долгожданное сообщение: «В канцелярии (университета. — А. К.) получено Высочайшее повеление о командировании Вас на пять месяцев за границу. Поздравляю. Ваш Веселовский»⁶⁴.

Свое путешествие И. П. Минаев начал с кратковременного заезда в Англию. Здесь он пробыл около двух недель, посетив Лондон и Кембридж и достав около 30 рекомендательных писем. Упоывая на их «полезность», И. П. Минаев замечает: «Я еду в Индию теперь не как в лес, и надеюсь, что меня не будут принимать за шпиона»⁶⁵.

В письме А. Н. Веселовскому, написанном 22 июня 1874 г. на борту парохода, И. П. Минаев сообщает о своих планах: «Я еду теперь в Цейлон и оттуда думаю пробраться в Рангун и Мандалай. В Бирме мне обещали люди компетентные большую поживу. До сих пор там не путешествовал никто из занимающихся буддизмом и палийскою литературою. Мне предстоит представиться его бирманскому величеству»⁶⁶. (Недостаток средств и препятствия со стороны местной администрации помешали осуществить поездку в Бирму. И. П. Минаев попал сюда лишь в 1885—1886 гг.)

Последующие восемь писем И. П. Минаева⁶⁷ относятся к периоду его пребывания на Востоке. В них содержатся впечатления вдумчивого и любознательного наблюдателя о новой стране: об исторических памятниках, о встречах с людьми, об экзотических животных, об особенностях здешнего климата. 23 октября 1874 г.,

заехав на два дня в Коломбо, он спешит поделиться с другом сведениями об увиденном: «Я провел около двух месяцев в покинутых, забытых и развалившихся столицах Цейлона. Анурадхапура необыкновенное место. Климат ужасный. Три года там не было дождя; за воду плати рублицы, но зато какие развалины. Здесь точно жил другой народ, а не предки теперешних сингалезцев. Столько изящества в этих произведениях искусства: какая резьба по граниту, какая тонкая скульптура. И все это разбросано по лесу и попадаетея вам на каждом шагу... Теперь в Анурадхапуре всего 700 жителей (малабарцев преимущественно), а прежде до р. х., вероятно, были сотни тысяч. По моим соображениям главные улицы тянулись на протяжении трех миль; сохранились кое-где фундаменты частных домов, легко себе вообразить, среди какой обстановки и каких удобств жили люди в этой теперь сухой местности. В городе было множество искусственных озер, обложенных гранитными плитами, купален, с такими изящными лестницами, высеченными из гранита. Наибольшее количество развалин религиозного характера...»⁶⁸ В Анурадхапуре, а также в Мехинтале, Топаре, Дамбуле, Матале (в пещерах и других глухих местах) И. П. Минаев списал «несколько весьма древних надписей»⁶⁹.

6 ноября 1874 г. И. П. Минаев пишет о его романтических ночевках «на природе»: «В Полланару-е я жил совершенным дикарем, в лесу. Спал в бонде и по ночам прислушивался к звукам ночной жизни... Я слышал слона на воле, видел на заре... стада шакалов и раз бежал, испуганный, от обезьян. Но зверей мало здесь, ибо слишком много охотников»⁷⁰.

Далее И. П. Минаев проехал через Бадуллу, Бинтен, Галле; в начале 1875 г. пароходом прибыл в Калькутту, где находился до конца февраля. Калькутту он назвал «величественной»: «широкие улицы, громадные дома, на улицах сильное движение и очень пестрая толпа»⁷¹. Маршрут последних месяцев его пребывания на Востоке выглядел так: Калькутта—Бихар—Катманду—Бихар—Алмор⁷²; в мае 1875 г. он был на пути в Непал.

В Алморе И. П. Минаев провел почти все лето и отправил отсюда два письма. В первом из них — от 30 июня — он рассказывал о своих занятиях: «Я записываю и перевожу местные сказки здесь. Живу совершенно уединенно... У меня есть придворный певец... Бард поет мне ежедневно, за пять рупей и подарочек в месяц. В моем штате есть „шут“... знаток всякого рода сказок. „Шут“ жалования не получает, он работает поштучно. Современная народная литература необыкновенно богата, песни, сказки очень поэтичны, некоторые сказки юмористичны. Во всем этом нет того условного, манерного, что иногда неприятно поражает в некоторых древних образцах индийской литературы. И мой певец, и мой „шут“, оба безграмотны, книг в глаза не видели, и потому все, что

ими рассказывается, представляет... особенный интерес»⁷³. Во втором письме — от 11 августа — он писал, что в Алморе «набрал довольно» сказок и песен, приобрел несколько рукописей и отсюда едет в Лагор⁷⁴.

В приведенных письмах, особенно в последних из них, присутствуют опасения и сомнения о том, что не удастся попасть в Бирму, что не дадут «пропуск в Непал», что не покажут «храмов, монастырей и книг», что «не будет ни сил, ни возможности побывать здесь (в Индии. — А. К.) во второй раз»⁷⁵. Поэтому И. П. Минаев, с одной стороны, до предела уплотняет свой рабочий график, а с другой стороны, добивается денег на продление командировки. Во всех письмах А. Н. Веселовскому содержится просьба собрать дополнительные средства и выслать их.

Среди статей дохода, на которые рассчитывал И. П. Минаев (таких, как жалованье, правительственные субсидии, гонорары за публикации), было издание его путевого дневника. Первые «несколько листков» он выслал А. Н. Веселовскому в октябре 1874 г. со следующим пояснением: «У меня готово продолжение, но, боюсь, что кроме Вас никто не станет читать моих мараний»⁷⁶. С этого момента в Санкт-Петербург систематически отправлялись очередные главы дневника с неизменной просьбой «обратить их в деньги», то есть «пристроить» в какой-нибудь журнал.

Из ответных писем А. Н. Веселовского мы узнаем о его неоценимой помощи, без которой невозможны были бы ни начало, ни проведение, ни продление первой экспедиции И. П. Минаева на Восток. А. Н. Веселовский решал множество вопросов: он получал рукописи из Индии, редактировал их, «в качестве подневольного друга правил корректуру», уточнял «географические имена», консультировался с востоковедами, вел переписку с редакциями⁷⁷, добивался издания частей дневника. В результате всего этого он периодически набирал нужные суммы и посылал их И. П. Минаеву, находившемуся «в тисках банкротства» — в «той Индии богатой»⁷⁸. Но главное его достижение — получение дополнительной субсидии от правительства в две тысячи рублей и как результат этого продолжение командировки своего друга.

После возвращения И. П. Минаева с Востока переписка его с А. Н. Веселовским возобновлялась в периоды, когда один из них уезжал в Западную Европу. В их письмах постоянно присутствовал обмен мыслями, планами, темами, оценками, они поверяли друг другу горести и радости. Однако особый интерес, как и в «индийский период», представляют в их переписке путевые зарисовки, описания новых мест, впечатления и оценки увиденного. И. П. Минаев писал из Лондона и Ниццы, а многие письма А. Н. Веселовского отправлены из городов Италии.

В целом переписка этих двух лиц содержит обширный материал, выходящий за рамки их биографий. Здесь сохранилась инфор-

мация о развитии литературоведения и востоковедения, по истории научной и общественно-политической жизни столицы и в особенности по истории Санкт-Петербургского императорского университета. В письмах есть сведения о множестве людей. На их страницах упомянуты филолог-славяновед и фольклорист Федор Иванович Буслаев (1818—1897), филолог-востоковед Антон Фридрих (Антон Антонович) Шифнер (1817—1879), поэт Аполлон Николаевич Майков (1821—1897), филолог и историк Востока Всеволод Федорович Миллер (1848—1913), историк и писатель Николай Иванович Костомаров (1817—1885), нумизмат Петр Павлович Шувалов (1819—1901), чиновник Александр Львович Потапов (1818—1886), историк и правовед Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889), юрист Иван Ефимович Андреевский (1831—1891), арабист Владимир Федорович Гиргас (1835—1887), тюрколог Фридрих Вильгельм (Василий Васильевич) Радлов (1837—1918), историк-византиновед Василий Григорьевич Васильевский (1838—1899), филолог и этнограф Измаил Иванович Срезневский (1812—1880), тюрколог Илья Николаевич Березин (1818—1896), историк Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897), филолог и историк Андрей Николаевич Попов (1841—1881), инженер-генерал Константин Петрович Кауфман (1818—1882), арменист Керопэ (Петрович) Патканян (Патканов) (1833—1889), историк Востока Василий Васильевич Григорьев (1816—1881), историк и архивист Афанасий Федорович Бычков (1818—1899), военный историк Николай Федорович Дубровин (1837—1904), чиновник ММП Иван Давидович Делянов (1818—1897), арабист Виктор Романович Розен (1849—1908), историк литературы и этнограф Владимир Иванович Ламанский (1833—1914), дипломат Николай Карлович Гирс (1820—1895) и другие. В заключение обзора этой замечательной переписки еще раз подчеркнем, что ее полное издание остается задачей будущих науковедов.

Короткие деловые записки А. Н. Веселовского академику-индологу **Ольденбургу Сергею Федоровичу** (1863—1934) — это, в основном, обмен сведениями о текущих академических делах⁷⁹. В двух местах речь идет об «индийских сочинениях» и отдельных индийских словах⁸⁰.

Сохранилось единственное письмо А. Н. Веселовскому армениста **Патканяна (Патканова) Керопэ (Петровича)** (1833—1889), в котором он приводил этимологию слова со значением «шут, потешник», привлекая сравнения из арабского, персидского, грузинского и армянского языков и поясняя, что «на Кавказе, особенно в Грузии, арабские и персидские слова употребляются часто в несколько измененном смысле», отличном от их значений в соответствующих словарях⁸¹.

Три письма монголиста **Позднеева Алексея Матвеевича** (1851—1920) относятся к 1880-м гг. 16 декабря 1880 г. он, по просьбе

А. Н. Веселовского, отправил ему «для пересылки Габеленцу и Юльгу»⁸² несколько своих сочинений; работу «Ургинские хутухты»⁸³ он послать не смог, так как последний экземпляр «подписал» И. В. Помяловскому⁸⁴, интересовавшемуся изучением Востока⁸⁵. Во втором письме — от 23 января 1889 г. А. М. Позднеев просил возвратить русский перевод калмыцкой сказки (вероятно, присланной А. Н. Веселовскому на отзыв или для работы), поскольку отсутствие перевода задерживает завершение издания⁸⁶. Третье письмо от 24 марта 1889 г. касается личных имен, обозначающих тибетских богинь. Зная иное мнение по этому вопросу Потанина⁸⁷, А. М. Позднеев просил прислать текст: «...может быть, по роли, которую они играют в рассказе, удастся определить точно эти личности»⁸⁸.

Письма А. Н. Веселовскому академика-тюрколога **Радлова Фридриха Вильгельма (Василия Васильевича)** (1837—1918) были посвящены: одно (от 16 февраля 1887 г.) — текущим академическим делам⁸⁹, другое (без даты) — подробному разъяснению вопроса о происхождении тюркского слова «аламан»⁹⁰.

Тесные связи А. Н. Веселовского с признанным главой Санкт-Петербургской школы востоковедения арабистом **Розеном Виктором Романовичем** (1849—1908) заставляют предположить, что в настоящее время обнаружена лишь небольшая часть их переписки: два письма А. Н. Веселовского и один ответ В. Р. Розена (даты отсутствуют). В первом письме А. Н. Веселовский сетовал на невыплату ему вознаграждения за чтение лекций по итальянскому языку и расценивал это как желание устранить его «от лекторства»⁹¹. Второе письмо А. Н. Веселовского было написано накануне какого-то Нового года, так как он сообщал, что «только что разделал курицу по-арабски и по-европейски зажег елку». Несмотря на праздник он решил побеспокоить В. Р. Розена, прося сведений о вариантах «легенды о Грале», о «сарацинском царе Амфинохе» и о «распространении христианства и христианской проповеди древней среди арабов», а также выписок из арабской рукописи (название не указано), где встречаются слова «вульгарного диалекта, особенно латинские и испанские, ибо мое любопытство далее этого не идет, и я не чувствую себя в силах приступить к изучению всего дивана»⁹². Письмо В. Р. Розена содержит выписку из атласа Шпрунера о географическом названии Euchaita⁹³.

Монголист **Руднев Андрей Дмитриевич** (1878—1958) 13 декабря 1905 г. обратился с письмом к А. Н. Веселовскому как члену Финно-угорского общества с просьбой подписать поздравительную телеграмму в связи с 70-летием основателя и председателя этого общества Доннера⁹⁴.

Рыбаков Сергей Гаврилович (1867—1922), филолог, этнограф и композитор, по поручению Императорской академии наук и Императорского русского географического общества совершил ряд

поездок по Уралу. Собранные там материалы легли в основу его книги «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта» (СПб., 1897). Издание ее готовилось за счет Академии, но автору вознаграждения не предусматривалось. Обо всем этом С. Г. Рыбаков написал А. Н. Веселовскому, поясняя, что даже академику К. Г. Г. Залеману была определена плата, хотя труд его «состоял, главным образом, в подписывании листов к печати», а ему правку оттисков оплатить отказались⁹⁵. С. Г. Рыбаков, поскольку его командировки, связанные с подготовкой указанного сочинения, требовали значительных средств, просил А. Н. Веселовского хлопотать о выплате пособия.

Первое обращение к А. Н. Веселовскому руководителя турецко-татарской кафедры СПИУ **Смирнова Василия Дмитриевича** (1846—1922) было связано со сбором сведений «о подвигах романо-германского отделения» Университета за 1888 г.⁹⁶ Второе его письмо — «краткое резюме соображений» о какой-то рукописи, присланной А. Н. Веселовским на отзыв. По мнению В. Д. Смирнова, эта рукопись «составная». В ранней части почерк «турецко-малоазиатский», в поздней — «крымско-татарский». Язык ближе всего к «османскому-малоазиатскому». Автор — «какой-то Тартуси... С его именем есть еще роман, где героем является Александр Македонский»⁹⁷. В. Д. Смирнов сравнивал эту рукопись с персидской рукописью Азиатского музея, в которой также «содержится роман об Александре Македонском с большой примесью имен и приключений из Шах-наме»⁹⁸.

Пять писем преподавателя грузинской словесности в СПИУ **Цагарели Александра Антоновича** (1844—1929) — это ответы на вопросы А. Н. Веселовского об этимологии некоторых грузинских слов, встречающихся в «Святом писании»⁹⁹, и о грузинских источниках, содержащих легендарные библейские сюжеты¹⁰⁰.

Приведенные материалы позволяют говорить о связях А. Н. Веселовского с достаточно большим кругом востоковедов. Мы встречаем здесь арабиста В. Р. Розена, египтолога О. Э. Лемма, иранистов К. Г. Г. Залемана и П. И. Лерха, индологов И. П. Минаева и С. Ф. Ольденбурга, кавказоведов Н. Я. Марра, К. П. Патканяна и А. А. Цагарели, тюркологов Ф. В. Радлова и В. Д. Смирнова, монголистов А. М. Позднеева и А. Д. Руднева, семитологов П. К. Ковцова, А. Я. Гаркави, Н. И. Амадуни и С. Х. Бейлина. К сожалению, переписка названных ученых с А. Н. Веселовским почти неизвестна востоковедам: в архивах и литературе не сохранилось следов их обращения к этим письмам.

Данный очерк, посвященный исследованию части эпистолярного наследия А. Н. Веселовского, возможно, привлечет внимание ко всей его переписке. Эта переписка является исключением даже по меркам XIX столетия, когда эпистолярные связи по сравнению с нашим временем заполняли гораздо большую нишу в отноше-

ниях между людьми. Она выделяется тремя особенностями: значительным объемом, личностями корреспондентов и широтой содержания.

Объем переписки А. Н. Веселовского — это тысячи писем. Известно более 800 его корреспондентов, среди которых мы встречаем химика Д. И. Менделеева, писателя В. Г. Короленко, литературоведов А. Н. Пыпина и М. И. Сухомлинова, историка Н. И. Костомарова, издателя рукописей А. Ф. Бычкова, редактора А. С. Суворина, историка искусства В. В. Стасова и многих других. Один перечень этих имен говорит о богатстве переписки как источника для исследователей самых разных отраслей знаний. Действительно, неоспоримая ценность этого собрания в наличии на его страницах огромного количества материалов по истории гуманитарных наук России и Западной Европы в последней четверти XIX в. и в первое пятилетие XX в.

Бесценны эти письма и в другом отношении. В 2001 г. исполнилось 95 лет со дня смерти А. Н. Веселовского — срок вполне достаточный для всесторонней оценки его научного наследия. При создании серьезной монографии, которой он безусловно заслуживает, необходимым этапом будет глубокое исследование его архивных материалов, в том числе и писем — этих ярких свидетельств далекого прошлого.

Примечания

¹ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3. Описание фонда см.: *Виноградов Г. С.* Архив А. Н. Веселовского: Краткий обзор // Бюллетень Рукописного отдела Института литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. Л., 1945. № 1. С. 58—65. См. также: *Козмин Н. К.* Переписка А. Н. Веселовского // Вестник АН СССР. Л., 1932. № 7. С. 47—48.

² Ср.: *Симони П. К.* Библиографический список трудов А. Н. Веселовского с указанием их содержания и рецензий на них. 1859—1906 гг. // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Пг., 1922. Т. 99. № 9. С. 1—68.

³ В настоящем очерке в цитатах сохранено написание восточных имен и терминов, принятое каждым данным автором. Русские слова, встречающиеся в письмах в сокращенном виде, приведены полностью.

⁴ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 79, л. 3—3 об.

⁵ Там же, р. 1, оп. 12, ед. хр. 131, л. 1 об.—2.

⁶ Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 120, л. 15, 17.

⁷ Там же, л. 5—9, 19—20.

⁸ См.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904.

⁹ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 180, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 5—6.

¹¹ См.: *Симони П. К.* Библиографический список... № 64, 140, 143, 152 и др.

¹² РОИРЛИ, р. 1, оп. 4, ед. хр. 122, л. 1.

¹³ Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 253, л. 1.

¹⁴ Там же, л. 4—6, 9—10.

¹⁵ Там же, л. 3, 4 об., 6 и др.

¹⁶ Преподаватель Бухарестского университета М. Гастер (1856—1939) в 1886 г. переехал в Оксфорд и оттуда прислал А. Н. Веселовскому извлечения из немецкого перевода «еврейской Александрии, найденной им в одной лондонской рукописи». Этот текст, переведенный на русский, А. Н. Веселовский включил в свою работу. См.: РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 253, л. 2.

¹⁷ РОИРЛИ, р. 1, оп. 4, ед. хр. 122, л. 5, 7, 8, 11.

¹⁸ Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 253, л. 8.

¹⁹ См.: Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 53. СПб., 1892.

²⁰ РОИРЛИ, р. 1, оп. 4, ед. хр. 126, л. 3, 5, 9, 15.

²¹ Там же, л. 5 об.

²² РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 354, л. 3. См.: *Чубинов Д. И.* Грузинско-русско-французский словарь. СПб., 1840.

²³ РОИРЛИ, р. 1, оп. 4, ед. хр. 126, л. 7 об. Очевидно, речь идет о студенте М. И. Кудряшеве, подготовившем к изданию лекции А. Н. Веселовского. — См.: *Симоны П. К.* Библиографический список... № 113, 127, 138, 147, 157.

²⁴ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 409, л. 1; Там же, ед. хр. 516, л. 5; Там же, р. 1, оп. 4, ед. хр. 128, л. 5. Речь идет о работе Д. А. Хвольсона «Die Ssabier und der Ssabismus». St.-Pb., 1856.

²⁵ РОИРЛИ, р. 1, оп. 4, ед. хр. 134, л. 3—3 об., 11, 13, 15; АВ, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1—3.

²⁶ См.: *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1—2. СПб., 1867—1871.

²⁷ РОИРЛИ, р. 1, оп. 4, ед. хр. 134, л. 49; Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 42, л. 17—18.

²⁸ Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 182, л. 17—17 об. Мария Андреевна Протасова (?—1823), которую всю жизнь любил В. А. Жуковский, в 1817—1823 гг. была женой известного дерптского хирурга И. Ф. Мойера.

²⁹ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 482, л. 1—6, 8, 10—13 и др.

³⁰ Речь идет о работе А. Н. Веселовского «К вопросу об источниках Сербской Александрии» // ЖМНП. 1884. Ч. 233. № 6. Отд. 2. С. 149—197; Там же. Ч. 235. № 9. Отд. 2. С. 16—85.

³¹ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 482, л. 10—13.

³² Там же, л. 6. Вольдемар Эрнст (Владимир Густавович) Тизенгаузен (1825—1902) — востоковед, археолог, нумизмат.

³³ Там же, л. 15.

³⁴ РОИРЛИ, р. 1, оп. 4, ед. хр. 134, л. 5, 22 и др.; АВ, ф. 35, оп. 2, ед. хр. 7, л. 1—2.

³⁵ РОИРЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1.

³⁶ Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 484, л. 1—2.

³⁷ Тема диссертации И. П. Минаева — «Очерк фонетики и морфологии языка пали». О переписке И. П. Минаева с А. Н. Веселовским сказано далее.

³⁸ Имеется в виду Казтан Андреевич Коссович (1815—1883), с 1859 г. возглавивший санскритско-персидский разряд Факультета восточных языков.

³⁹ Дополнительных сведений о нем найти не удалось.

⁴⁰ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 484, л. 1—2.

⁴¹ Имеется в виду Михаил Ян де Гус (1836—1903) — голландский арабист, профессор Лейденского университета.

⁴² РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 484, л. 3—4.

⁴³ Там же, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 18, л. 9—9 об., 11; Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 484, л. 5.

⁴⁴ Там же, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 18, л. 16—17.

⁴⁵ Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 516, л. 2.

⁴⁶ Там же, р. 1, оп. 4, ед. хр. 128, л. 1—3, 7—10, 13, 15, 17, 19—20; Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 516, л. 2—3, 8—10, 12.

⁴⁷ См.: *Веселовский А. Н.* Где сложилась легенда о Святом Грале? Несколько соображений // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1900. С. 393—450.

⁴⁸ ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, ед. хр. 183, л. 1.

⁴⁹ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 516, л. 13—20.

⁵⁰ Об участии П. К. Коковцова в обсуждении этой темы сказано выше.

⁵¹ ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, ед. хр. 183, л. 1—2.

⁵² Там же, л. 3 об. и др.

⁵³ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 516, л. 7.

⁵⁴ Там же, ф. 340, оп. 2, ед. хр. 14, л. 1—68; АВ, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 5, л. 1—5; РНБ(СПб) ОР, ф. 621, оп. 1, ед. хр. 145, л. 1—2.

⁵⁵ РОИРЛИ, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 533, л. 1—61.

⁵⁶ О необходимости издания переписки этих ученых писал в 1932 г. востоковед и историк науки Игнатий Юлианович Крачковский (1883—1951). См.: РОИРЛИ, р. 1, оп. 12, ед. хр. 131, л. 1—4.

⁵⁷ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 533, л. 1. Ср. примеч. 37.

⁵⁸ АВ, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 5, л. 1 об.

⁵⁹ Обзор писем этих лет впервые опубликован: *Куликова А. М.* Первое путешествие И. П. Минаева на Восток в его переписке с А. Н. Веселовским // ППИПИКНВ. XII годовичная научная сессия ЛОИВАН (краткие сообщения). Ч. I. М., 1977. С. 118—124.

⁶⁰ Первоначально обе работы появились в виде отдельных статей в ЖМНП и в «Вестнике Европы».

⁶¹ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 533, письмо от 4 апреля 1874 г., л. 1—2; письмо от 19 апреля 1874 г., л. 1—2.

⁶² Географические названия приведены в транскрипции И. П. Минаева.

⁶³ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 533, письмо от 20 апреля 1874 г., л. 1; письмо от 4 мая 1874 г., л. 1—2; Там же, ф. 340, оп. 2, ед. хр. 14, л. 16 об., 20.

⁶⁴ РОИРЛИ, ф. 340, оп. 2, ед. хр. 14, л. 14, 16, 18, 20.

⁶⁵ Там же, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 533, письмо от 22 июня 1874 г., л. 1—2.

⁶⁶ Там же, л. 1 об.—2.

⁶⁷ Сохранилась не вся переписка этого периода.

⁶⁸ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 533, письмо от 23 октября 1874 г., л. 1—2.

⁶⁹ Там же, л. 2.

⁷⁰ Там же, письмо от 6 ноября 1874 г., л. 1—2.

⁷¹ Там же, письмо от 12 января 1875 г., л. 3.

⁷² Там же, письмо от 25 февраля 1875 г., л. 1; письмо от 13 февраля 1875 г., л. 1; письмо от 30 июня 1875 г., л. 1.

⁷³ Там же, письмо от 30 июня 1875 г., л. 1 об.

⁷⁴ Там же, письмо от 11 августа 1875 г., л. 1 об.

⁷⁵ Там же, письмо от 12 января 1875 г., л. 1—3; письмо от 25 февраля 1875 г., л. 1; письмо от 30 июня 1875 г., л. 2.

⁷⁶ Там же, письмо от 23 октября 1874 г., л. 1.

⁷⁷ См., например, письмо А. Н. Веселовского члену редакции «Вестника Европы» Александру Николаевичу Пыпину (1833—1904) — РНБ(СПб) ОР, ф. 621, оп. 1, ед. хр. 145, письмо № 10.

⁷⁸ РОИРЛИ, ф. 340, оп. 2, ед. хр. 14, л. 33 об., 36 и др.

⁷⁹ ПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 107, л. 1, 3; Там же, ф. 2, оп. 1—1906, ед. хр. 1, л. 52; РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 580, л. 4.

⁸⁰ ПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 107, л. 2; РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 580, л. 3.

⁸¹ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 596, л. 1—1 об.

⁸² Ганс Георг Конон Габеленц (1840—1893) — профессор восточных языков Лейпцигского университета (с 1878 г.). С немецким филологом Бернгардом Юльгом (1825—1886) А. М. Позднеев хотел познакомиться — «хоть в письмах и сочинениях».

⁸³ Речь идет о работе А. М. Позднеева «Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта». СПб., 1880.

⁸⁴ Иван Васильевич Помяловский (1845—не ранее 1897) — с 1873 г. профессор римской словесности СПИУ.

⁸⁵ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 622, л. 1.

⁸⁶ Там же, л. 2.

⁸⁷ Григорий Николаевич Потанин (1835—1920) — путешественник и географ, исследователь Монголии и Тибета.

⁸⁸ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 622, л. 5.

⁸⁹ Там же, ед. хр. 650, л. 1—2.

⁹⁰ Там же, л. 3—4.

⁹¹ ПФАРАН, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 69, л. 4.

⁹² Там же, л. 1—1 об., 3.

⁹³ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 673, л. 1—1 об. Карл Шпрунер фон Мерц (1803—?) — картограф, географ.

⁹⁴ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 682, л. 1—1 об. Отто Донер (1835—1909) — специалист по финно-угорским языкам, профессор Александровского университета в Гельсингфорсе.

⁹⁵ ПФАРАН, р. 5, оп. 1-В, ед. хр. 13, л. 10—10 об.; Там же, ф. 87; оп. 3, ед. хр. 331.

⁹⁶ РОИРЛИ, ф. 379, оп. 1, ед. хр. 98, л. 1. Вероятно, речь идет о годовом отчете названного отделения.

⁹⁷ РОИРЛИ, ф. 45, оп. 3, ед. хр. 705, л. 1.

⁹⁸ Там же, л. 2.

⁹⁹ Там же, ед. хр. 800, л. 1, 5—6.

¹⁰⁰ Там же, л. 2—4, 7.

Д. Н. Кудрявский (1867—1920) — языковед-индолог, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ТРЕХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Имя лингвиста широкого профиля Д. Н. Кудрявского известно специалистам по общему языкознанию. Данный очерк, посвященный его вкладу в развитие индологии, основывается на следующих материалах: 1) архивные источники (официальные документы, переписка, воспоминания; сюда же примыкает «Обзор архивных источников о Д. Н. Кудрявском»¹); 2) труды Д. Н. Кудрявского²; 3) работы по истории индологии, в которых дана его оценка как исследователя Индии³.

Жизнь и деятельность Дмитрия Николаевича Кудрявского связана с тремя городами России: Санкт-Петербургом, Юрьевом⁴ и Воронежем.

Санкт-петербургский период — самый длительный, включивший 30 первых лет от рождения до формирования его как ученого. Родился Д. Н. Кудрявский 25 октября 1867 г. в Санкт-Петербурге: со стороны отца он был внуком землемера, со стороны матери — внуком знаменитого актера П. А. Каратыгина. В 1885 г. он окончил с серебряной медалью гимназию и поступил на Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского императорского университета. Незадолго до этого, 24 января 1884 г., было принято решение открыть на Факультете курс санскритского языка⁵, который продолжался до 1889 г. Курс читал (и весь его от начала до конца прослушал студент Д. Н. Кудрявский) знаток языков и литератур Индии, доктор (1871 г.) Иван Павлович Минаев (1840—1890). Он оставил немало учеников, самыми заметными из которых стали Д. Н. Кудрявский, Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) и Федор Ипполитович Щербатской (1866—1942). В 1889 г. Д. Н. Кудрявский написал выпускное сочинение на тему: «Обзор новейших работ по сравнительному синтаксису. Учение о падежах» (СПб., 1889) и закончил Университет в звании кандидата.

И. П. Минаев добился того, что Д. Н. Кудрявский был оставлен при Факультете в качестве магистранта. В декабре 1891 г. он сдал магистерские экзамены по специализации «сравнительное языковедение и санскрит»⁶. В 1892 г. подготовил диссертацию по

вопросам сравнительной филологии. Два года преподавал «древние» языки в гимназии.

В Санкт-Петербурге определилась направленность научных изысканий молодого ученого. С одной стороны, его привлекали проблемы сравнительного языкознания в рамках индоевропейских языков, с другой стороны — язык, литература и обряды древней Индии.

С лета 1894 г. по осень 1895 г. Д. Н. Кудрявский находился в научной командировке в Европе: вначале в Иене, где слушал лекции по сравнительному синтаксису и санскриту у профессора Бертольда Дельбрюка (1842—1922), а затем в Париже. В письме от 9 марта 1895 г. С. Ф. Ольденбургу он обращался с просьбой дать «указания относительно парижских источников мудрости, то есть библиотек», так как собирался «приняться за продолжение своих работ над сутрами»⁷. Речь идет об исследовании индийского сочинения «Грихья-Сутры» как источника по истории индоевропейской бытовой культуры⁸. В этом же письме он интересовался мнением С. Ф. Ольденбурга о «постановке вопроса и выводах» своей работы «о госте»⁹. В данном случае имеется в виду его работа «Прием почетного гостя по древнеиндийским правилам домашнего ритуала»¹⁰.

После возвращения в Санкт-Петербург, с января 1896 г. по 1898 г., Д. Н. Кудрявский в качестве приват-доцента читал на Историко-филологическом факультете лекции по сравнительному языкознанию и санскриту. В этот период он издал несколько работ, в которых освещались отдельные аспекты общей темы — сравнительного синтаксиса индоевропейских языков¹¹.

15 декабря 1898 г. императорским указом «магистрант Д. Н. Кудрявский был утвержден исправляющим должность экстраординарного профессора немецкого и сравнительного языковедения» в Юрьевский императорский университет¹². Причиной его перевода из столицы в отдаленный Юрьев было, возможно, участие в политической жизни. В 1890-е гг. он увлекся философскими работами Карла Маркса (1818—1883) и Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918), входил в кружок студентов-марксистов Технологического института, был автором первого перевода на русский язык работы Фридриха Энгельса (1820—1895) «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (СПб., 1894). Судя по воспоминаниям родных, знакомых, коллег, Д. Н. Кудрявский и в последующие годы оставался «ярким сторонником марксистской теории»¹³. Как бы то ни было — интерес к марксизму не помешал его карьере преподавателя немецкого и сравнительного языковедения в Юрьевском императорском университете. В архивах сохранились указы Николая II о продвижении Д. Н. Кудрявского по служебной лестнице: 22 декабря 1906 г. он был утвержден на должность экстраординарного профессора (до этого он ее лишь «исправлял»), по-

сколькx к этому времени защитил магистерскую диссертацию; 2 ноября 1907 г. он был «определен исправляющим должность ординарного профессора»; через два месяца, 22 декабря 1907 г., был утвержден в этой должности¹⁴.

За годы пребывания в Юрьеве Д. Н. Кудрявский создал научную школу, из которой вышли этнограф и фольклорист Дмитрий Константинович Зеленин (1878—1954), исследователь прибалтийских языков Ян (Марцевич) Эндзелин (1873—1961), профессора Владимир Николаевич Евреинов (?—?) и Леонид Константинович Ильинский (?—1934).

Сам Д. Н. Кудрявский в этот период подготовил ряд работ по общему языкознанию¹⁵ и русскому языку¹⁶, а также несколько учебных пособий¹⁷ и рецензий. Особо следует отметить его исследование по истории древнеиндийских обрядов и санскриту.

К первой теме относятся:

1. Кудрявский Д. Н. Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов. Прием почетного гостя. Посвящение мальчика в брахманские ученики. Юрьев, 1904.

2. Кудрявский Д. Н. (переводчик с санскрита). Хитопадеша. Доброе наставление. Сборник древнеиндийских рассказов, составленный Нараяной. Юрьев, 1908.

3. Кудрявский Д. Н. Четыре стадии в жизни древнего индуса. Юрьев, 1909.

Ко второй теме относятся:

1. Кудрявский Д. Н. Начальная санскритская хрестоматия со словарем и кратким обзором фонетики и морфологии санскритского языка. Юрьев, 1903.

2. Кудрявский Д. Н. Начальный курс санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Юрьев, 1917.

3. Кудрявский Д. Н. Санскритско-русский словарь. (1918—1920), рукопись.

Работы по санскриту несомненно были вызваны к жизни потребностями преподавательской деятельности, которой он отдавал много сил и стараний. По отзывам вдовы Д. Н. Кудрявского, его лекции были содержательны и вместе с тем доступны и интересны студентам¹⁸.

В юрьевский период Д. Н. Кудрявский вел переписку с учеными Санкт-Петербурга и Европы: с кавказоведом и археологом Николаем Яковлевичем Марром (1864—1934), со специалистом по сравнительному языковедению Яном Игнацы Нециславом (Иваном Александровичем) Бодуэном де Куртене (Куртенэ) (1845—1929), с санскритологом и историком языковедения Сергеем Константиновичем Буличем (1859—1921), с языковедом-востоковедом Виктором Карловичем Поржезинским (1870—1929), с языковедами Антуаном Мейе (1866—1936) и Максом Фасмером (1886—1962), а также с упоминавшимися С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским.

Из переписки с двумя последними мы узнаем, что Д. Н. Кудрявский в Юрьеве сблизился с местными профессорами Василием Михайловичем Нечаевым (1860—?) (специалист по гражданскому праву) и Михаилом Александровичем Дьяконовым (1855—?) (специалист по истории русского права); что он готов был содействовать иранисту и знатоку восточных рукописей Карлу Густаву Герману (Карлу Германовичу) Залеману (1849—1916) «в печатании цыганских текстов»¹⁹; что он активно участвовал в пополнении фондов библиотеки Санкт-Петербургского императорского университета²⁰.

В этих же письмах есть сведения о его научных занятиях. 8 ноября 1900 г. Д. Н. Кудрявский писал Ф. И. Щербатскому о своем согласии на своеобразный договор («союз») по поводу совместной подготовки «перевода Калидасы»: «Что касается твоих предложений относительно перевода Калидасы, то я со всем моим удовольствием готов приняться за это дело. Как делить нам эту работу, конечно, вопрос пустой, который разрешится сам собою, когда мы приступим к делу. Мне хотелось бы только начать с Raghuvamṣa, так как уже теперь у меня кое-что выписано для этого, и это представляется необходимым для меня в смысле усовершенствования в санскрите»²¹.

В 1904 г. Д. Н. Кудрявский по просьбе Ф. И. Щербатского сообщил ему подробные сведения о тибетских рукописях, хранящихся в собрании Юрьевского императорского университета: «Сегодня заходил в нашу библиотеку и убедился в том, что она действительно обладает тибетскими рукописями. Насколько я мог узнать, они поступили в нашу библиотеку от некоего Энгельгардта, побывавшего будто-бы в Средней Азии в качестве натуралиста. Если это тот самый Энгельгардт, который занимал кафедру минералогии в Дерптском университете, то вывезены были эти рукописи в 20-х годах XIX столетия. (По крайней мере известно о поездке его на Урал в 1826 году)²². До сих пор, по-видимому, рукописями этими никто не занимался. Шрёдер²³, как мне передавал библиотекарь Шлютнер, не интересовался ими. Есть еще кроме этих рукописей на бумаге одна рукопись на пальмовом листе, свернутая в трубку, довольно брэннаго вида, однако с четкими письменами, опять же тибетскими. Одним словом все говорит за то, что тебе необходимо побывать в Юрьеве как-нибудь на досуге»²⁴.

Вскоре в другом письме Д. Н. Кудрявский разъяснил, каким образом Ф. И. Щербатской может получить для исследования названные тибетские источники: «Я наводил здесь справки относительно интересующих тебя рукописей. Передать их в собственность какого-либо иного учреждения библиотека наша не имеет права, если бы даже и захотела. Но получить их для пользования ты можешь следующим путем: ты должен подавать прошение в правление Петербургского университета, чтобы оно снеслось с

Юрьев 22 сент. 1904.

Дорогой Федор Иванович!

Сначала я радуюсь то каву бабирову и удивляюсь то тому, что она действительно обладает удивительными рукописями. Наслаиваясь с моих друзей, это посетителем то каву бабирову отнюдь не каву Динельбардта, ^{и др. др.} Динельбардта, ^{и др. др.} С. Азия то каву бабирову. Если это не ты сам, Динельбардта, который является секретарем императоров то каву Динельбардта у нас, то ты великий тым др рукописи то др

будет на досуге. — Но когда придет каву бабирову, то ты не забудешь о тибетских рукописях; тогда ты будешь отослать. — То каву бабирову др рукописи (судя по тибетскому), икавал "десертной др рукописи" др рукописи, др рукописи не существовать: поварей, что это ввиду, попросил, то акалом от др рукописи др рукописи. Ты же все так при слухе слухи Брауна, что это следует по др рукописи. —

годах XIX ст. (По крайней мере известно о получении его на Урале в 1826 году). Во всем мире, по крайней мере, рукописи Азии не являются. Шрёдер, как мы передавал Динельбардта Шинтега, не интересовался ими. Есть еще один др рукописи на тибетском языке рукописи на тибетском языке рукописи в тибетском, др рукописи тибетского языка, др рукописи тибетского языка, др рукописи тибетского языка. Впервые сказано в тибетском языке, что ты не забудешь то тибетские рукописи каву бабирову.

Относительно своей статьи о тибетских рукописях еще; рукописи тибетского языка, др рукописи тибетского языка, др рукописи тибетского языка.

Будь здоров. Купил для тебя книгу.

Михаил Александрович

Письмо Д. Н. Кудрявского Ф. И. Шербатскому от 22 сентября 1904 г. — о тибетских рукописях в библиотеке университета в Юрьеве

правлением нашего университета о высылке тибетских рукописей, хранящихся под № 160. И наша библиотека вышлет рукописи в библиотеку Петербургского университета, которая и предоставит их тебе... Конечно, обыкновенно рукописи высылаются на определенный срок, но так как на них никаких других претендентов, кроме тебя, не предвидится, то ты можешь продлить этот срок почти что ad infinitum»²⁵.

Д. Н. Кудрявский также пользовался возможностью получения по почте рукописей, в частности, из столичных хранилищ. 23 де-

кабря 1912 г. он отправил на имя С. Ф. Ольденбурга (с 1908 г. — ординарного академика Императорской академии наук в Санкт-Петербурге) посылку с рукописью «Mañjuśrārañita» и с пометкой на отрезном купоне к посылке: рукопись «вот уже много лет лежит у меня без всякого движения... Я вижу теперь, что никогда не собираюсь ее издать»²⁶.

В Юрьеве Д. Н. Кудрявский прожил ровно 20 лет. В 1918 г. этот город, в 1919 г. превратившийся в Тарту, оказался вне России. В июне 1918 г. университет (вероятно, не в полном составе) был переведен («эвакуирован») в Воронеж. В Воронежском университете Д. Н. Кудрявский всего два года читал лекции по сравнительному языкознанию и санскриту. 23 октября или 9 ноября по новому стилю 1920 г. он скончался. В некрологе была дана оценка его работы в здешнем университете и его научной деятельности²⁷.

После смерти ученого встает вопрос о сохранении его научного наследия: рукописных работ, документов, переписки. Архив Д. Н. Кудрявского остался у его вдовы А. А. Кудрявской. Дальнейшая его судьба неизвестна. В настоящее время в Архиве Воронежской области материалов Д. Н. Кудрявского не хранится. Источники о нем, обнаруженные в хранилищах Санкт-Петербурга и Тарту, использованы в данном очерке. Дальнейший поиск следует вести прежде всего в эпистолярных материалах лиц из окружения ученого, но эта тема требует специального исследования.

Примечания

¹ Куликова А. М. Обзор архивных источников о Д. Н. Кудрявском // ППИПИКНВ. XXIII годовичная научная сессия ЛОИВАН. Ч. III. М., 1990. С. 244—251.

² Список работ Д. Н. Кудрявского, составленный в 1928 г. его вдовой А. А. Кудрявской, см.: ПФАРАН, р. V, оп. I-K, ед. хр. 115, л. 12—20.

³ Баранников А. П. Советская индология // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1948. Т. VII. Вып. 1. С. 5; Люстерник Е. Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966. С. 148—150; Катенина Т. Е., Люстерник Е. Я., Маслов Ю. С. И. П. Минаев и Петербургский университет // Иван Павлович Минаев: Сб. М., 1967. С. 38. В 1928—1929 гг. А. П. Баранников написал статью «Д. Н. Кудрявский как индолог», но местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно. Единственная публикация до 1990 г. (за исключением некролога), специально посвященная Д. Н. Кудрявскому: Лоя Я. В. Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского // Ученые записки Лиепайского государственного педагогического института. 1958. Вып. 1. С. 179—228.

⁴ По указу Александра III от 27 февраля 1893 г. Дерпт «наименован» Юрьев.

⁵ Куликова. [Законодательные акты]. С. 256. № 556.

⁶ ПФАРАН, р. V, оп. I-K, ед. хр. 115, л. 4.

- ⁷ ПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 309, л. 1 об.
- ⁸ *Кудрявский Д. Н.* Грихья-Сутры, как источник для истории индоевропейской бытовой культуры // *Живая старина*. СПб., 1896. № 1. С. 587—588.
- ⁹ ПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 309, л. 2—2 об.
- ¹⁰ *Кудрявский Д. Н.* Прием почетного гостя по древнеиндийским правилам домашнего ритуала. СПб., 1896.
- ¹¹ См. список его работ — ПФАРАН, р. V, оп. I-K, ед. хр. 115, № 7—9.
- ¹² Куликова. [Законодательные акты]. С. 208. № 78.
- ¹³ *Куликова А. М.* Обзор архивных источников о Д. Н. Кудрявском... С. 244—246.
- ¹⁴ ГА (Тарту), ф. 402, оп. 3, ед. хр. 891, л. 1—2; Куликова. [Законодательные акты]. С. 208. № 80—82.
- ¹⁵ См. список работ Д. Н. Кудрявского — ПФАРАН, р. V, оп. I-K, ед. хр. 115, № 14, 19, 21, 28, 30.
- ¹⁶ Там же, № 25, 27, 29, 31, 32.
- ¹⁷ Там же, № 16, 26, 31, 34.
- ¹⁸ Там же, л. 5.
- ¹⁹ ПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 309, л. 3—3 об., письмо С. Ф. Ольденбургу.
- ²⁰ ПФАРАН, ф. 725, оп. 3, ед. хр. 83, л. 1.
- ²¹ АВ, р. I, оп. 5, ед. хр. 69, л. 1—6; ПФАРАН, ф. 725, оп. 3, ед. хр. 83, л. 1.
- ²² Речь идет о Морице Энгельгардте (1779—1842) — профессоре минералогии и геологии в Дерптском императорском университете (1820-е гг.).
- ²³ Александр Леопольд (Леопольд Юльевич) Шрёдер (1851—?) — языковед, преподаватель санскрита и литературы в Дерптском императорском университете в 1877—1894 гг.
- ²⁴ АВ, р. I, оп. 5, ед. хр. 69, л. 3—3 об., письмо от 22 сентября 1904 г.
- ²⁵ Там же, л. 5—6.
- ²⁶ ПФАРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 309, л. 5.
- ²⁷ Воронежский историко-архивный вестник. 1921. Вып. 1. С. 57.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вместо традиционного заключения, содержащего выводы из сказанного в предыдущих главах, читателю предлагается освещение таких общих вопросов, как периодизация, предмет изучения и структура востоковедной науки, направления и характерные особенности ее исследовательского процесса.

Для этого наряду с использованием материалов данной работы потребовалось привлечение обширной дополнительной информации — по истории России и Западной Европы, по исторической географии, по историографии Востока и т. д.

Рассмотрение названных проблем позволяет более многогранно оценить деятельность лиц, которым посвящена эта книга. Но не этим только объясняется авторское обращение к подобной тематике. Главная причина этого интереса — в стремлении выделить те качественные стороны востоковедения, которые отличают его от других научных отраслей и которые доказывают его неразрывную связь с историей самой Российской империи.

I. Место истории востоковедения в системе знаний

Геополитический фактор сыграл решающую роль в процессе зарождения востоковедения в Российской империи (конец XVII—начало XVIII в.). Задачи внешней и внутренней политики ее правительства, восточные народы внутри страны и на ее границах на протяжении XVIII—XIX столетий оказывали влияние на развитие и содержание этой отрасли знания.

Тем не менее это влияние не было прямолинейным. Востоковедение — как и любая наука — развивалась по своим законам в соответствии со специальной методикой исследования и с собственной базой источников.

Сколько существовало востоковедение в Российской империи — столько же времени насчитывает его история. Однако в

этот огромный промежуток (более двух столетий) не сформировалась самостоятельная дисциплина, изучающая прошлое науки, в том числе — науки востоковедной.

Первые попытки систематизации и обобщения фактов об изучении Востока в России XVIII в. — это либо отрывочные сведения на страницах работ самого разного характера, либо — как ни странно — официальные документы. Так, в архивах сохранились свидетельства того, что преподаватели школ восточных языков, члены экспедиций, миссий, участники военных походов, путешествий на Восток обязаны были представлять «по инстанции» «донесения» (отчеты) о своей деятельности, то есть обрабатывать определенную сумму фактов, относящихся к определенным теме и периоду.

Замечательным образцом такого документа-исследования можно считать обзор «О учениках которые училися китайскому и манжурскому языкам», составленный одним из первых русских востоковедов Алексеем Леонтьевичем Леонтьевым (1716—1786). Автор собрал, изучил и обобщил данные за 1728—1780 гг. об учениках указанных языков, об их числе и местах обучения, выделил в этом процессе три периода¹.

Главное же достижение XVIII в. в области истории востоковедения — это накопление в государственных учреждениях и у частных лиц материалов, которые впоследствии стали источниками для исследований в этой области. Среди них — законодательные акты центральной и губернских властей, документация Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, отчеты по поездкам на Восток, бумаги отдельных ученых и т. д.

В XIX в. с развитием государственной жизни, с совершенствованием структуры науки (в том числе, архивного дела), с ростом востоковедной деятельности значительно возросла и в определенной мере была систематизирована база источников по истории востоковедения, начало которой, как отмечалось выше, было положено в предыдущем столетии. В этот период к названному кругу материалов добавились многочисленные публикации, которые со временем также приобрели характер первоисточников. Речь идет о докладах («речах») на научных заседаниях, статьях в периодике, некрологах, воспоминаниях, отчетах по деятельности и т. д.

Во второй половине XIX—начале XX в. было подготовлено и издано не более десятка трудов (монографий) по истории изучения Востока в России, основанных на исследовании архивных и опубликованных источников. Поскольку такая тематика требовала прежде всего исторических знаний, авторами этих работ в подавляющем большинстве были историки Востока.

В самостоятельную научную отрасль история востоковедения оформилась только в середине XX в. — тогда, когда этой темати-

кой стали заниматься специалисты, глубоко знающие историю России и владеющие методикой работы в исторических архивах.

В настоящее время прошлое востоковедения, в частности, периода Российской империи, — предмет изучения нескольких наук: истории востоковедения, историографии Востока и науковедения.

Современная история востоковедения — как часть истории самой России и как часть истории гуманитарных дисциплин — сосредоточивается в основном на деятельности учреждений, научных объединений и отдельных ученых. Ее база источников — это фонды всех исторических архивов России и других стран.

Историография Востока — как часть истории исторической науки — изучает разработку конкретных научных тем и направлений учеными прошлого.

Науковедение — новая отрасль знания (с середины XX в.) — наряду с информацией других наук использует данные по истории востоковедения для исследования научного процесса в целом, то есть для определения этапов, структуры, методики всемирной науки и ее связей с другими областями жизни.

II. Периодизация истории изучения Востока в России (до 1917 г.)

Разделение процесса изучения Востока в России на временные отрезки, качественно отличные друг от друга, способствует более четкому представлению о востоковедении как о едином целом. В результате неоднократного возвращения к этой теме², добавления новых данных, уточнения известных фактов была разработана схема развития востоковедения в России, предлагаемая вниманию специалистов.

I этап. Предыстория востоковедения (до конца XVII в.). О зачатках востоковедения в России можно говорить лишь с конца XVII в., но этому предшествовал особый предварительный этап. Начало славяно-восточных связей теряется в глубине веков. Одновременно с контактами возник интерес (и с практическими целями, и в смысле любознательности) этих народов друг к другу. С течением времени славяне, позднее русские, стихийно накапливали знания о восточных соседях, их образе жизни, обычаях, языках. Следы этого ознакомления остались в археологических памятниках, кладах монет, топонимике, фольклоре, ориентализмах в словарном запасе русского языка. Со времен Киевской Руси к ним прибавляются письменные источники: вначале это только летописи, с XIV в. — документы (например, так называемые ханские ярлыки периода монгольского ига на Руси (1243—1480 гг.), дошедшие до нас в русских переводах³), с XV в. — записки путешественников и послов, грамоты и другие официальные бумаги.

До нас дошли свидетельства, что довольно рано на Руси стали появляться разговорные и письменные переводчики, владевшие восточными языками.

Весь этот интерес к Востоку носил бессистемный характер, зависел от случая, от желания отдельных лиц, заранее не планировался и не регламентировался общими задачами. Несмотря на длительность (с древнейших времен до конца XVII в.), эти века следует считать единым первичным этапом ознакомления русских с Востоком, или предысторией востоковедной науки.

II этап. Зарождение востоковедения в правление Петра I (1682—1725 гг.). Реформаторская деятельность (1682—1725 гг., с 1721 г. — первый император России) Петра I (1672—1725) включала мероприятия, означающие начало систематического изучения Востока. К ним относятся попытки целенаправленного обучения русских восточным языкам, организация планомерного сбора рукописей, книг, карт и других материалов по Востоку, поддержка на государственном уровне издания работ (описательных, переводных, оригинальных) по восточной тематике, число которых было невелико. Все эти факты были результатом личной инициативы Петра I⁴, первым из государственных деятелей осознавшего необходимость правительственной помощи изучению Востока в России и поставившего такие задачи в этой области, решение которых растянулось на весь XVIII в.

III этап. Востоковедение при преемниках Петра I (1725—1762 гг.). В 1725 г. Петр I скончался, успев издать несколько указов о создании в России научного и учебного центра — Академии наук⁵. В 1725—1738 гг. в ней работал единственный за весь XVIII в. академик-ориенталист Готлиб Теофил Зигфрид Байер (1694—1738). После его кончины в 1738 г. в академическом штате в рассматриваемый отрезок времени не было представителей этой специальности. 24 июля 1747 г. императрица (1741—1761 гг.) Елизавета Петровна (1709—1761) подписала регламент, по которому востоковедение и прочие гуманитарные дисциплины исключались из академической программы⁶.

Несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, Императорская академия наук до конца XVIII в. оставалась ведущим центром и организатором востоковедной деятельности. Деятельность эта сосредоточивалась по трем направлениям, намеченным Петром I: расширение базы источников и книг, подготовка и публикация новых работ и обучение русских учеников восточным языкам.

IV этап. Востоковедение в правление Екатерины II и Павла I (1762—1801 гг.). В годы правления (1762—1796 гг.) Екатерины II (1729—1796) и в годы правления (1796—1801 гг.) Павла I (1754—1801) продолжалось развитие востоковедения по традиционному пути. Все же активная политика на юге России (присоединение Северного Причерноморья, Крымского ханства и Северного Кав-

каза) и Крестьянская война 1773—1775 гг. с участием восточных народов заставляли Екатерину II более усиленно и целеустремленно по сравнению с ее предшественниками заниматься делами, связанными с изучением Востока. В это время в области востоковедения наблюдаются качественные изменения. В библиотеках Императорской академии наук, Коллегии иностранных дел, Святейшего Синода востоковедные фонды впервые подверглись систематизации. К 1770-м гг. относится первая каталогизация академического собрания. Появляется ряд серьезных для того времени трудов — разных по форме, объему и содержанию. Среди них — работы по комплексному изучению отдельных восточных народов или регионов России, издание источников, дневники, путевые заметки, «отчеты» о поездках, грамматики, словари (двуязычные и так называемые «сравнительные»), переводы с восточных и западноевропейских языков.

В сфере подготовки знатоков восточных языков тенденция постоянных попыток организации школ и курсов в разных ведомствах и при ряде учреждений⁷ закончилась главным для этого периода нововведением. Оно состояло во включении восточных дисциплин в программы гимназий и народных училищ⁸. Создание среднего востоковедного образования в России — итог не только этого этапа, но и всего XVIII в.

V этап. Востоковедение первой половины XIX в. (1801—1854 гг.). Реформаторская деятельность Александра I (1777—1825) в годы его правления (1801—1825 гг.), в частности, предусматривала меры, имевшие решающее значение для перехода официального востоковедения на новую ступень развития.

Главными событиями в этом плане были: 1) возвращение в Императорскую академию наук гуманитарных предметов (в штате были «места для истории и словесности азиатских народов»)⁹, 2) введение восточных дисциплин в программы высших учебных заведений (речь идет об университетах, учебных заведениях университетского типа и духовных академиях)¹⁰ и 3) создание «особых отделений» в ряде учреждений — для хранения рукописей и книг по Востоку и дальнейшей работы с этими фондами (например, в составе Императорской публичной библиотеки в 1805 г. было выделено «депо манускриптов»; в составе Императорской академии наук в 1818 г. был выделен Азиатский музей)¹¹.

Тенденция правительственной политики по отношению к востоковедению не изменилась и в правление (1825—1855 гг.) Николая I (1796—1855).

Среди приведенных фактов наибольшее значение имело завершение системы востоковедного образования. Появление высшей школы, готовившей кадры специалистов по Востоку, коренным образом изменило структуру, содержание и уровень востоковедения в России.

VI этап. Востоковедение второй половины XIX—начала XX в. (1855—1917 гг.). Этот последний этап востоковедения Российской империи начинается с уникального события — открытия в 1855 г. при Санкт-Петербургском императорском университете специального Факультета восточных языков, на котором были сконцентрированы лучшие научно-педагогические кадры¹². Факт создания нового ведущего центра востоковедения стал мощным толчком к дальнейшему росту этой науки. Преподаватели нового Факультета оставили заметный след в деятельности Императорской академии наук, научных обществ, Профессорского института, бывшего прообразом современной аспирантуры.

Достижения востоковедов этого периода выразились в научных трудах высокого качества, в сбалансированном процессе обучения студентов-восточников, в результатах многочисленных командировок и экспедиций. Особо следует выделить два аспекта: с одной стороны, специализация востоковедения и связанное с ней окончательное оформление его в самостоятельную отрасль знаний; с другой стороны, поднятие научной планки до европейского уровня и признание этого факта мировой общественностью.

В 1914 г. начало военных действий стало причиной, затрудняющей осуществление некоторых научных мероприятий; в частности, были отменены командировки в Западную Европу и некоторые регионы Востока.

В феврале 1917 г. Российская империя прекратила свое существование. В востоковедении этот исторический факт отозвался переменной некоторых понятий и названий. Общее направление научного процесса в этой области изменилось через полгода, когда в октябре 1917 г. была разрушена основа прежнего государства. Разрушения коснулись и официального востоковедения: началась ликвидация или преобразование ряда учреждений, переброшены были тематика исследований и программы учебных заведений, сильно поредел кадровый состав востоковедов и т. д. Востоковедение Российской империи стало объектом исторического прошлого науки.

III. Предмет изучения и структура востоковедной науки в России

Восток — понятие разноплановое: в астрономии это — точка горизонта, в географии это — определенные природные области, в востоковедении это — предмет изучения. Если в первых двух случаях речь идет о понятиях стабильных, то в последнем случае термин «Восток» требует более подробного рассмотрения.

В географической литературе зафиксированы следующие природные области, которые ассоциируются с представлением о Вос-

токе: Ближний Восток, Средний Восток, Дальний Восток, Западная Азия, Средняя Азия, Центральная Азия, Южная Азия, Юго-Западная Азия, Юго-Восточная Азия. Эти природные местности расположены на трех материках (Азия, Европа, Африка) и ряде островов, близких к ним.

Совокупность определенного числа конкретных народов и государств на огромной территории перечисленных выше географических областей постепенно стала ассоциироваться с понятием Востока как предмета изучения самостоятельной мировой науки — востоковедения. В данном аспекте содержание, скрывающееся за определением «Восток», было изначально условным. Другими словами, перечень восточных стран и народов в качестве объекта исследования зависел от принадлежности востоковедов к тому или иному государству и хронологическому отрезку. Круг научных тем и направлений определялся в каждом случае не только профессиональными моментами (наличие кадров, базы источников, традиции и т. д.), но и требованиями исторической ситуации. Все это в полной мере относится и к российскому востоковедению.

Российское востоковедение с самого возникновения в сферу своих интересов включало широкий круг регионов. В XVIII в. в том или ином отношении объектом изучения были Япония, Китай, Тибет, Маньчжурия, Монголия, Турция, Персия, Северный Кавказ, Грузия, народы Сибири, Камчатки, Поволжья, Прикаспия. В XIX в. к ним добавились Индия, Цейлон, Египет, Эфиопия, Афганистан, Корея, Крым, Палестина, Сирия, Ливан, Казахстан и т. д.

Некоторые из восточных стран или регионов (Китай, Османская империя, Поволжье, Туркестан и др.) были многонациональными. Напротив, такие народности, как курды или армяне, расселены были на землях нескольких государств. Ученые должны были учитывать эти моменты и искать в данных случаях особые пути решения научных проблем. К тому же наличие во многих восточных источниках разноплановой информации заставляло исследовать каждую рукопись во всех аспектах. Подобные обстоятельства усложняли методику и структуру науки о Востоке.

Структура этой науки с самого ее начала существенно отличалась от других научных систем. Дифференциация востоковедения в отношении объектов и направлений исследования происходит по трем направлениям: 1) деление по страноведческому или региональному принципу (изучение конкретных стран Востока); 2) деление по источниковедческому принципу, в основе которого лежит язык источников (арабистика, иранистика, гебраистика и т. д.); 3) деление по науковедческому принципу, в основе которого лежит вид и характер памятников и метод их исследования (история, археология, этнография, историография, источниковедение, эпиграфика, археография, философия, религия, литературоведение).

ние, языковедение, нумизматика, искусство и т. д. — Востока в целом или отдельных восточных стран и регионов). В практике научной жизни эти структурные направления всегда переплетались между собой.

Одновременно с развитием новой науки менялась и принятая в ней терминология. В XVIII в. наряду с общими понятиями — такими, как «история» (история), «гуманиора» («гуманиория») — появился более специальный термин — «ориенталии», ориенталистика. В источниках и литературе этого времени сохранились упоминания об ориентальных (ориентальских) — языках, рукописях, древностях, монетах, медалях, вещах и т. д. Например, Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) в 1759 г. предлагал учредить в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге кафедру ориентальных языков¹³. Во многих случаях слово «ориентальные» заменялось словом «восточные», но термин «востоковедение» не существовал еще целое столетие.

В XIX в. для обозначения причастности чего-либо или кого-либо к изучению Востока употреблялись следующие варианты: 1) ориенталистика, ориенталисты, ориентальные (языки); 2) Восток, восточные (словесности), слушатели-восточники, профессора-восточники и т. д.; 3) Азия, азиатские (военные округа) как синонимы для Восток, восточные.

Приведем несколько примеров:

1. **Восточный** кабинет в составе Императорской академии наук в Санкт-Петербурге (1818 г.), за которым позднее закрепилось название — Азиатский музей (музеум).

2. **Азиатский** департамент Министерства иностранных дел (1819 г.).

3. Разряд **восточной** словесности Санкт-Петербургского императорского университета (1820 г.).

4. В академическом уставе 1836 г.: в программе — «**восточные** словесности и древности», а в штате — места (штатные единицы) для специалистов по «истории и словесности **азиатских** народов»¹⁴.

5. Известное периодическое издание — Записки **Восточного** отделения Императорского русского археологического общества (с 1852 г.).

6. Факультет **восточных** языков Санкт-Петербургского императорского университета (1854—1855 гг.).

7. III Международный съезд **ориенталистов** в Санкт-Петербурге (1876 г.).

8. **Азиатская** часть Генерального штаба (1878 г.).

9. **Восточная** комиссия Императорского московского археологического общества (1887 г.).

Термин «ориенталистика», обозначающий науку об изучении Востока, перешел и в XX в. Он сохранился, по крайней мере, в двух названиях:

1. Общество русских **ориенталистов** в Харбине (1908 г.).

2. Общество русских **ориенталистов** в Санкт-Петербурге (1910 г.).

Однако с конца XIX—начала XX в. термин «ориенталистика» стал вытесняться другим термином — «востоковедение». Первый раз официально он был закреплен в названии — Императорского общества востоковедения (1900 г.).

Подводя итог сказанному о процессе формирования в Российской империи самостоятельной отрасли знания, изучающей Восток, предлагается следующее ее определение: «Востоковедение (ориенталистика) — это комплексная наука, суть которой состоит в многостороннем исследовании по гуманитарным направлениям стран Востока с древнейших времен до современного (для каждого автора) периода». Это определение соответствует содержанию данной науки и в наши дни.

IV. Практическое и научное направления в российском востоковедении

Государственный заказ, наличие кадров и научный интерес в совокупности определяли содержание и цели исследования Востока в Российской империи. Соотношение науки и практики в российском востоковедении было (и до настоящего времени остается) предметом споров. Одна из точек зрения сводится к тому, что практическое востоковедение было одним из истоков научного. Другая точка зрения предполагает независимость этих двух течений друг от друга.

Поскольку речь идет об официальном востоковедении, обратимся прежде всего к законодательным актам. В высочайших указах и прочих документах приказного характера, которые касались финансирования и других сторон развития востоковедения, не акцентируется разделение этой науки на какие-то части. Приведем лишь один любопытный пример. В рескрипте Александра I от 29 мая 1820 г. о создании в Санкт-Петербургском императорском университете Разряда восточной словесности есть такая фраза: «Сие училище восточных языков принесет, в скором времени, значительную пользу российской дипломатике»¹⁵. На первый взгляд это «высочайшее заявление» определяет практическую цель нового «училища». На самом деле, как явствует из других документов, перспективой зарубежных поездок пытались привлечь студентов к освоению трудной специальности. Названный Разряд выполнял общую задачу: он готовил высшие востоковедные кадры и вскоре стал одним из центров востоковедной науки.

Сопоставление различных источников (трудов, переписки, документов, периодики и т. д.) приводит к мысли, что, возникнув одновременно, практический и исследовательский уклоны в рос-

сийском востоковедении переплетались друг с другом настолько тесно, что их прошлое можно изучать только вместе. Не было принципиального деления ни в программах учебных заведений, ни при распределении выпускников.

С одной стороны, множество фактов рассказывают о вкладе практических специалистов в науку, с другой стороны, российские востоковеды всегда были близки к конкретным проблемам, связанным с Востоком. О последнем качестве писал основатель индологической школы Иван Павлович Минаев (1840—1890): «У нас, на Руси, изучение Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно... Восток для русского ученого не может быть мертвым, исключительно книжным объектом научной пытливости»¹⁶.

Попытки разделить востоковедение на две части были всегда искусственными. Оно развивалось как единая наука, а каждый специалист брал из нее то, что ему требовалось по его деятельности, специальности, интересам.

V. Национальный состав российских востоковедов

На страницах работ встречаются разные термины, обозначающие востоковедную науку в Российской империи: русское востоковедение, дореволюционное востоковедение, отечественное востоковедение, российское востоковедение. Последний термин предпочтительнее остальных, поскольку он полностью соответствует содержанию этого понятия и составу кадров этой науки.

Как же образовывались востоковеды в России? Кадровый состав как научных, так и практических сотрудников в этой области пополнялся тремя основными путями.

Первый путь — это подготовка специалистов по Востоку в учебных заведениях России. Русские преобладали среди студентов-восточников. Все же встречались слушатели молдавского, польского, еврейского, татарского, финского, немецкого, калмыцкого, бурятского и т. д. — происхождения. В 1845—1872 гг. была установлена постоянная квота «для закавказских уроженцев»¹⁷. Зафиксировано всего несколько случаев зачисления — каждый раз по специальному высочайшему распоряжению — в учебные заведения России лиц, не являвшихся ее гражданами. Выпускники российских университетов, институтов, училищ работали во всех сферах, причастных к Востоку. С течением времени увеличивалось их число, и усиливалась их роль в процессе развития востоковедных знаний.

Второй путь — это приглашение на российскую службу европейских востоковедов: французов, немцев, шведов. Подавляющее

их большинство использовалось в качестве преподавателей, одновременно занимающихся наукой.

Третий путь — это привлечение в российское востоковедение выпускников традиционных восточных школ (внутри России и вне ее), овладевших русским языком. Эти специалисты занимали должности переводчиков, чиновников, преподавателей. Особенно часто «просвещенные туземцы» использовались для ведения практических занятий «по разговору и письму» того языка, который для каждого из них был родным. По национальной принадлежности это были персы, азербайджанцы, татары, арабы, армяне, грузины, калмыки, китайцы, японцы и др.

Независимо от национальностей — все перечисленные лица были представителями российского востоковедения, поскольку находились на государственной службе, знали русский язык, переводили на него устную речь и письменные материалы, преподавали на нем, издавали на нем учебную литературу и научные труды (часть исследований востоковедов, в том числе и русских, публиковалась на западноевропейских языках), участвовали в различных мероприятиях — одним словом, вносили свой вклад в развитие изучения Востока в России, с которой они связали свои судьбы.

Многонациональным составом российского востоковедения следует объяснить такие его черты, как уважение к восточным народам, их культуре, религии, образу жизни, стремление к контактам с Востоком во всех его проявлениях.

VI. Зарубежные связи российского востоковедения

При изучении истории российского востоковедения рано или поздно возникает вопрос о том, почему в Россию в XVIII—XIX вв. постоянно переезжали окончательно или на длительный период многие иностранные специалисты по Востоку, и, напротив, ни один востоковед российского происхождения на постоянное место жительства за рубеж не уехал. Каковы же причины именно такой направленности этого потока?

Иностранцев, независимо от их государственной принадлежности, прежде всего привлекала политика заинтересованности российского правительства в развитии востоковедения и связанные с этим престиж этой науки и ее достаточное финансирование.

Помимо солидных окладов и пенсий, существовал так называемый географический фактор. Россия, расположенная между Европой и Востоком, играла роль связующего звена. На ее территории встречались, сближались, познавали друг друга традиционная наука Востока и европейская (в том числе и российская) ориенталистика.

Для европейских востоковедов Россия расширяла границы их деятельности. Некоторые востоковедные отрасли (тюркология, кав-

казоведение, монголоведение и т. д.) развивались преимущественно здесь. В российских библиотеках и музеях хранились собрания уникальных источников по Востоку. Восточные регионы внутри России и на ее границах при желании также могли стать предметом исследования.

Все российские востоковеды (в том числе и переселившиеся сюда из других стран) имели постоянные контакты с зарубежными коллегами. Их поездки в Европу и страны Востока на разные сроки и с разными целями включали: проведение за границей отпусков (с посещением музеев и библиотек); плановые командировки для научных занятий, для приобретения от имени государственных учреждений рукописей, книг, шрифтов, произведений искусства; участие в международных съездах; путешествия для знакомства с восточной жизнью и экзотикой; экспедиции в районы Востока для сбора археологических, эпиграфических, рукописных и других материалов; стажировки выпускников высших учебных заведений для завершения востоковедного образования.

Со второй половины XIX в. был налажен на государственном уровне обмен источниками и литературой по востоковедению между европейскими и российскими «учеными учреждениями». Речь идет о предоставлении во временное пользование рукописей и книг, требовавшихся для разработки конкретных тем и подготовки конкретных трудов. Посылки направлялись в библиотеки, которые отвечали за сохранность присланных материалов. В России для подобных операций каждый раз требовался специальный высочайший указ¹⁸.

Все перечисленные связи, столь разнообразные по форме, по содержанию способствовали одному — признанию российского востоковедения частью мировой науки.

VII. Основные достижения востоковедения Российской империи

Возникнув в конце XVII—начале XVIII в., российское востоковедение постоянно успешно развивалось, проходя этапы зарождения, становления, наивысшего подъема. Успехи этой науки особенно значительными были в XIX столетии, что подтверждается многочисленными фактами и событиями. Назовем главные из них.

В этот период востоковедение функционировало как самостоятельная наука — со сложившейся источниковедческой базой, своей тематикой, обоснованными методами исследования и профессиональными кадрами. Все основные востоковедные отрасли были представлены в России. Российским ученым принадлежал приоритет в изучении ряда проблем китаеведения, тибетоведения,

маньчжуроведения, тюркологии, кавказоведения, курдоведения, корееведения, монголоведения, иранистики, египтологии.

Санкт-Петербург, Казань, Москва считались главными центрами востоковедения. В Императорской академии наук в XIX в. «по востоковедной части» числились 20 действительных членов и 25 членов-корреспондентов. Восточные дисциплины в течение этого столетия преподавались в шести университетах, трех институтах, учебном отделении при МИД, в духовных академиях. Многие из преподавателей этих высших учебных заведений одновременно с чтением лекций занимались научной работой, к которой приобщали и своих слушателей. (Например, университетские выпускники, по своему желанию представившие специальное «сочинение», удостоивались звания кандидата¹⁹.)

В 1855 г. в составе Санкт-Петербургского императорского университета открылся первый в Европе Факультет восточных языков — с девятью кафедрами, пятью разрядами и 20 курсами восточных дисциплин, ставший на несколько десятилетий маяком и гордостью российской науки. С 1827 г. при этом Факультете была налажена постоянная подготовка (по типу современной аспирантуры) кадров профессоров-востоковедов.

В России рассматриваемого периода во многих библиотеках находились хранилища источников и литературы по Востоку. Знаменитый академический Азиатский музей (с 1818 г.) по объему фондов и по их значимости занимал одно из первых мест в мире.

С середины XIX в. не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в провинциальных городах функционировал ряд научных объединений (обществ, комитетов, комиссий, кружков), в программах которых было представлено востоковедение. Наиболее значительный след оставило Восточное отделение (с 1851 г.) Императорского русского археологического общества и знаменитые Записки этого отделения²⁰.

Среди многообразных проявлений российского востоковедения особое место занимало творчество плеяды талантливых ученых, отличавшихся глубокими знаниями и широкими интересами. Один перечень их имен, навечно вписанных в историю науки, дает представление об уровне научного востоковедения в России: тюрколог И. Н. Березин, кавказовед и нумизмат М. Ф. К. Броссе, китаист и тибетолог В. П. Васильев, тюрколог, археолог и нумизмат В. В. Вельяминов-Зернов, семитолог А. (Я.) Гаркави, арабист и иранист И. (Ф.) Готвальд, языковед широкого профиля, историк и нумизмат И. А. Б. Дорн, иранист и тюрколог К. Г. Г. Залеман, маньчжуровед И. И. Захаров, китаист и маньчжуровед А. О. Ивановский, тюрколог Н. Ф. Катанов, востоковед и нумизмат Б. (В.) Кёне, монголовед И. М. Ковалевский, семитолог и ассириолог П. К. Ковцов, иранист Ф. Е. Корш, санскритолог К. А. Коссович, египтолог и ассириолог О. Э. Лемм, санскритолог Р. (Х.) Ленц, ира-

нист и археолог П. И. Лерх, тюрколог Е. А. Малов, кавказовед и археолог Н. Я. Марр, арабист Н. А. Медников, тюрколог П. М. Мелиоранский, языковед и историк В. Ф. Миллер, индолог И. П. Минаев, арабист и тюрколог А. О. Мухлинский, арменист, арабист и иранист С. (И.) Назарян, арменист К. (П.) Патканян, языковед широкого профиля П. Я. Петров, туркестановед Н. Ф. Петровский, монголовед А. М. Позднеев, японовед и историк Востока Д. М. Позднеев, тюрколог-филолог Ф. В. Радлов, арабист и выдающийся организатор науки В. Р. Розен, востоковед и нумизмат П. С. Савельев, арабист и тюрколог И. Ю. Сенковский, тюрколог В. Д. Смирнов, востоковед-археолог В. Э. Тизенгаузен, востоковед и историк Древнего Востока Б. А. Тураев, востоковед широкого профиля и нумизмат К. М. Френ, востоковед, географ и этнограф Н. В. Ханыков, семитолог Д. А. Хвольсон, иранист-источниковед Ф. Б. Шармуа, китаист и создатель восточной литографии П. (Л.) Шиллинг-Канштадт, тибетолог Ф. А. Шифнер, монголовед И. Я. Шмидт и многие другие.

Если представить историю российского востоковедения в виде мозаичного панно, то каждая его клеточка будет соответствовать деятельности конкретного лица, причастного к данной области. В настоящее время это панно не закончено. Дело в том, что о некоторых лицах известно многое, о других — совсем мало, о третьих современники просто забыли. Задача будущих историков — заполнить эти пробелы, чтобы в конечном счете получить целостную картину того, что позволяет считать XIX столетие золотым веком российского востоковедения.

Примечания

¹ «Дело из архива МИД» хранится в Центральном государственном архиве древних актов (Москва) — ф. 17, оп. 1, ед. хр. 75, л. 1—2 об. Подробнее см.: Куликова А. М. Новый документ об обучении русских китайскому и маньчжурскому языкам при российских миссиях в Пекине // ППиПИКНВ. XVIII годовичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). 1983—1985. Ч. 1. 1985. С. 48—52.

² Ср.: Куликова А. М. К вопросу о периодизации истории востоковедения в России // ППиПИКНВ. V годовичная научная сессия ЛОИВАН. Май 1969 г. Л., 1969. С. 47—49.

³ Ср.: Куликова А. М. О накоплении на Руси знаний о Востоке в период монголо-татарского ига // ППиПИКНВ. XVII годовичная научная сессия ЛОИВАН (доклады и сообщения). Январь 1982 г. Ч. 1. М., 1983. С. 71—74.

⁴ Куликова. [Законодательные акты]. С. 60—66. № 1—54. Указы Петра I.

⁵ Там же. С. 66—67. № 56—58.

⁶ Там же. С. 67. № 62.

⁷ Там же. С. 81. № 195; С. 83. № 222—228, 232; С. 85. № 237; С. 95. № 325—327; С. 96. № 239 (указы Екатерины II и Павла I).

⁸ Там же. С. 97. № 336, 340, 342; С. 97—98. № 343; С. 98. № 344—351 (указы Екатерины II и Павла I).

⁹ Там же. С. 100. № 1 (указ Александра I от 25 июля 1803 г.); С. 100—101. № 4—7.

¹⁰ Там же. С. 200. № 6; С. 208. № 84; С. 210. № 99; С. 216. № 155; С. 228. № 278; С. 230. № 299; С. 296. № 9—12; С. 310. № 141; С. 325. № 63—64.

¹¹ См., например: Куликова. [Законодательные акты]. С. 100. № 2—3, 5; С. 181. № 483.

¹² Там же. С. 237. № 357—364.

¹³ Куликова А. М. Проекты востоковедного образования в России (XVIII—1-я пол. XIX в.) // НАА. 1970. № 4. С. 134.

¹⁴ Куликова. [Законодательные акты]. С. 100. № 5.

¹⁵ Там же. С. 281. № 832. См. также: Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. С. 38.

¹⁶ Цит. по: Славяне и Восток. 1965. (изд. ЮНЕСКО). С. 48.

¹⁷ Куликова. [Законодательные акты]. С. 283. № 850; С. 286. № 872.

¹⁸ См., например: Куликова. [Законодательные акты]. С. 127. № 265—268; С. 181. № 487—489.

¹⁹ Звание кандидата не имело отношения к научным степеням, которых было две: магистерская и докторская.

²⁰ Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., с 1851 г. Новая серия. СПб., Пг., с 1886 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Работы, сборники, периодические издания

- Веселовский. Сведения... — *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876. Т. 1. СПб., 1879—1880. С. 99—256.
- Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет... — *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1905, 1 серия — в 362 ч.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., с 1851 г. Новая серия. 21 т. СПб., Пг., с 1886.
- Крачковский. Очерки... — *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950.
- Куликова. [Законодательные акты]. — *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.). СПб., 1994.
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- ОИРВ — Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 1—6. М., 1953—1963.
- ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М. (Материалы годичных научных сессий ЛОИВАН СССР).
- РБС — Русский биографический словарь. СПб., 1910-е гг.
- СПВ — Санкт-Петербургские ведомости. 1728—1914 гг.
- Список профессоров и приват-доцентов... — Список профессоров и приват-доцентов Факультета восточных языков Петроградского университета с 1819 г. Пг.
- УЗЛГУ, с. в. н. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия востоковедческих наук.
- Hasselblatt, Otto. Album... — *Hasselblatt A., Otto G.* Album Akademikum der Kaiserlichen Universitat Dorpat. Dorpat, 1889.

2. Учреждения, министерства

- АВ — Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
- АИИМК — Архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург

ГА (Тарту)	— Городской архив, Тарту
ИРАН Грузии	— Институт рукописей Академии наук Грузии, Тбилиси
КИД	— Коллегия иностранных дел
ЛОИВАН	— Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
МИД	— Министерство иностранных дел, Санкт-Петербург
МНП	— Министерство народного просвещения, Санкт-Петербург
ОПИГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
ОРРГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ПФАРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РАО	— Императорское русское археологическое общество, Санкт-Петербург
РГАВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург
РГИА	— Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РНБ(СПб) ОР	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), Отдел рукописей
РОИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской академии наук, Санкт-Петербург
РОСПБФИВРАН	— Рукописный отдел Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук
СПИУ	— Санкт-Петербургский императорский университет
СПБФИВРАН	— Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук
ТГУ	— Тартуский государственный университет
УОВЯАДМИД	— Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, Санкт-Петербург
ЦГИА Москвы	— Центральный государственный исторический архив Москвы
ЦГИАСПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абд ар-Рахман Моманд, афганский поэт 91, 97
- Абовян Х., армянский писатель 130
- Абу Абдаллах Джафар Рудаки, персидский поэт 132, 136
- Абу-л-Ала (Абулола) — см. (аль)-Маарри Абу-ль-Ала
- Абу-л-Гази Бахадур-хан, правитель Хорезма 29, 31
- Абу Мансур Мухаммед ибн Ахмед Дакики, персидский поэт 132, 136
- Абу Наср Мухаммад ибн Абд ал-Джаббар ал-Утби (Отби), газнийский историк 90, 97
- Аветикян (Аветикий), армянский священник 131, 136
- Аделунг Ф. (Ф. П.), историк, языковед 31, 33
- Аксаков К. С., поэт, историк, языковед 114
- Александр (Великий), царь Македонии 22, 63, 66, 144, 146, 155
- Александр I, император России 14, 15, 25, 26, 59, 77, 79, 171, 175, 181
- Александр II, император России 136, 141
- Александр III, император России 165
- Алла-Уддин Рияят (Алла-Эддин), шах, правитель Аче 22, 30
- Аматуни Н. И., востоковед 143, 155
- Амиранашвили Ш., автор 57
- Андреевский И. Е., юрист, ректор СПИУ 153
- Анненков П. В., автор, биограф А. С. Пушкина 38, 47, 49
- Антоний I, каталикос Грузии — см. Багратиони Т. Г.
- Ахмед-шах, основатель афганского «царства» 91, 97
- Ахмет Афгани Ахун Дарвиза — см. Ахунд Ахмет Дарвеза
- Ахунд Ахмет Дарвеза, афганский ученый 91, 97
- Бабуджан — см. Бабу-джан Лагмани
- Бабу-джан Лагмани, афганский ученый-теолог 91, 97
- Багaley Д. И., автор 95
- Багратиони Т. Г. (Антоний I), грузинский царевич, историк, каталикос Грузии 51, 56
- Базили К. М., востоковед, чиновник МИД 54
- Байер Г. Т. З., академик, востоковед 31, 170
- Байрон Д. Н. Г., английский поэт 125
- Бакрадзе Д., автор 57
- Бакунин М. А., теоретик анархизма 114
- Балашев В. С., автор 56
- Бальби А., французский географ 41, 49
- Баранников А. П., автор 15, 16, 165
- Баратаев М. П., нумизмат 18
- Барсуков Н., автор 47, 126, 127, 128
- Барятинский А. И., генерал-фельдмаршал 45, 49
- Батеньков Г. С., офицер, декабрист 43
- Безобразов В. В., востоковед 90, 97
- Бейлин С. Х., раввин 144, 155
- Белинский В. Г., литературный критик, философ 102, 105, 113—115, 120, 126, 127
- Беранже П. Ж., французский поэт 134
- Берг Н. В., фольклорист, литературовед 123—125, 129
- Березин И. Н., востоковед 18, 19, 20, 153, 179
- Бероев Н. Л., востоковед 18, 134
- Бескровный В. М., автор 103
- Бестужев-Рюмин К. Н., историк 153
- Бетлинг(к) О. (О. Н.), востоковед 88, 124
- Бионделли Б., нумизмат 18

- Битепаж К., студент-восточник 90
Бичурин Н. Я. (отец Иоакимф), востоковед 116, 117
Блакас д'Ольп, французский герцог, меценат 41
Блудов Д. Н., чиновник МНП 60, 66
Богушевич Ю., востоковед 90, 97
Бодуэн де Куртене (Куртенэ) Я. И. Н. (И. А.), востоковед 162
Болдырев А. В., востоковед 18, 58, 85, 95, 113, 117, 124, 128
Болен П., востоковед 18
Боллензен Ф. (Ф. Ф.), востоковед 117, 122, 124
Болленсен Ф. — см. Боллензен Ф. (Ф. Ф.)
Бопп Ф., немецкий востоковед 18, 99, 100, 102, 119, 127
Боткин В. П., писатель 114
Ботьянов И. В., востоковед, чиновник КИД 9, 77—83
Ботьянов Л. И., участник обороны Севастополя (1854—1855 гг.) 82
Ботьянов Н., сын стольника Молдавского княжества 77
Ботянула В., стольник Молдавского княжества 77
Брокгауз Г., немецкий востоковед 100, 104
Броссе М. Ф. К. (М. И.), востоковед 18, 19, 30, 52, 56, 57, 63, 131, 133, 134, 136, 179
Будагов Л. З., востоковед 146, 157
Булич С. К., востоковед 144, 156, 162
Буслав Ф. И., филолог, искусствовед 153
Бутенев А. П., чиновник МИД 107, 112, 114
Бутырский Н. И., экономист, историк 73, 74
Бычков А. Ф., историк, археограф 153, 156
Бюрнуф Э. (Е.), французский востоковед 44, 100, 104, 120
- Валдалах С., родственник И. В. Ботьянова (см.) 77, 82
Васильев В. П., востоковед 138—141, 179
Васильевский В. Г., историк 153
Вахтанг VI, царь Грузии 52, 56
Вельяминов-Зернов В. В., востоковед 94, 179
Венеитинов Д. В., поэт 37
Веселовский А. Н., литературовед 9
- Веселовский Н. И., востоковед 75, 76, 97, 128, 137, 142—150, 152—158, 182
Вилькен Ф., историк 18
Вилькинс С., английский востоковед 100, 104
Вильсон Г., английский востоковед 100
Виноградов Г. С., автор 156
Владимиров В., автор 136
Владиславич-Рагузинский С. Л., дипломат, чиновник КИД 27, 31
Волков М. Г., востоковед 68—75, 78
Волконская З. А., писательница, меценатка 37
Волконский Г. П., чиновник МНП 88
Воробьев-Десятовский В. С., автор 16
Воронцов С. Р., дипломат 14
Вяземский П. А., поэт, писатель, литературный критик 40, 43, 45—49
- Габеленц (Г. Г.), немецкий востоковед 154, 159
(да) Гама Васко, португальский мореплаватель 30
Гамазов М. А., востоковед 94
Гамаюнов Л. С., автор 16
Ган П. В., член Правительствующего сената 54
Ганка В., чешский славяновед 35
Гаркави А. (А. Я.), востоковед 143—146, 155, 179
Гастер М., английский востоковед 145, 157
Гаугон Г., английский востоковед 100, 104
Гафиз — см. Хафиз
Гезениус Г., востоковед 18
Геннади Г., автор 104
Генци (Гензиус) С. Г. Р., востоковед 18, 98
Геродот, древнегреческий историк 90, 97
Гете И. В., немецкий поэт и писатель 134
Гиргас В. Ф., востоковед 153
Гирс Н. К., дипломат, чиновник МИД 153
Глонти А. А., грузинский востоковед 53, 57
Гоголашвили Р., исследователь грузинских памятников 55
Голицын А. Н., чиновник МНП 27, 31, 76

- Головин В. М., генерал-адъютант флота 83
- Гончарова Н. Н., жена А. С. Пушкина 38
- Горбачева З. И., автор 141
- Горделадзе Г., автор 57
- Готвальд И. (И. Ф.), востоковед 18, 64, 94, 179
- Градовский А. Д., историк, правовед 153
- Грановский Т. Н., историк 32, 43, 49, 114, 119, 120
- Грацилевский И., востоковед 71
- Грейг А. С., вице-адмирал 77, 78, 80, 82, 83
- Грефе Х. Ф. (Ф. Б.), эллинист 73, 74, 118, 119
- Греч Н. И., литератор, журналист 36, 37, 41, 43, 47
- Грибоедов А. С., писатель, дипломат 18
- Григорьев В. В., востоковед 18, 20, 43, 66, 74—76, 83, 97, 101, 104, 105, 111, 120, 124, 127, 153, 182
- Грот Я. К., историк 46, 70, 76
- Губер А. А., историк 30
- (де) Гуге М. Я., голландский востоковед 147, 157
- Гулианос М., «мать господаря» Молдавии 32
- Гулянов И. А., востоковед 9, 25, 31—49
- Гумбольдт А., немецкий ученый 35, 47
- Гумберт Ж., французский востоковед 69, 76
- Гусев А. Н., востоковед 9, 106—112
- Гюго В., французский писатель и поэт 115
- Дакики — см. Абу Мансур Мухаммед ибн Ахмед Дакики
- Данциг Б. М., автор 82, 126
- Дегуров А. А., историк 76
- Дельбрюк Б., немецкий востоковед 161
- Делянов И. Д., чиновник МНП 153
- Деманж Ж. Ф. (И. Ф.), востоковед 59, 65, 68
- Джами А., персидский поэт, философ 80, 83
- (Мирза) Джафар Топчибашев — см. Топчибашев
- Дивов П. Г., чиновник МИД 31
- Дондуков-Корсаков М. А., чиновник МНП 88
- Доннер О., финский языковед 154, 159
- Дорн И. А. Б. (Б. А.), востоковед 9, 18, 23, 30, 63, 72, 84—97, 120, 179
- Дубровин Н. Ф., военный историк 153
- Дьяконов М. А., историк права 163
- Дюбё Л., французский востоковед 18
- Дювернуа А. Л., славяновед 124, 128
- Дюгамель А. О., чиновник МИД 107, 108, 111, 112
- Евреинов В. Н., языковед 162
- Екатерина II, императрица России 170, 171, 180, 181
- Елизавета Петровна, императрица России 170
- Ермолов А. П., генерал, командующий Кавказским корпусом 52
- Жобер П. А., французский востоковед 61, 66
- Жомар Э. Ф. (Е. Ф.), французский востоковед 44
- Жуковский В. А., поэт 146
- Завадовский П. В., чиновник МНП 25
- Загоскин Н. П., автор 30
- Залеман К. Г. Г. (К. Г.), востоковед 113, 145, 155, 163, 179
- Захаров И. И., востоковед 179
- Захир ад-дин (Зегир Эддин), персидский историк 63, 66, 87, 95, 96
- Зегир Эддин — см. Захир ад-дин
- Зеленин Д. К., этнограф 162
- Зограф Г. А., автор 103, 105
- Зябловский Е. Ф., правовед 73
- Ибрагим-паша, вице-король Египта 108, 112
- Ивановский А. О., востоковед 179
- Ивер П., исторический деятель Грузии 57
- Ильинский Л. К., языковед 162
- (отец) Иоакимф — см. Бичурин Н. Я.
- Иоанн, грузинский царевич 56
- Кагаров Е., автор 48
- Казем-бек А. К. (Мирза Мухаммед Али), востоковед 18, 19, 30, 93, 97, 132
- Какабадзе С. Н., кавказовед 55, 57

- Кальянов В. И., автор 104
 Каменский П. И. (архимандрит Петр), востоковед 116
 Канделаки Б. И., кавказовед 55, 57
 Кантемир А. Д., поэт, дипломат 137
 Каподистрия И. (И. А.), чиновник МИД 27, 33
 Караджа (Караджи) З., валашская княжна 32
 Карамзин Н. М., историк, писатель 40, 48
 Каратыгин П. А., актер 160
 Катанов Н. Ф., востоковед 179
 Катенина Т. Е., автор 165
 Кауфман К. П., инженер-генерал, генерал-губернатор Туркестана 150, 153
 Кацнельсон И. С., автор 49
 Келенджеридзе М., автор 57
 Кёне Б. (В.), нумизмат 18, 179
 Кеппен П. И., славист 18
 Киреевский И. В., литератор 37
 Киреевский П. В., литератор 37
 Кирсаков С., корреспондент И. А. Гульянова (см.) 40
 Клапрот Г. Ю., востоковед 24—29, 31, 41, 45, 48, 91, 97
 Клапрот М. Г., немецкий химик 31
 Ковалевский Е. П., чиновник МНП 20
 Ковалевский И. М., востоковед 19, 179
 Козегартен И. Г. Л., немецкий востоковед 18, 69, 76, 119
 Козмин Н. К., автор 156
 Козмина-Бороздина Т., автор 49
 Коковцов П. К., востоковед 145, 148, 155, 158, 179
 Кольбрук Г. Т., английский востоковед 100, 104
 Кондаков Н., автор 57
 Кондаков П. С., востоковед 18
 Коноплев Н. Г., востоковед 111
 Коншин П., переводчик с французского языка 49
 Короленко В. Г., писатель 156
 Корф М. А., историк, чиновник МНП 87
 Корш Ф. Е., востоковед 179
 Коссович К. А., востоковед 121, 122, 147, 157, 179
 Костомаров Н. И., историк, писатель 153, 156
 Красов В. И., поэт 115
 Красовский А. И., генерал-адъютант 79
 Крафстрем Г., генерал-лейтенант, чиновник МНП 131
 Крачковский И. Ю., востоковед 82, 95, 105, 106, 111, 112, 126, 127, 158, 182
 Крузе Ф., историк 18
 Крузенштерн И. Ф., мореплавател ь 20, 22—24, 30, 31
 (де) Ксивре Ж. Б., французский ученый 44, 49
 Кудрявская А. А., жена Д. Н. Кудрявского (см.) 165
 Кудрявский Д. Н., востоковед 160—166
 Кудряшев М. И., студент СПИУ 145, 157
 Куликова А. М., автор, историк России 8, 9, 16, 30, 31, 46, 50, 56, 57, 65—67, 75, 76, 82, 83, 94—97, 104, 105, 111, 112, 127—129, 136, 137, 140, 141, 158, 165, 166, 180—182
 Кумани М. Н., контр-адмирал 79
 Куник Э. Э. (А. А.), историк 121, 122, 128
 Лазарев (Лазарян) И. И., полковник, меценат 137
 Лазарев М. П., вице-адмирал 77, 79, 80, 82
 Лазарь Парбский, армянский историк 132, 136
 Ламанский В. И., историк 153
 Ланг М., собиратель материалов о Ж. Ф. Шампольоне 49, 58, 60
 Ланг(г)дарма, правитель Тибета 139, 141
 Ланглуа С. А., французский востоковед 120
 Лассен Х., немецкий востоковед 119
 Лебедев Г. С., востоковед 13—16
 Лебид, арабский поэт 81, 83
 Лелевель И., историк 18
 Лемм О. Э., востоковед 145, 146, 155, 179
 Ленц Р. (Р. Х.), востоковед 9, 18, 20, 88, 96, 98, 117, 118, 124, 127, 179
 Леонтьев А. Л., востоковед 168
 Лерх П. И., востоковед 146, 147, 155, 180
 Ливен К. А., чиновник МНП 70, 106
 Лифшиц И. Г., автор 49
 Лисянский Ю. Ф., мореплавател ь 14, 16
 Локман — см. Лукман

- Ломоносов М. В., ученый, поэт 174
 Лоя Я. В., автор 165
 Лукман (Локман, Лохман), арабский баснописец 69, 76
 Люстерник Я. Я., автор 165
- (аль)-Маарри Абу-ль-Ала, арабский поэт и философ 81, 83
 Маврокордато А. И., господарь Молдавии 32, 33, 46
 Маврокордато Е. А., дочь А. И. Маврокордато (см.) 33
 Майков А. Н., поэт 153
 Майков Л. Н., литературовед 144
 Максимов В. А., востоковед 96
 Малов Е. А., востоковед 180
 Маркс К., философ (теоретик коммунизма), экономист, редактор 161
 Марр Н. Я., востоковед 137, 147, 148, 155, 162, 180
 Маслов Ю. С., автор 165
 Масуди, арабский историк и путешественник 64, 66
 Махаббат-хан Н., афганский ученый 90, 91, 97
 Махмуд-Газни («Газневидский»), представитель мусульманской династии в Индии 90, 97
 Мачинский А. В., автор 49
 Медников Н. А., востоковед 180
 Мейе А., языковед 162
 Мейендорф П. К., дипломат, чиновник МИД 44
 Мелиоранский П. М., востоковед 180
 Мельгунов Г. В., востоковед 90, 97
 Мельгунов Н. А., литератор 37
 Менделеев Д. И., химик 156
 Миллер В. Ф., востоковед 124, 153, 180
 Мильтон Д., английский поэт 115
 Мильярини М. А., итальянский археолог 9
 Минаев И. П., востоковед 9, 123, 124, 128, 143, 147, 149—152, 155, 157, 158, 160, 165, 176, 180
 Мирза — см. Мирза-хан А.
 Мирза-хан А., афганский поэт 91, 97
 Митошский Ф., востоковед 90
 Моисей Хоренский, армянский историк 132, 136, 137
 Мойер И. Ф., хирург 146
 Морисон Р., английский востоковед 116, 127
 Мсериац Л., автор 103, 104
- Мусин-Пушкин М. Н., чиновник МНП 121
 Мухабет-хан — см. Махаббат-хан Н.
 Мухлинский А. О., востоковед 107, 108, 111, 180
 Мюллер М., английский востоковед 92
- Надеждин Н. И., литературный критик 36, 37, 42, 43
 Назарян (Назаров) С. (С. И.), востоковед 9, 18, 130—133, 136, 137, 180
 Наим Эффенди (Эфенди, Эфендий), турецкий историк 63, 66
 Налбандян (Налбандов) М. (М. Л.), армянский просветитель 132
 Наполеон I Бонапарт, император Франции 39
 Нараяна, составитель сборника древнеиндийских рассказов 162
 Неверов Я. М., литератор 43, 49, 115, 119
 Невский В. В., автор 31
 Нейман К., востоковед 18
 Нерсес Аштаракец, армянский архиепископ и поэт 130
 Нессельроде К. Р. (К. В.), дипломат, министр иностранных дел 14, 74, 83, 86
 Нечаев В. М., правовед 163
 Низами, персидский поэт и мыслитель 63, 66
 Никитенко А. В., историк и критик литературы 43
 Николай I, император России 54, 82, 85, 87, 89, 99, 101, 106, 171
 Николай II, император России 161
 Норов А. С., литератор, чиновник МНП 43, 91
- Овчинников Р. В., автор 16
 Оленин А. Н., историк, археолог 20, 41, 43, 49, 60, 66
 Ольденбург С. Ф., востоковед 144, 153, 155, 160—162, 165, 166
 Орбели Р. П., автор 56
 Орбелиани С. С., грузинский ученый, писатель 52, 56
 Отби — см. Абу Наср...
- Павел I, император России 14, 15, 170, 180, 181
 Панкратов Б. И., автор 141
 Паррот И. Я. Ф., физик, географ 130

- Патканов К. П. — см. Патканян К. (К. П.)
- Патканов (П.), священник 133
- Патканян (Патканов) К. (К. П.), востоковед 9, 130, 133—137, 153, 155, 180
- Патканян Р. (Р. Г.), армянский писатель 130
- Первошиков В. М., славист 18
- Перовский А. А., чиновник МНП 84
- Петерман Ю. Г., немецкий востоковед 119
- Петр Ивер, грузинский монах (V—VI вв.) 57
- Петр I, император России 8, 170
- Петрашевский И. Б., востоковед 18, 20
- Петров Н. А., автор 141
- Петров П. Я., востоковед 20, 102, 105, 113—129, 180
- Петровский Н. Ф., краевед Туркестана 180
- Писарев А. А., славист 18
- Плетнев П. А., филолог 46, 70, 75, 76, 88, 111
- Плеханов Г. В., философ, пропагандист марксизма 161
- Погодин М. П., историк 32, 36, 37, 39, 43, 47, 102, 114, 115, 118, 120, 121, 123, 126—128
- Позднеев А. М., востоковед 153—155, 159, 180
- Позднеев Д. М., востоковед 180
- Полей, французский востоковед 128
- Помяловский И. В., эллинист 74, 154, 159
- Попов А. Н., историк 153
- Попов Д. П., эллинист 73, 74
- Поржезинский В. К., востоковед 162
- Порфирьев И. Я., автор 144
- Потанин Г. Н., географ, исследователь Монголии и Тибета 154, 159
- Потапов А. А., генерал-губернатор Северо-Западного края 153
- Поццо ди Борго К. (К. А.), дипломат 35
- Прейс П. И., славяновед 70, 76
- Протасова М. А., жена И. Ф. Мойера (см.) 157
- Пушкин А. С., поэт, литератор, историк 32, 37—39, 47, 48
- Пыпин А. Н., литературовед 156, 158
- Радлов Ф. В. (В. В.), востоковед 153—155, 180
- Разумовский А. К., чиновник МНП 26, 27
- Разумовский А. К., дипломат 13, 14
- Рауль-Рошетт Д., французский востоковед 44
- Ремюза Ж. П. А., французский востоковед 18, 44
- Рехман — см. Абд ар-Рахман М.
- Риттер К., немецкий востоковед 119
- Рогов Т. О., историк 73, 74
- Розберг М. П., литературовед 131
- Розен В. Р., востоковед 153—155, 180
- Розен Ф., востоковед 18
- Розен Ф. А., востоковед 100
- Розенмюллер Э. Ф. К., немецкий востоковед 69, 70, 75, 84
- Романовский Д. И., автор 49
- Рославский-Петровский А., автор 95
- Рот, генерал 83
- Рудаки — см. Абу Абдаллах Джафар Рудаки
- Руднев А. Д., востоковед 154, 155
- Румовский С. Я., чиновник МНП ()
- Румянцев С. П., поэт, историк 40
- Рунич Д. П., чиновник МНП 59
- Руссело, создатель «инструментов» для лингвистических исследований 144
- Руссов С. А., автор, издатель 16
- Руставели Ш., грузинский поэт 55, 57
- Рыбаков С. Г., этнограф, композитор 154, 155
- Саади Ширази, персидский поэт и писатель 81, 83, 106, 111, 115, 127, 133, 137
- Саблуков Г. С., востоковед 20
- Савельев П. С., востоковед 18, 20, 29, 31, 45, 49, 60—62, 65—67, 76, 82, 111, 112, 180
- Санги А. Л., жена А. И. Маврокордато (см.) 33
- (де) Саси А. И. С., французский востоковед 18, 41, 48, 58, 59, 65, 69, 75, 76, 98
- Свербеев Д. Н., литератор 37
- Сенковский И. Ю. (О. И.), востоковед 18, 19, 30, 43, 58, 62, 68—71, 78, 82, 94, 106, 116, 118, 124, 140, 180
- Сен-Мартен А., французский востоковед 18
- Сербинович К. С., автор воспоминаний о Н. М. Карамзине (см.) 48

- Симони П. К., автор 156, 157
Смирнов В. Д., востоковед 155, 180
Смыкалов Г. Ф., автор 141
Снегирев И. М., собиратель-нумизмат 20
Спасский Г. И., историк 43, 49
Срезневский И. Е., славист 18
Срезневский И. И., филолог 153
Станкевич Н. В., философ, поэт 43, 49, 114, 115, 119, 120, 127
Стариков А. А., автор 126
Стасов В. В., историк искусства 156
Суворин А. С., журналист, издатель 156
Сухомлинов М. И., литературовед 156
- Тамерлан (Тимур), создатель империи в Средней Азии 64, 67**
Татишев Д. П., дипломат, чиновник МИД 44
Теребенина Р. Е., автор 48
Тизенгаузен В. Э. (В. Г.), востоковед 146, 157, 180
Тиксен О. Г., немецкий востоковед 18
Тимковский, чиновник МНП 75
Токмаков И. Ф., автор 46
Толмачевская Н. И., автор 57
Толстой Д. Н., историк 44
Топчибашев, Мирза Джафар, востоковед 68, 78, 106, 116, 124
Тохтамыш, хан Золотой Орды 64, 67
Тураев Б. А., востоковед 45, 49, 180
Тургенев А. И., литератор, историк 18, 41, 43, 46
Тютчев Ф. И., поэт 37
Тютюнджу-оглу-Мустафа-(Ага), турецкий философ 66
- Убри П. Я., чиновник МИД 44
Уваров С. С., чиновник МНП 25, 28, 29, 59, 62, 65, 70, 85, 86, 88, 98—101, 107, 115, 119, 131, 132
- Фасмер М., языковед 162**
Фирдоуси Абулькасим, персидский поэт 29, 31, 132, 133, 136, 137
Фойгт К. К., славист 18
Франкини, чиновник МИД 78
Фрейтаг Г., немецкий востоковед 18
Френ К. М. (Х. Д.), востоковед 9, 17—25, 27, 30, 58, 60, 62, 67, 70—72, 74, 75, 81, 84, 98—100, 105, 115, 118, 119, 121, 122, 124, 127, 131, 180
- Фус П. Г. (П. Н.), математик 104
- Хаджи Халифа (Хаджи Хальф), турецкий географ 115, 127**
Хальфин И., востоковед 18, 20
Хальфин С., чиновник «адмиралтейской канторы» 9
Хаммер (Гаммер)-Пургшталь Й., австрийский востоковед 63, 66
Ханызов Н. В., востоковед 18, 180
Хафиз Ширази, персидский поэт 81, 83, 114, 115, 126, 127
Хвольсон Д. А., востоковед 145, 180
Хомяков А. С., литератор 37
Хушхал — см. Хушхал-хан
Хушхал-хан, афганский поэт 91, 97
- Цагарели А. А., востоковед 55, 57, 155**
Цзонхава (Цзонкхава, Цзонкаба), тибетский автор, комментатор буддийских текстов 139—141
- Чаадаев П. Я., литератор, философ 32, 36, 37, 39, 43, 47**
Чубинашвили Д., грузинский священник 50
Чубинашвили (Чубинов) Д. (Д. И.), востоковед 50, 53, 54, 56, 57, 145, 157
Чубинашвили И., грузинский священник 50
Чубинашвили (Чубинов) Н. (Н. Д.), востоковед, чиновник МИД 9, 50—56
Чубинов Д. (Д. И.) — см. Чубинашвили Д. (Д. И.)
Чубинов Н. (Н. Д.) — см. Чубинашвили Н. (Н. Д.)
- Шампольон Ж. Ф., французский востоковед 9, 25, 32, 39—45, 48, 49**
Шампольон-Фижак Ж. Ж., брат Ж. Ф. Шампольона (см.) 49
Шараф-хан Билдиси, персидский историк 64, 67, 72
Шармуа Ф. Б. (Ф. Ф.), востоковед 9, 18, 19, 30, 58—68, 106, 180
Шафарик П., славяновед 121
Шевырев С. П., историк 18, 121—123
Шези А. Л., французский востоковед 98
Шиллер И. Ф., немецкий писатель 134
Шиллинг-Канштадт П. (П. Л.), востоковед 18, 20, 27, 117, 180

- Шифнер Ф. А. (А. А.), востоковед 153, 180
- Шишков А. С., адмирал, чиновник МНП 33, 85
- Шлютнер, библиотекарь 163
- Шмидт А. В., автор 49
- Шмидт И. Я. (Я. И.), востоковед 18, 62, 98—100, 102, 105, 117—119, 124, 140, 180
- Шмит Е. А., родственница А. Н. Гусева (см.) 111
- Шофман А. С., автор 126
- Шпицнагель Л., востоковед 63, 66
- Шпрунер фон-Мертц К., географ 154, 159
- Шрёдер А. Л. (Л. Ю.), востоковед 163, 166
- Штейнберг Е. Л., автор 16
- Шуберт Ф. Т. (Ф. И.), хранитель Кунсткамеры 22—24, 30
- Шувалов П. П., нумизмат 153
- Шульгин И. П., историк 118
- Щербатской Ф. И., востоковед 160, 162, 163, 164
- Эберман В., автор 82
- Эвальд Г. Г. А., немецкий востоковед 69, 70, 76, 91, 97
- Эзов Г. А., востоковед 134
- Экономос К., священник, славяновед 47
- Эльфинстон М., английский историк, дипломат 91, 97
- Энгельгардт М., геолог 163, 166
- Энгельс Ф., философ (теоретик коммунизма), журналист 161
- Эндзелин Я. (Я. М.), языковед 162
- Эрдман Ф., востоковед 18
- Юльг, немецкий востоковед 154, 159
- Юнг Т., английский ученый 40, 48
- Юсуф-паша, турецкий военачальник 79
- Языков Д. И., литератор 18
- Янкович де Мириево Ф. И., экономист, реформатор просвещения в России 9
- Ярцов Я. О., востоковед 18
- Brugsch H., автор 49
- Dugat G., автор 94
- Hartleben H., автор 48
- Hasselblatt (Хассельблат) А., автор 136, 137, 182
- Legrand E., автор 46
- Otto (Отто) G., автор 136, 137, 182

Серия

Архив
Российского Востоковедения

образована в 1994 г.

А. М. Куликова

Российское востоковедение XIX века в лицах

научное издание

Набор — Г. А. Кочугурова

Корректор — А. Востоковедова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

Выпускающий — О. И. Трофимова

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Издательство

«Петербургское Востоковедение»

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Для корреспонденции:

✉ 198152, Санкт-Петербург, а/я 111

ЛР № 65555 от 05.12.97

Подписано в печать 19.11.2001. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Объем 12 печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1336

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

90p.

А. М. Куликова

Российское востоковедение XIX века в лицах

В книге история российского востоковедения XIX века представлена в виде пятнадцати очерков жизни и деятельности людей, причастных к изучению Востока.

В заключительной главе автор впервые поставил и осветил некоторые общие проблемы востоковедной науки. Решение этих теоретических вопросов стало возможным в результате сравнительного анализа большого количества фактических данных, как приведенных в работе, так и оставшихся за ее пределами.

Книга основана на архивных источниках и малоизвестных опубликованных материалах.

Архив
оссийского Востоковедения

ISBN 5-85803-195-1

9 785858 031956

Известно
Книга
наши Си
привеза и
Музей, те
описаны,
Рубинский
Содержит
и излагает
представлен
336 году,
Написана
наши
1090 году)
Позвольте
Книга
наши Си
'за и пер
'менерт
'Кавказ', и
Рубинский
Содержит
и излагает
представлен
336
наши
1090